

• ЧАЙНА МЪБЕВИЛЬ •

ВОКЗАЛ
ПОТЕРЯННЫХ СНОВ

fanzon

Нью-Кробюзон

Чайна Мьевиль

Вокзал потерянных снов

«ЭКСМО»

2000

Мьевиль Ч.

Вокзал потерянных снов / Ч. Мьевиль — «Эксмо»,
2000 — (Нью-Кробюзон)

ISBN 978-5-699-65994-4

Фантазмагорический шедевр, книга, которую критики называли лучшим произведением в жанре стимпанк со времен «Машины различий» Гибсона и Стерлинга, а коллеги по цеху – самым восхитительным и увлекательным романом наших дней. В гигантском мегаполисе Нью-Кробюзон, будто бы вышедшем из-под пера Кафки и Диккенса при посредничестве Босха и Нила Стивенсона, бок о бок существуют люди и жукоголовые хепри, русалки и водяные, рукотворные мутанты-переделанные и люди-кактусы. Каждый занят своим делом: хепри ваяют статуи из цветной слюны, наркодельцы продают сонную дурь, милиция преследует диссидентов. А к ученому Айзеку Дан дер Гримнебулину является лишенный крыльев гаруда – человек-птица из далеких пустынь – и просит снова научить его летать. Тем временем жукоголовая возлюбленная Айзека, Лин, получает не менее сложное задание: изваять портрет могущественного главаря мафии. Айзек и Лин еще не знают, какой опасностью чреваты эти заказы – для них самих, всего города и даже структуры мироздания...

ISBN 978-5-699-65994-4

© Мьевиль Ч., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Часть вторая	44
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	57
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	77
Глава 12	83
Глава 13	91
Глава 14	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Чайна Мьевиль

Вокзал потерянных снов

Эмме

China Mieville
Perdido Street Station
Copyright © 2000 by China Mieville
© Корчагин Г., Акимова О., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

С любовью и благодарностью к моей матери Клаудии и сестре Джемайме за помощь и поддержку. Огромное спасибо всем, кто снабжал меня критикой и советами, особенно Скотту Бичено, Максу Шеферу, Саймону Кавано и Оливеру Читэму.

С глубокой любовью и благодарностью к Эмме Берчам, ныне и всегда.

Спасибо всем сотрудникам издательства «Макмиллан», в особенности моему редактору Питеру Лейври за его невероятную поддержку. И бесконечная благодарность Мик Читэм, которая помогла мне больше, чем я способен выразить словами.

За недостатком места я, к сожалению, не могу выразить здесь благодарность всем писателям, оказавшим на меня свое влияние, но хочу упомянуть двоих, чье творчество является постоянным источником вдохновения и восхищения. Я выражаю свою скромную и искреннюю благодарность М. Джону Гаррисону и всегда буду хранить светлую память о Мервине Пике. Без них эта книга никогда не была бы написана.

Я даже приостановился на мгновение у окна, глядя на огни и глубокие освещенные улицы. В этом гибельном контакте с городом есть что-то от умирания.

Филип К. Дик. «Кукла по имени Жизнь»

* * *

Через пустынный вельд, и кустарники, и поля, и фермы, и уже виднеющиеся нагромождения домов, словно поднимающихся из-под земли... Здесь давно царит ночь. Убогие лачуги, теснящиеся вдоль речных берегов, как грибы, растут в окружившей меня тьме.

Нас качает. Нас швыряет в глубокий поток.

Человек за моей спиной с трудом удерживает руль, и движение лодки выправляется. Раскачивающийся фонарь отбрасывает пляшущий свет. Этот человек боится меня. Стоя на носу утлого суденьшика, я наклоняюсь над подвижной темной водой.

Над маслянистым рокотом мотора и нежным, уютным лепетом реки возвышаются здания. Ветер шелестит меж бревен и ласково ворошит солому крыши; стены вздымаются все выше, заполняя пространство этажами; десятки домов сменяются сотнями, тысячами; они расползаются во все стороны от берега, заслоняя собой свет над равниной.

Они обступают меня. Они растут. Становятся все выше, все массивней, все шумней... Шиферные крыши, стены из толстого кирпича.

Река виляет и изгибается навстречу городу, который внезапно возникает передо мной, тяжело врезаюсь в пейзаж. Свет его огней растекается по каменистым холмам окрестностей, как кровоподтек от удара. Его отвратительные башни горят во тьме. Он давит. Я вынужден слепо преклониться перед этим гигантским наростом, образовавшимся в излучине двух рек. Огромная клоака, смрад, гул. Даже сейчас, глубокой ночью, толстые каминные трубы изрыгают копоть в небеса. Нас влечет не речной поток – это город своим притяжением засасывает внутрь. Откуда-то доносятся то слабые человеческие крики, то голоса зверей, то из фабрик слышится отвратительный скрежет и стук огромных работающих механизмов. Рельсы, словно сетка вздувшихся вен, покрыли тело города. Мрачные стены из красного кирпича, приземистые церкви, похожие на доисторические пещеры, трепещущие на ветру рваные навесы, каменные лабиринты Старого города, глухие переулки, сточные канавы, избороздившие землю, как вековые гробницы, новые пейзажи пустырей и руин, книжные магазины, заполненные позабытыми книгами, старые больницы, дома-башни, корабли и железные клешни, поднимающие грузы в доках.

Как мы могли не заметить его приближения? Какие причуды рельефа помогают этому распростертому чудовищу прятаться за выступами, чтобы неожиданно выскочить перед путешественником?

Но бежать уже поздно.

Человек нашептывает мне названия мест, которые мы минуем. Я даже не оборачиваюсь.

Этот скотский муравейник вокруг нас называется Вороньими воротами. Гнилые домишки, устало прижавшиеся друг к другу. От кирпичных набережных, которые, словно городские стены, вырастают из глубин реки, чтобы вода не вышла из своего ложа, поднимается липкое зловоние. Здесь повсюду стоит ужасная вонь.

(Интересно, как все это выглядит сверху – стоит приблизиться к городу с подветренной стороны, и тут уж ему никуда не спрятаться, его будет видно с расстояния нескольких миль, как грязное пятно, как кусок падали, кишащий червями; я не должен об этом сейчас думать, но ничего не могу с собой поделать: я мог бы оседлать восходящие потоки воздуха, что идут из печных труб, взлететь выше надменно вздернутых башен и нагадить с высоты на земную юдоль, а потом опуститься в этот хаос, где пожелаю, – но я не должен сейчас думать об этом, я не должен сейчас этого делать, надо остановиться: не теперь, не так, еще не время.)

Вот показались дома, истекают бледной слизью, органической смазкой, густо обволакивающей подножия фасадов, сочащейся из верхних окон. Надстройки обмазаны гадкой белесой жижей, заполняющей просветы между домами и тупиковыми переулками. Вид домов обезображен волнистыми наплывами, как будто крыши были залиты воском и он внезапно застыл. Какая-то иная форма сознания перекроила эти некогда человеческие улицы на свой лад.

Над рекой и свесами крыши – туго натянутые провода, намертво скрепленные сгустками белесой слизи. Они гудят, как басовые струны. Что-то падает нам на головы. Шкипер с отвращением харкает в воду.

Его плевков вскоре исчезает. Дождь каплющей слизи над нашими головами утихает. Из темноты выплывают узкие улицы.

Впереди нас по рельсам, перекинутым высоко над рекой, со свистом проносится поезд. Я смотрю на него, в сторону юго-востока, и вереница огоньков уносится прочь, исчезая в ночной мгле – этом чудище, пожирающем своих жителей.

Скоро мы будем проплывать мимо фабрик. Из мрака вздымаются подъемные краны, похожие на тощих цапель; кое-где они двигаются, подгоняя бригады изможденных полуноч-

ных рабочих. Под тяжестью собственного веса раскачиваются цепи, похожие на омертвевшие конечности, и с лязгом безучастно уползают к крутящимся зубчатым колесам и маховикам.

Огромные хищные тени кружат в небе.

Город гудит и полнится эхом, словно пустое чрево. Черная барка с трудом пробирается в толпе себе подобных, груженных коксом, лесом, чугуном, сталью и стеклом. Звезды отражаются в здеишей воде, пробиваясь сквозь радужную пленку вонючих нечистот – фекалий и химических отходов, придающих воде подозрительно-застойный вид.

(О, как бы мне хотелось подняться над всем, чтобы не чувствовать этого зловония, не видеть этой грязи, этих испражнений, чтобы не въезжать в город через эту клоаку, но я должен держаться, я должен; я не в силах двигаться дальше, но я должен.)

Мотор сбавляет обороты. Я оборачиваюсь и смотрю на стоящего за моей спиной человека, а он налегает на руль, делая вид, будто глядит сквозь меня. Он везет нас в док, расположенный позади складов, доверху набитых товаром, так что их содержимое переваливается наружу через стены, рассыпаясь среди беспорядочного нагромождения гигантских коробок. Барка лавирует между другими судами. Из воды поднимаются крыши домов. Здания жмутся к другому берегу, стоя в воде, которая лижет их смолёные кирпичные бока.

Под нами возникает какое-то волнение. Река бурлит, со дна поднимаются водовороты. Мертвые рыбы и лягушки, уставшие бороться за глоток воздуха в этой гниющей каше из отбросов, захваченные суматошным потоком, проносятся между плоским бортом барки и обнаженным берегом. Просвет между лодкой и берегом закрывается. Мой капитан спрыгивает на берег и пришвартовывает барку. Облегчение прямо-таки написано на его лице. С победным видом и угрюмым ворчанием он торопливо помогает мне сойти на берег, и я медленно, словно шагая по горячим углям, иду прочь, аккуратно пробираясь через грязь и битые стекла.

Шкипер доволен теми камушками, которыми я с ним расплатился. Это Дымная излучина, говорит он, и я заставляю себя отводить глаза, чтобы он не заметил моей растерянности, не понял, что я новичок в этом городе, что меня пугают мрачные, страшные здания, от которых никуда не скрыться; что меня мутит от боязни закрытых пространств и дурных предчувствий.

Чуть к югу над рекой поднимаются два огромных столба. Это ворота некогда величественного, а ныне запаришивевшего и обветшавшего Старого города. Время и кислота стерли письма, когда-то начертанные на этих обелисках, остались лишь неясные завитки, похожие на истертую винтовую резьбу. Позади ворот – невысокий мостик («Каторжный переход», – поясняет шкипер). Не воспользовавшись внезапной словоохотливостью спутника, я удаляюсь, шагая через эту выбеленную известковую равнину, мимо зияющих дверных проемов, сулящих уютный мрак и какое-никакое укрытие от речного зловония. Голос шкипера звучит уже где-то совсем далеко, и я с тоской думаю о том, что больше никогда его не увижу.

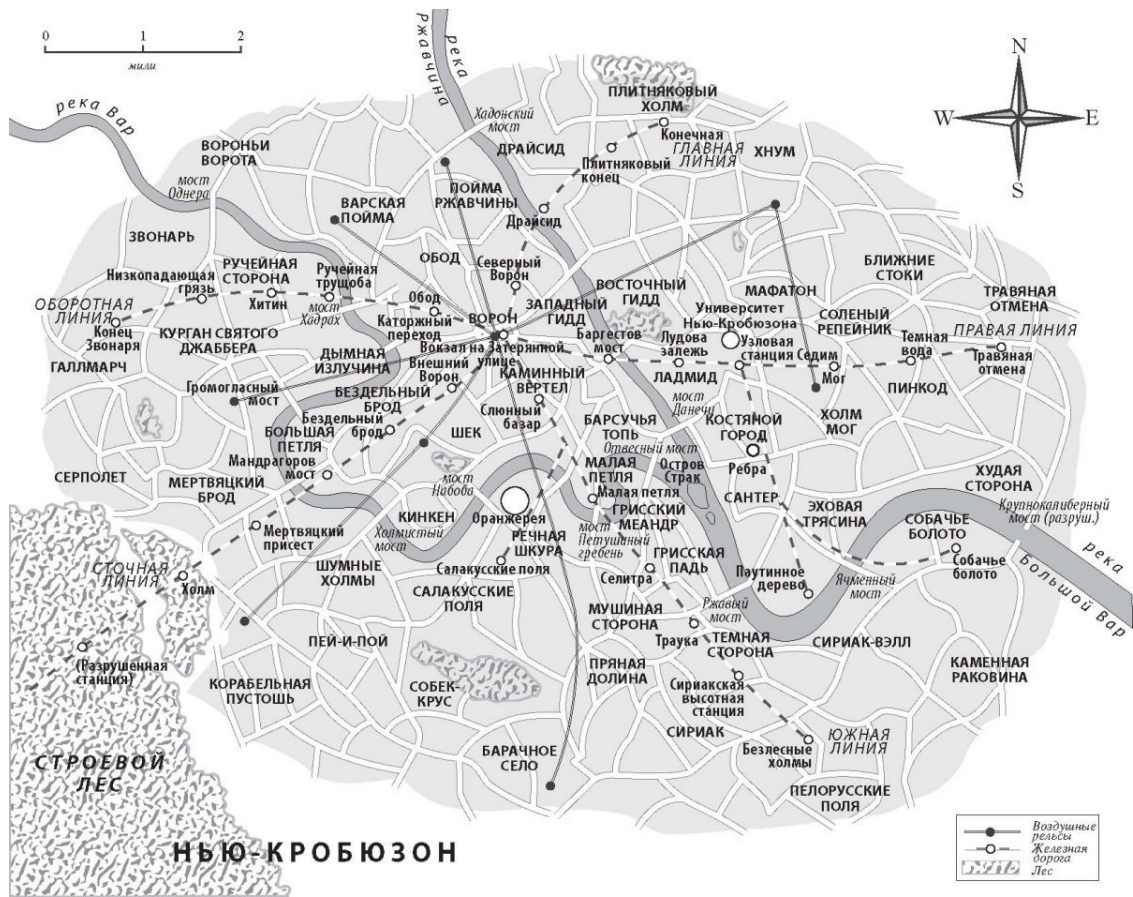
Становится теплее. На востоке уже маячат городские огни.

Я пойду вдоль рельсов. Буду пробираться в их тени там, где железная дорога проходит над домами и башнями, убогими лачугами, роскошными конторами и городскими тюрмами; я буду следовать вдоль них на высоте арочных сводов, не дающих им оторваться с земли. Я должен найти дорогу в город.

Мой плащ (громоздкий наряд, непривычно и болезненно облегающий тело) тяготит меня; кроме того, я чувствую тяжесть кошелька. Вот что защищает меня здесь; а еще – обманчивая мысль о том, что больше я никуда не мог прийти. Печаль и стыд, мучительная боль заставили меня добраться до этого исполинского нароста, до этого пропыленного города. И теперь вокруг меня – замысел, воплощенный в костях и камне, хитросплетение тяжского

труда и насилия, символ откормленного владычества, покоящегося в глубинах истории, – этот непостижимый враждебный край.

Нью-Кробюзон.



Часть первая

Заказы

Глава 1

Высоко над рынком резко распахнулось окно. Из него вылетела корзина и, описав дугу, пронеслась над ничего не подозревающей толпой. Судорожно перекувырнулась в воздухе, а затем, кружась, продолжила свой спуск на землю, замедленными и неровными рывками. Во время этого рискованного танца проволочная сетка царапнула шершавую стену дома и камнем полетела вниз. Со стены, обгоняя корзину, посыпались краска и бетонная пыль.

Яркие лучи солнца пробивались сквозь покрытое неровными серыми облаками небо. Там, куда спускалась корзина, пестрели беспорядочно разбросанные лотки и повозки. От города поднимались зловонные испарения. Но сегодня в Пряной долине был рыночный день, и расстилающийся над Нью-Кробюзоном мерзостный дух гниения и нечистот в этом районе был несколько приглушен ароматами паприки, свежих томатов, горячего масла, рыбы, корицы, копченого мяса, бананов и лука.

Съестные ряды шумной полосой растянулись на всю длину Седрахской улицы. Книжки, рукописи и картины заполнили собой весь Селчитский бульвар – небольшую протянувшуюся к востоку улочку, вдоль которой кое-где росли баньяны и стояли домики с осыпающейся штукатуркой. К югу, вдоль дороги на Барачное село, раскинулась торговля керамикой; к западу развернулась торговля деталями для машин; на одной из боковых улочек торговали игрушками; между двумя другими – одеждой; остальные бесчисленные товары заполняли собой все проулки и переулки. Торговые ряды, криво изгибаясь, сходились к Пряной долине, подобно спицам сломанного колеса.

На площади же царил полное смешение. В тени древних стен и грозящих вот-вот обрушиться башен была свалена в кучу всякая утварь, рядом стоял ветхий столик с разложенными на нем осколками глиняной посуды и грубыми украшениями из керамики, ящик с полуистлевшими школьными учебниками. Древности, секс, порошок от вшей. Между прилавками громоздились строения, откуда доносились топот и недовольные голоса. В чревах заброшенных домов ругались между собой нищие. Представители удивительных рас покупали всякие странные вещи. Пряный базар – крикливое смешение товаров, взяточников и ростовщиков. Закон торговли гласит: не давай покупателю забыть об осторожности.

Зеленщик, стоявший как раз под спускающейся корзиной, посмотрел вверх, на блеклый солнечный свет и на дождь из штукатурного крошева. Он протер глаза. Затем, потянув за веревку над головой, потащил к себе болтавшуюся на ней потрепанную корзинку. Она наконец оказалась у него в руках. В корзине лежали медный шекель и записка, написанная аккуратным, затаенным почерком. Уставившись в бумажку, продавец озадаченно почесал нос. Порылся в разложенном перед ним товаре, сверяясь со списком; положил в лукошко яйца, фрукты и несколько корнеплодов. На одном из пунктов он остановился, перечитал, а затем с похотливой ухмылкой отрезал ломоть свинины. После этого он положил шекель в карман и стал искать мелочь, прикидывая стоимость доставки; в конце концов он отправил вслед за едой четыре стивера сдачи.

Обтерев руки о штаны и подумав с минуту, он что-то нацарапал угольком на списке, а потом закинул листок в корзину вслед за монетами.

Зеленщик дернул три раза за веревку, и корзинка заплескала в воздухе, отправляясь в обратный путь. Она поднималась над низкими крышами соседних домов, равномерно посту-

кивая о стену, вспугнув по дороге сидящих на потолочных балках галок в одном из пустующих этажей и оставив на испещренной царапинами штукатурке еще один след, прежде чем снова исчезнуть в том окне, из которого недавно появилась.

Айзек Дэн дер Гримнебулин вдруг понял, что это был сон. Он в ужасе осознал, что снова работает в университете, вышагивая перед огромной доской, исписанной сложными формулами рычагов, сил и давлений. Введение в материальную науку. Айзек тревожно уставился на класс, и тут в дверь заглянул этот чертов карьерист Вермишенк.

– Я не могу работать в этом помещении, – громким шепотом произнес Айзек, кивая на окно. – Слишком много шума от рынка.

– Ничего, ничего. – Голос Вермишенка был ласковым до тошноты. – Пора завтракать, – сказал он. – Это отвлечет тебя от шума.

Услышав столь абсурдное заявление, Айзек с невероятным облегчением стряхнул с себя дремоту. Вместе с его пробуждением в явь вернулись и пронзительные крики базарной ругани, и запах готовящейся еды.

Он лежал, не открывая глаз, раскинувшись на кровати. Ему слышались шаги Лин по комнате и легкий скрип половиц. Весь чердак был наполнен едким чадом. У Айзека потекли слюнки.

Лин дважды хлопнула в ладоши. Она уже знала, что Айзек проснулся. «Вероятно, определила это по тому, что я закрыл рот», – подумал он и усмехнулся, не открывая глаз.

– Я сплю, потише, бедный Айзек так устал, – захныкал он и свернулся калачиком, как ребенок.

Лин снова хлопнула и вышла.

Он заворчал и перевернулся.

– Фурия! – прокричал он ей вслед. – Мегера! Ведьма! Ну ладно, ладно, твоя взяла, ты, ты... ты просто... сварливая баба, злючка...

Он потер лоб и сел, робко улыбаясь. Лин, не оборачиваясь, сделала в его сторону неприличный жест.

Она стояла спиной к нему у плиты обнаженная, то и дело отскакивая, когда со сковородки взлетали брызги горячего масла. Одеяло соскользнуло с живота Айзека. Тот был похож на дирижабль – огромный, тугой и сильный. Густо поросший седыми волосами.

Лин была безволосой. Под ее красной кожей можно было различить крепкие мускулы, каждый в отдельности. Не тело – анатомический атлас. Айзек изучал его с радостным вождением.

У него зазудело в заднице. Запустив руку под одеяло, Айзек с прямо-таки собачьим бесстыдством начал копать в заднем проходе. Вдруг что-то лопнуло под ногтем, и он выпростал руку – рассмотреть. На кончике пальца беспомощно висела крохотная полураздавленная личинка. Это был реффлик – безобидный мелкий паразит хепри. «Бедняга, наверное, был здорово ошарашен, когда попробовал моих соков», – подумал Айзек и стряхнул насекомое с пальца.

– Реффлик, Лин, – сказал он. – Пора мыться.

Лин в раздражении притопнула.

Нью-Кробюзон представлял собой гигантский рассадник заразы, зачумленный город. Он просто-таки кишел паразитами, бактериями и сплетнями. Ежемесячная химобработка была обязательной профилактической мерой для хепри, если они не желали страдать от зуда и язв.

Лин вывалила содержимое сковородки в тарелку и поставила ее напротив блюда со своим завтраком. Усевшись за стол, она жестом предложила Айзеку присоединиться к ней. Тот поднялся с кровати и, спотыкаясь, пересек комнату. Он устроился поудобнее на небольшом стуле, стараясь не посадить занозу.

Айзек и Лин сидели нагие друг против друга за простым деревянным столом. Айзек представил себе, как они выглядят со стороны. Могло бы выйти красивое, необычное фото, подумал он. Чердачная комната, пылинки в луче света из оконца, книги, газеты и рисунки, аккуратно сложенные в стопки рядом с дешевой деревянной мебелью. Темнокожий мужчина – большой, обнаженный и упитанный, с ножом и вилкой в руках, неестественно спокойный, сидит напротив хепри. Тонкий абрис ее тела, силуэт хитиновой головы.

Забыв о еде, они несколько мгновений смотрели друг на друга. Лин знаками сказала ему: «Доброе утро, милый». А затем принялась есть, все так же не отрывая от него взгляда.

Во время еды Лин казалась чужой, и их совместные завтраки всегда были для Айзека и вопросом, и утверждением. Глядя на нее, Айзек испытал знакомые чувства – едва возникшее и тут же подавленное отвращение, гордость от этой победы над собой и преступное вожеление.

В сложно устроенных глазах Лин виднелись отблески света. Сяжки на голове подрагивали. Она взяла половинку помидора и вцепилась в нее челюстями. Затем опустила руки, а внутренние части ротового аппарата принялись пережевывать пищу, удерживаемую внешними челюстями.

Айзек смотрел, как огромный радужный жук-скарабей, который был головой его возлюбленной, поглощает свой завтрак.

Он проследил за глотком, увидел, как вздрагивает гортань в том месте, где бледное насекомое брюшко плавно переходит в человечесю шею... хотя ей вряд ли понравилось бы такое описание. «У людей тела, руки, ноги от хепри, – сказала она однажды, – а голова – от бритого гиббона».

Он улыбнулся и, подняв перед собой кусок жареной свинины, захватил его языком и вытер засаленные пальцы о стол. Она покачала сяжками в его сторону и знаками сказала: «Чудовище ты мое».

«Я извращенец, – подумал Айзек, – и она тоже».

Разговор за столом был в основном односторонним: во время еды Лин могла показывать знаки руками, тогда как попытки Айзека говорить и жевать одновременно сводились лишь к нечленораздельному мычанию и расплеванной по всему столу пище. Вместо разговоров они читали. Лин – бюллетень для художников, Айзек – что под руку попадет. Прежде чем взять в рот следующий кусок, Айзек протянул руку, схватил несколько книг и газет, среди которых оказался список покупок Лин, и с удивлением прочел его. Пункт «несколько ломтиков свинины» был обведен кружком, а под строчками, написанными утонченным каллиграфическим почерком Лин, чьей-то грубой рукой было накорябано: *«У тебя гость? Отхватила жирный кус – пальчики оближешь!»*

Айзек помахал листком перед Лин.

– Что это за вонючая писулька? – вскричал он, расплевывая еду. Его возмущение было шутовым, но неподдельным.

Лин прочла и пожала плечами:

«Знает: не ем мяса. Знает: у меня завтракает гость. «Жирный кус» – игра слов».

– Спасибо, любовь моя, я и сам догадался. Откуда он знает, что ты вегетарианка? И часто вы обмениваетесь подобными шуточками?

Лин с минуту молча смотрела на него.

«Знает, потому что не покупаю мяса. – Она встряхнула головой, показывая, что это был глупый вопрос. – Не беспокойся: шутки только на бумаге. Не знает, что я жук».

Айзеку надоело ее нарочитое проглатывание слов.

– Черт, да я совсем не имел в виду...

Лин качнула рукой, что приравнивалось к удивленно поднятой человеком брови. Айзек в раздражении заорал:

– Черт возьми, Лин! Не все мои слова обязательно должны намекать на то, что я опасюсь разоблачения!

Айзек и Лин встречались уже почти два года. Они старались не задумываться о том, насколько законны их отношения, однако чем дольше были вместе, тем труднее было блюсти эту молчаливую стратегию. Не задаваемые до сих пор вопросы требовали ответов. Безобидные замечания и подозрительные взгляды окружающих, слишком длительное пребывание вдвоем на людях, даже эта записка от бакалейщика, – все напоминало о том, что они в некотором смысле ведут тайную жизнь. Все таило в себе опасность.

Они никогда не говорили: «Мы любовники», – поэтому им никогда не приходилось говорить: «Мы не станем показывать свою связь всем подряд, от некоторых мы будем скрываться». Но месяц шел за месяцем, и становилось очевидно, что именно так все и обстоит.

Лин начала намекать, ехидно и колко, что отказ Айзека признать себя ее любовником – в лучшем случае проявление малодушия, в худшем – ханжество. Такая черствость выводила его из себя. Ведь он же откровенно рассказал об этой связи своим ближайшим друзьям, так же как и Лин – своим. А для нее сделать это было во сто крат проще.

Она художница. Круг ее знакомых – вольнодумцы, любители искусства, прихлебатели, представители богемы и паразиты, поэты, памфлетисты и ультрамодные наркоманы. Они приходят в восторг от любого скандала или эксцентричной выходки. В чайных и барах Салакусских полей хождения Лин – которых она никогда не отрицала и о которых никогда не рассказывала прямо, – были предметом двусмысленных пересудов и инсинуаций. Каждый ее любовный роман был авангардным прорывом, культурным событием, каким в прошлом сезоне была Конкретная музыка или Соплежуйство в прошлом году.

Да, Айзек мог бы включиться в игру. Он и сам был известен в этом мире еще задолго до того, как познакомился с Лин. В конце концов, он был опальным ученым, непризнанным мыслителем, который демонстративно оставил высокооплачиваемую должность преподавателя, чтобы заняться экспериментами, казавшимися чересчур смелыми, даже безумными для мелочных умов, заполонивших университет. Какое ему дело до всяких условностей? Он, без сомнения, может спать с кем угодно и когда угодно!

Таков был его имидж в Салакусских полях, где о его связи с Лин тайно знали все, где он с радостью мог чувствовать себя более-менее открыто, где, сидя в баре, он мог обнять ее и что-нибудь нашептывать, пока она высасывает из губки сладкий кофе. Это была его история, и эта история была по крайней мере наполовину невыдуманной.

Он уволился из университета десять лет назад. Но лишь потому, что, к своему несчастью, понял: он никуда не годный учитель.

Он нагляделся на эти недоумевающие лица, наслушался бессмысленного лепета испуганных студентов и догадался наконец, что, обладая умом, способным беспорядочно носиться по коридорам теории, он мог научиться чему-то сам, наталкиваясь на какие-то вещи вслепую, но не мог поделиться с другими тем пониманием, которым так дорожил. Со стыдом опустив голову, он покинул свой пост.

По другой версии, заведующий кафедрой, нестареющий и непотопляемый Вермишенк, был вовсе не косным рутинером от науки, а наоборот – настоящим волшебником в биомагии. Он раскритиковал исследования Айзека не столько за их неортодоксальность, сколько за бесперспективность. Айзек, возможно, был блестящим ученым, но ему не хватало дисциплины. Вермишенк играл с ним, как с мышонком, заставляя выклянчивать работу в качестве внештатного сотрудника с мизерным окладом, да к тому же с ограниченным доступом к университетским лабораториям.

И именно она, работа, заставляла Айзека относиться к своей возлюбленной с осторожностью.

Как раз сейчас его отношения с университетом стали напряженными. За десять лет тайного подворовывания ему удалось оборудовать неплохую лабораторию; большую часть доходов ему приносили сомнительные контракты с самыми неблагонадежными гражданами Нью-Кробюзона, чьи интересы в сложных науках неизменно приводили его в изумление.

Однако исследования Айзека – цель которых не изменилась за все эти годы – не могли проходить в абсолютном отшельничестве. Ему было необходимо публиковаться. Ему было необходимо участвовать в дискуссиях. Ему было необходимо присутствовать на конференциях – хотя бы в качестве отщепенца, блудного сына. Ренегатство давало кое-какие преимущества.

Но академическая система была ретроградной не только внешне. В Нью-Кробюзонский университет ксений принимали только в качестве вольнослушателей, о получении диплома не стоило и мечтать. Открытая любовная связь с представителем иной расы – это скорейший путь к обретению статуса изгоя, а вовсе не того шикарного имиджа «плохого парня», которого он так упорно добивался. Он боялся не того, что о них с Лин станет известно в редакциях научных журналов, на кафедрах, где организуются конференции, и в издательских домах. Он боялся показать, что пытается скрыть эту связь. Но и не скрывать не мог.

И все это очень не нравилось Лин.

«Ты скрываешь наши отношения, чтобы опубликовать статьи для тех, кого презираешь», – прожестикировала она однажды после того, как они позанимались любовью.

В такие горькие моменты Айзек спрашивал, как бы она повела себя, если бы ей грозило отлучение от мира искусства.

В то утро любовникам удалось погасить разгорающуюся ссору с помощью шуток, извинений, комплиментов и страстных объятий. Борясь со штанинами, Айзек улыбнулся Лин, и ее сляжки чувственно покачнулись.

– Чем ты собираешься заняться сегодня? – спросил он.

«Еду в Кинкен. Нужно пополнить запас красильных ягод. Потом – на выставку в Шумные холмы. Вечером – работа», – добавила она со зловещей усмешкой.

– Значит, некоторое время ты не будешь мелькать у меня перед глазами, – осклабился Айзек.

Лин кивнула. Айзек сосчитал по пальцам дни.

– Ладно... может, поужинаем в «Часах и петухе», ну... скажем, в вошькресенье? В восемь?

Лин задумалась. Размышляя, она держала его за руки.

«Класс», – застенчиво прожестикировала она, не уточнив, имела ли в виду ужин или Айзека.

Они сложили кружки и тарелки в ведро с холодной водой, стоящее в углу. Лин собрала перед уходом свои заметки и наброски, а затем Айзек нежно притянул ее к себе, повалил на кровать. Он поцеловал теплую красную кожу. Лин перевернулась в его объятиях. Она оперлась на согнутую в локте руку, и он увидел, как темно-рубиновый панцирь медленно открывается, а сляжки разворачиваются в стороны. Полностью расправленные половинки ее головных покровов подрагивали. Из-под их сени она выпростала прелестные и бесполезные жучиные крылышки.

Она мягко притянула к ним его руку, предлагая погладить эти хрупкие, совершенно беззащитные крылья, что у хепри считается выражением высшего доверия и любви.

Воздух между ними накалился. В штанах у Айзека зашевелилось.

Он провел пальцами по ветвистым прожилкам ее трепещущих крыльев, глядя, как падающий на них свет отражается перламутровыми бликами.

Другой рукой он подобрал юбку, и его пальцы скользнули вверх по ее бедру. От этого прикосновения ноги ее раздвинулись, а затем сдвинулись вновь, поймав его руку в ловушку. Он начал нашептывать ей непристойные и нежные слова.

Солнце над ними совершало свой путь, а вслед за ним медленно ползли по комнате тени оконных переплетов и облаков. Но любовники не замечали, как летит время.

Глава 2

Пробило одиннадцать, когда объятия наконец разомкнулись. Айзек взглянул на карманные часы и начал второпях собирать свою одежду, мыслями уже устремившись к работе. Благодаря Лин спор насчет того, выходить ли из дома вместе, не состоялся. Она наклонилась и нежно провела по его затылку усиками-антеннами, так что у него даже мурашки побежали по коже, а затем исчезла, пока он возился с ботинками.

Ее квартира располагалась на десятом этаже. Лин спустилась с башни; прошла через небезопасный девятый этаж; потом через восьмой с его ковром из птичьего помета и тихим голубиным воркованием; через седьмой, где живет старушка, которая никогда не показывается наружу; и так далее, мимо обиталищ мелких воришек, лудильщиков, девочек на посылках и точильщиков ножей.

Входная дверь располагалась с другой стороны башни, если смотреть со стороны Пряной долины. Лин вышла на тихую улочку, которая была всего лишь проходом между базарными рядами.

Она зашагала прочь, оставив позади шумные перебранки и крики торговцев, удаляясь в сторону садов Собек-Круса. У входа всегда толпились в ожидании извозчики. Лин знала, что некоторые из них (как правило, переделанные) были достаточно либеральными или же нещепетильными, чтобы взять пассажира-хепри.

По мере того как она шла через долину, виллы и многоэтажки обретали все более болезненный вид. Поверхность земли становилась холмистой, медленно поднимаясь к юго-западу, куда направлялась Лин. Верхушки деревьев в Собек-Крусе клубились, словно густой дым над шиферными крышами обветшалых построек вокруг нее; из-за их крон торчали ошестинившиеся высокими пиками силуэты Корабельной пустоши.

В выпуклых зеркальных глазах Лин город предстал в виде причудливой зрительной какофонии. Миллион мельчайших частиц целого; каждый малюсенький пятиугольный сегмент горел яркими разноцветными огнями и еще более яркими сполохами – невероятно чувствительный к световым градациям, однако слабо различающий детали, если только Лин не вглядывалась пристально, до легкой боли в глазах. Каждый из сегментов сам по себе не давал ей возможности различать мертвые отслаивающиеся чешуйки полуразрушенных стен, поскольку архитектурные сооружения сводились к простым цветовым пятнам. И все же она в точности знала, как они выглядят. Каждый видимый фрагмент, каждая часть, каждая форма и каждый оттенок цвета обладали каким-то неуловимым отличием, что позволяло Лин судить о состоянии построек в целом. Кроме того, она могла ощущать хемический состав воздуха, могла определить, сколько существ и какой расы проживает в каждом из этих зданий, могла улавливать вибрации воздуха и звука с достаточной точностью, чтобы спокойно разговаривать в многолюдном помещении или чувствовать, как над головой проходит поезд.

Лин уже пыталась описать Айзеку свое видение города.

«Я вижу ясно, как и ты, даже яснее. Для тебя все недифференцировано. В одном углу – развалины трущоб, в другом – новенький поезд со сверкающими поршнями, в третьем – какая-то тетка, намалеванная на брюхе старого грязно-серого дирижабля... Тебе приходится воспринимать это как одну картинку. Жуткая каша! Никакого смысла, противоречит самому себе, сплошная путаница. Для меня каждая маленькая часть представляется как нечто целое, каждая хоть на малую толику отличается от соседней».

В течение полутора недель Айзек пребывал под впечатлением от услышанного. Он, как водится, исписал кучу страниц и просмотрел кучу книг о зрении у насекомых; он подвергал Лин утомительным экспериментам на восприятие глубины и дальность видения; и еще было

чтение, поразившее его больше всего, поскольку он знал, что Лин это дается не просто и что ей приходится напрягать зрение, как слабовидящему человеку.

Однако его интерес быстро угас. Человеческий мозг не способен осмыслить то, что видит хепри.

Улицы вокруг Лин были запружены людом Пряной долины: кто подворовывал, кто просил милостыню, кто торговал или скрупулезно рылся в мусорных кучах, там и сям раскиданных вдоль дороги. Дети резвились, волоча за собой бесполезные, неработающие конструкции, собранные из утиля. Редкие прохожие с неодобрительными гримасами на лицах шагали мимо.

Башмаки Лин были мокры от органической жижи, покрывавшей дорогу, – неплохая пожива для вороватых бестий, выглядывающих из канав. Вокруг нее мрачно нависали дома с плоскими крышами, над провалами между ними были перекинута мостики из досок. Это были пути бегства, альтернативные дороги, улицы в городе крыш над Нью-Кробюзоном.

Только несколько детей бросили ей вслед оскорбительные слова. В этом районе уже призывали к ксениям. Лин осязала космополитичную природу тех, кто ее окружал, мельчайшие секреты разнообразнейших рас, из которых ей были знакомы лишь немногие. Тут был и мускусный запах других хепри, и сырой дух водяных, а откуда-то даже доносился восхитительный аромат кактусов.

Лин свернула за угол, на мощеную дорогу, огибавшую Собек-Крус. Вдоль всей железной ограды в ожидании стояли повозки. Всех разновидностей. Двухколесные, четырехколесные, запряженные лошадьми, насмешливыми пернатыми птероящерами, пыхтящими паровыми конструкциями на гусеничном ходу... а порой и переделанными – несчастными мужчинами и женщинами, совмещающими в себе одновременно и машину и водителя.

Лин встала перед рядами извозчиков и помахала рукой. К счастью, на призыв откликнулся первый из стоящих в ряду извозчиков, направив в ее сторону свою норовистую с виду пташку.

– Куда?

Он наклонился, чтобы прочесть инструкции, которые Лин аккуратно написала в своем блокноте.

– Годится, – сказал он и дернул головой, приглашая ее в свой экипаж.

Двухместная повозка была открытой, что позволяло Лин смотреть по сторонам, пока они ехали через южные окраины города. Огромная нелетающая птица подскакивала и переваливалась на ходу, и эти движения плавно передавались колесам. Лин откинулась на спинку сиденья и перечла собственные инструкции извозчику.

Айзек бы ее поступка не одобрил.

Лин действительно нужны были красивые ягоды, и она действительно отправилась за ними в Кинкен. Это была правда. И один из ее друзей, Корнфед Дайхат, действительно держал выставочный салон в Шумных холмах.

Но она не могла приехать к нему.

Она решила подстраховаться – переговорила с Корнфедом и попросила подтвердить, что была у него, если Айзек спросит. Корнфед был польщен; откинув со лба седую прядь, он с жаром восклицал: «Да обрушится на меня вечное проклятие, если оброну об этом хоть словечко». Он явно полагал, что Лин изменяет Айзеку, и почел за честь, что ему довелось стать участником ее и без того уже скандальной сексуальной жизни.

Лин никак не могла поспеть на его выставку. У нее были дела в другом месте.

Коляска двигалась в сторону реки. Когда деревянные колеса застучали по крупному булыжнику, повозку затрясло. Они повернули на Седрахскую улицу. Теперь рынок оказался южнее; они уже были в том месте, где кончается изобилие овощей, моллюсков и перезрелых фруктов.

Впереди, тяжело нависая над низкими домами, показалась милицейская башня Мушиная сторона. Огромный, широкий грязноватый столб, выглядевший приземисто и убого, несмотря на свои тридцать шесть этажей. Его фасады были испещрены узкими, словно бойницы, окнами с темными матовыми стеклами, не отражавшими никакого света. Бетонная шкура башни была ноздреватой и шелушащейся. В трех милях к северу Лин заметила еще более высокое строение – это был Штырь, штаб милиции, который впивался в землю, как бетонный шип в сердце города.

Лин вытянула шею. Над верхушкой башни Мушиная сторона некрасиво висел полунаполненный воздухом дирижабль. Он колыбался, то обвисая, то раздуваясь, как умирающая рыбина. Даже сквозь слои воздуха Лин чувствовала шум мотора этого дирижабля, стремящегося исчезнуть в тучах цвета ружейной стали.

Кроме того, слышалось еще какое-то неясное бормотание, жужжание, диссонировавшее с гудением воздушного корабля. Где-то неподалеку покачнулась опорная стойка, и милицейский вагончик с головокругительной скоростью промчался к северу, в сторону башни.

Он пронесся во весь опор высоко-высоко над землей, подвешенный к воздушному рельсу, который пронзал башню, словно гигантская игла, и терялся в южном и северном направлениях. Вдруг вагончик резко остановился, стукнувшись о буфер. Из него показались люди, но коляска проехала мимо, прежде чем Лин успела что-либо еще разглядеть.

Вот уже второй раз за этот день Лин наслаждалась ароматом, выделяемым людьми-кактусами, или попросту кактами, когда пернатый птероящер заскакал по направлению к Оранжеее, что в Речной шкуре. Представители кактусовой молодежи, которую не допускали под высоченный стеклянный купол (чьи причудливые грани виднелись на востоке, в самом центре квартала), небольшими группами стояли, привалившись к стенам домов с закрытыми ставнями и дешевым рекламным вывескам. Юные какты поигрывали мачете. Их иглы были выстрижены в виде диких рисунков, а нежно-зеленая кожа – вся исполосована страшными рубцами.

Они без всякого интереса проводили повозку глазами.

Внезапно Седрахская улица резко пошла под уклон. Коляска, балансируя, покатила по высокому гребню, с которого круто сбегали улочки. Перед Лин и ее извозчиком открылся вид на серые, кое-где покрытые снежными шапками горные зубцы, величественно поднимающиеся к западу от города.

Впереди лениво текла река Вар.

Из темных окон, вырубленных прямо в ее кирпичных берегах – некоторые даже ниже уровня полной воды, – доносились приглушенные крики и заводской гул. Окна тюрем, пыточных камер, цехов и их ублюдочных гибридов – пенитенциарных фабрик, где перedelывали приговоренных. Лодки, натужно кашляя и отрыгивая, ползли по черной воде.

Завиднелись остроконечные башни моста Набоба. А позади них – шиферные крыши, сгорбленные, как людские плечи в холодную погоду, прогнившие стены, удерживаемые от обрушения лишь подпорками и органическим цементом, вонь, которую ни с чем не спутаешь, – Кинкенские бойни.

За рекой, в Старом городе, улицы были поуже и потемнее. Птероящер неуклюже вышагивал вдоль покрытых застывшей жучиной слизью зданий. Из окон и дверей приспособленных к новым жильцам домов выходили и вылезали хепри. Здесь они составляли большинство, это было их место. Улицы были полны существ с женственными телами и головами насекомых. Они толпились в проемах ячеистых домов, поедая фрукты.

Даже извозчик уже мог различить запах их бесед: воздух был полон едкой химии.

Полетели брызги – что-то живое было раздавлено колесами. «Наверное, самец», – вздрогнув, подумала Лин, представив себе одного из безмозглых и трусливых существ, которые кишели во всех норах и щелях Кинкена. «Туда ему и дорога».

Проходя под низким кирпичным сводом, с которого капали сталактиты жучиной слизи, птероящер пугливо съежился. Лин хлопнула по плечу извозчика, который пытался удержать вожжи. Она быстро написала несколько слов и протянула ему блокнот:

«Птица не хочет идти. Подождите здесь, я вернусь через пять минут».

Тот благодарно кивнул и протянул руку, чтобы помочь ей выйти.

Лин ушла, предоставив ему успокаивать впечатлительное животное. Она повернула за угол и очутилась на центральной площади Кинкена. Таблички, висевшие на домах по краям площади, еще проглядывали из-под белесых выделений, медленно стекавших с крыш, но читающееся на них название площади – Алделион – вовсе не соответствовало тому, которым пользовались поголовно все обитатели Кинкена. Даже те немногочисленные представители человеческой и других нехеприйских рас, которые там жили, употребляли новое хеприйское название, переводя его с шипения и хлористой отрыжки языка оригинала: площадь Статуй.

Она была просторной, окруженной со всех сторон многовековыми полуразрушенными зданиями. Ветхая архитектура резко контрастировала с гигантским серым массивом милицейской башни, которая маячила на севере. Невероятно крутые скаты крыш свешивались до самой земли. Грязные окна размалеваны непонятными узорами. До Лин доносился тихий врачующий напев медсестер-хепри в больничных палатах. Над толпой витал сладкий дымок: большинство из тех, кто рассматривал статуи, были хепри, хотя иногда попадались и представители других рас. Вся площадь была уставлена этими статуями: пятнадцатифутовыми изваяниями животных, растений и чудовищ (некоторые имели реальные прототипы, иные же не существовали никогда), слепленными из ярко раскрашенной хеприйской слюны.

Они являли собой результат многочасовой коллективной работы. Группы хеприйских женщин целыми днями простаивали спиной к спине, пережевывая тесто и красильные ягоды, переваривая их, а затем открывая железу в задней части своей жучиной головы и выталкивая наружу вязкую субстанцию, ошибочно называемую «хеприйской слюной», которая через час застывала на воздухе, превращаясь в нечто гладкое, хрупкое и жемчужно-сверкающее.

Для Лин эти статуи олицетворяли собой самоотверженность, коллективизм, а кроме того, несбыточные мечты о возвращении к идиотическо-героическому гигантизму. Поэтому-то она жила, ела и занималась своим слюнным творчеством в одиночестве.

Лин шагала мимо фруктовых и зеленых лавок, над которыми красовались вывески с выведенными на них от руки крупными неровными буквами, предлагавшие напрокат домашних личинок, мимо художественных бирж, где хеприйские слюноваятели могли найти все необходимое для творчества.

Другие хепри провожали Лин взглядами. На ней была длинная яркая юбка, какие носили в Салакусских полях, – человеческая юбка, а не обычные для обитателей здешних трущоб широкие штаны. Лин выделялась. Она была чужаком. Она покинула своих сестер. Забыла родной улей и клан.

«Черт возьми, имею право», – подумала Лин, вызывающе шелестя своей длинной зеленой юбкой.

Хозяин слюнной лавки был ее знакомым, поэтому они вежливо коснулись друг друга сяжками.

Лин взглянула на полки. Стены внутри магазина были покрыты застывшей смазкой домашнего изготовления, отчего углы были скруглены более, чем это обычно принято. Товары из слюны, что громоздились на полках, торчавших, словно кости, из органической слизи, были подсвечены газовыми светильниками. Окно было художественно заляпано соком различных красильных ягод, так что дневной свет не проникал внутрь.

Лин заговорила, пощелкивая и помахивая усиками, выделяя тонкие пахучие облачка. Она сообщила о своем желании купить алые, лазурные, черные, бледно-молочные и пурпурные

красильные ягоды. Кроме того, она пустила в хозяина лавки струйку восхищения высоким качеством его товара.

Лин забрала покупки и быстро удалилась.

Ее тошнило от царящей в Кинкене атмосферы коллективного ханжества.

Извозчик все еще ждал; Лин вскочила в коляску позади него и, указав на северо-восток, приказала поскорее ехать отсюда.

«Краснокрылый улей, клан Кошачьего черепа, – думала она с радостным легкомыслием. – Вы, лицемерные суки, я ничего не забыла! Вы все болтаете о сплоченности и о великом хеприйском улье, в то время как ваши «сестры» в Ручейной стороне роют землю в поисках картофеля. У вас ничего нет, вас окружают люди, которые смеются над вами, жуками, они задаром покупают ваше искусство и втридорога продают вам еду, но, куда существуют те, кто лишен даже этого, вы изображаете из себя радетьельниц хеприйского пути. Я вышла из игры. Одеваюсь так, как хочу. Мое искусство принадлежит только мне».

Когда окрестные улицы очистились от жучиной смазки и единственными хепри, мелькавшими в толпе, стали такие же, как она, изгой, Лин перевела дух.

Она направила повозку под кирпичные своды станции Слюнный базар как раз в тот момент, когда над головой промчался поезд, ревущий, как огромный капризный ребенок. Он пронесся в сторону центра Старого города. Поддавшись предрассудку, Лин приказала извозчику ехать к Баргестову мосту. Это был не самый близкий путь, чтобы переправиться через Ржавчину – приток Вара; но именно в Барсучьей топи – треугольном ломте Старого города, зажатом между двумя реками в том месте, где они сливались воедино, превращаясь в Большой Вар, – жил Айзек, как и многие другие ученые, устроивший там лабораторию.

В этом лабиринте сомнительных опытов, где в силу самой природы исследований даже здания превращались в нечто весьма зыбкое, не было никаких шансов, что Айзек ее увидит. Однако Лин, ни на минуту не задумываясь, направила коляску к станции Гидд, от которой к востоку тянулись подвесные рельсы Правой линии, взмывавшей все выше и выше над городом по мере своего удаления от центра.

«Езжай вслед за поездами!» – написала Лин, и водитель направил свой экипаж по широким улицам Западного Гидда, через широкий старинный Баргестов мост, на другой берег Ржавчины – самой чистой и холодной реки, несущей свои воды с Бежекских гор. Выразив желание пройти последнюю милю пешком, дабы не быть замеченной, Лин остановила коляску и расплатилась с извозчиком, не поскупившись на чаевые.

Она быстро условилась встретиться с ним под Ребрами, в Воровском квартале. На миг за ее спиной в небе возникло чрезвычайное оживление: где-то вдали жужжал аэростат, вокруг него беспорядочно носились мелкие пятнышки – крылатые существа, играющие, как дельфины вокруг кита; а навстречу ему мчался совсем другой поезд, направляющийся уже в сторону города, к центру Нью-Кробюзона, в самый узел его архитектурной ткани, туда, где завязывались все городские нити, откуда, подобно паутине, разбегались воздушные рельсы милиции, берущие начало от Штыря, и где пересекались пять крупнейших линий городских поездов, сходясь в огромной пестрой крепости, построенной из темного кирпича, обшарпанного бетона, дерева, стали и камня, – здании вокзала на Затерянной улице, которое, словно гигантская пасть, разверзлось в самом сердце этого пошлого города.

Глава 3

В поезде напротив Айзека сидела маленькая девочка со своим отцом – господином в засаленной шляпе-котелке и поношенном жилете. Айзек корчил рожи всякий раз, как она смотрела на него.

Отец что-то шептал девочке, развлекал ее всякими фокусами. Он дал ей подержать камушек, а потом быстро поплевал на него. Камушек превратился в лягушку. Увидев скользкую тварь, девочка взвизгнула от удовольствия и застенчиво глянула на Айзека. Встав со своего места, тот вытаращил глаза и широко открыл рот, изображая крайнее изумление. Девочка проводила его взглядом, когда он открыл дверь поезда и шагнул на платформу станции Коварная. Он двинулся по улочкам, лавируя между повозками, в сторону Барсучьей топи.

На узких, извилистых улицах Ученого квартала – старейшей части древнего города – экипажи и животные почти не встречались. Здесь было множество пешеходов всех рас; здесь стояли пекарни, прачечные и цеховые собрания; здесь можно было получить всевозможные услуги, необходимые в любом жилом районе; здесь были трактиры, магазины и даже своя полицейская башня – невысокая, коренастая, стоящая на самом высоком месте Барсучьей топи, там, где сливаются Ржавчина и Вар. Цветные плакаты, облепившие ветхие стены, рекламировали танцзалы, предостерегали от неизбежной гибели, требовали сохранять верность политическим партиям – все как и в любых других районах города. Однако, несмотря на кажущуюся нормальность, в здешних местах была какая-то напряженность, какое-то ощущение ложной надежды.

Барсуки – разносчики товаров, по традиции, вхожие во все дома и считавшиеся в некоторой степени неуязвимыми для наиболее опасных тайных наук, – носились со списками в зубах, и их грушевидные тела исчезали за створками специально проделанных лазов в дверях магазинов. Над толстыми стеклами витрин располагались мансардные помещения. Складские здания, выходящие на набережную реки, были переоборудованы. В храмах, посвященных мелким божествам, скрывались бывшие винные погреба. Здесь, как и во всех подобных закутках, жители Барсучьей топи занимались каждый своим ремеслом: среди них были физики, химеристы, биофилософы, тератологи, алхимики, некрохимики, математики, карсисты, металлурги и шаманы-водяные, а также те, чьи исследования, как у Айзека, не подходили ни под одну из бесчисленных категорий теоретической науки.

Над крышами витали загадочные испарения. Две реки лениво сливали в один поток свои воды, над которыми кое-где курился пар, поскольку неведомые химикаты смешивались между собой, образуя мощные соединения. Жидкие отходы неудавшихся экспериментов с фабрик, лабораторий и подпольных алхимических нор случайным образом перемешивались, превращаясь в гибридный коктейль. Вода в Барсучьей топи обладала неожиданными качествами. Ходили слухи, что уличные мальчишки, обшаривавшие прибрежные болота в поисках металлолома, наступив на невинное с виду пятно грязи, после этого начинали говорить на давно умерших языках, или обнаруживали в своих волосах саранчу, или медленно обесцвечивались, становились прозрачными и совсем исчезали.

Айзек спустился вниз и пошел тихим берегом реки по осыпающимся и проросшим неистребимыми сорняками каменным плитам Умбрового променада. На другом берегу Ржавчины над крышами Костяного города торчали Ребра, словно группа огромных слоновьих бивней, вздымающихся в небо на сотни футов. К югу течение реки немного убыстрялось. В полумиле Айзек видел остров Страк, разрезавший надвое реку Вар, которая мощным потоком убегала затем на восток. На самом краю острова вырастали громады древних каменных стен и башен парламента. Ни пологие береговые откосы, ни живые изгороди не отделяли набережную от рваных слоев вулканического стекла, которые торчали из воды, подобно застывшему фонтану.

Тучи рассеивались, открывая промытое небо. Айзек уже видел красную крышу своей мастерской, возвышающуюся над ближними домами; а перед ней – заросший бурьяном дворик пивнушки, в которую он хаживал, «Умиряющее дитя». Старые столы в наружном дворе пестрели наростами плесени. Насколько Айзек помнил, за этими столами никто никогда не сидел.

Он вошел. Казалось, будто свет, устав пробиваться сквозь толстые и грязные оконные стекла, в конце концов оставил эти попытки, так что внутри царил полумрак. Единственным украшением на стенах была грязь. Пивная была пуста, если не считать самых заядлых выпивох, нависавших над своими бутылками. Некоторые из них были торчками, кое-кто – переделанными. А иные были и тем и другим: двери этой пивной были открыты для всех. Несколько худосочных молодых людей почти лежали на столе, вскакивая точно по часам и направляясь к стойке, чтобы заказать себе еще шазбы, сонной дури или улетного варева. Одна женщина держала стакан в железной клешне, из которой то и дело били струи пара и капало на половицы машинное масло. Сидящий в углу человек спокойно потягивал пиво из кружки, облизывая лисью мордочку, которая была ему пересажена вместо лица.

Айзек спокойно поприветствовал стоявшего у двери старика Джошуа, который был переделан совсем немного, но зато весьма жестоко. После неудачной попытки ночного грабежа он отказался свидетельствовать против банды, и тогда магистр приказал ему замолчать навечно: у него отняли рот, запечатав его цельным куском плоти. Вместо того чтобы жить, питаясь жидким супом из пропущенной через нос трубки, Джошуа прорезал себе новый рот, но от боли у него дрожала рука, и получилась клочковатая, дряблая рана.

Джошуа кивнул Айзеку и пальцами осторожно сомкнул рот над коктейльной соломинкой, через которую он жадно потягивал сидр.

Айзек направился в глубь зала. Располагавшаяся в углу стойка бара была очень низкой, всего каких-нибудь три фута от пола. За ней в корыте с грязной водой барахтался хозяин заведения Силкрестчек.

Сил жил, работал и спал в большой лохани, переваливаясь с одного края на другой с помощью своих огромных перепончатых рук и лягушачьих ног, при этом тело его, по-видимому лишенное костей, колыхалось, словно разжиревшая мошонка. Даже для водяного он был слишком дряхл, толст и брюзглив. Это был просто старый мешок требухи с ногами, руками и головой, сливавшейся с туловищем, в передней части которого из жирных складок высовывалась толстая недовольная физиономия.

Дважды в месяц он вычерпывал воду из корыта, а затем, пукая и вздыхая от удовольствия, заставлял постоянных посетителей своего заведения носить ему ведрами свежую воду. Обычно водяной может прожить на суше по крайней мере сутки без каких-либо неприятных последствий, однако Сил не утруждал себя такими испытаниями. Он просто источал угрюмую леность и предпочитал делать это в гнилой водице. Тем не менее Айзек чувствовал, что Сил нарочно портит свой имидж, разыгрывая из себя ворчливого злыдня. Похоже, ему нравилось быть «самым отвратительным из всех».

В молодости Айзек приходил сюда выпивать, по-юношески наслаждаясь погружением на самое дно нищеты и мерзости. Ныне же, будучи зрелым, ради удовольствия он посещал заведения более пристойные, а в лачугу Сила заходил лишь потому, что она была близко от его работы; но с некоторых пор он наведывался в «Умиряющее дитя» еще и в исследовательских целях. Сил с радостью поставлял ему экземпляры, необходимые для экспериментов.

Вонючая водица, напоминавшая по цвету мочу, плеснула через край лохани, когда Сил, извиваясь, подплыл навстречу Айзеку.

– Что будешь пить, Айзек? – буркнул он.

– «Болт».

Айзек бросил пару монет на ладонь Сила. Сил повернулся к полкам и достал бутылку. Айзек отпил дешевого пива и опустился на стул, поморщившись, ибо на стуле оказалась разлита какая-то сомнительная жидкость.

Сил вновь залез в свое корыто. Не глядя на Айзека, он завел идиотскую беседу о погоде и о пиве. Просто так, для проформы. Айзек же говорил ровно столько, сколько было нужно, чтобы поддержать разговор.

На прилавке стояло несколько грубых фигурок из воды, которая на его глазах медленно стекала в трещины старого дерева. Две фигурки, как заметил Айзек, быстро растворились, утратив форму и превратившись в лужицы. Сил лениво зачерпнул из своей бадьи еще горсть воды и начал ее замешивать. Вода, словно глина, принимала ту форму, которую ей придавал Сил. Внутри нее кружились хлопья грязи и бесцветные пятна лоханной водицы. Сил сплющил лицо фигурки, сделал ей нос, затем вылепил ноги, похожие на сосиски. И поставил маленького гомункула перед Айзеком.

– Ты за этим пришел? – спросил он.

Айзек проглотил остатки пива.

– Твое здоровье, Сил. Спасибо.

Он с крайней осторожностью подул на фигурку, и та упала назад, в подставленные ладони. Вода слегка колебалась, но Айзек чувствовал, что ее поверхностное натяжение не ослабло. Сил с циничной ухмылкой смотрел, как Айзек бросился вон из пивной, чтобы поскорей донести фигурку до лаборатории.

На улице поднялся небольшой ветер. Айзек прикрыл свою добычу и быстро зашагал по короткому переулку, ведущему от пивной «Умирающее дитя» к Плицевой дороге и к его мастерской. Он задом толкнул зеленые двери и, пятась, вошел в здание. Когда-то много лет назад здесь располагались фабричный цех и склад, и по всей этой огромной, запыленной площади были разбросаны верстаки, полки с бутылками и ретортами; по углам стояли меловые доски.

С двух сторон комнаты слышались приветственные крики. Это были Дэвид Серачин и Лубламай Дэдскэтт – такие же, как и Айзек, ученые-отщепенцы, с которыми он делил арендную плату и помещение. Дэвид и Лубламай занимали первый этаж, разгороженный надвое пустыми сорокафутовыми деревянными шкафами, и каждый заполнил свою половину собственным инструментом. Посредине между частями комнаты из пола торчал отремонтированный водяной насос. Робот, который также принадлежал им обоим, разъезжал по полу, шумно и неэффективно подметая пыль. «Они не выбрасывают это барахло из сентиментальности», – подумал Айзек.

Мастерская Айзека, его кухня и кровать располагались в огромной крытой галерее, которая шла выступом вдоль стены бывшей фабрики на полвысоты от потолка. Шириной она была примерно двадцать футов и опоясывала по кругу все помещение, опираясь на ветхие деревянные стойки, которые каким-то чудом держались с тех пор, как Лубламай их приколотил.

Дверь с тяжелым грохотом захлопнулась за Айзеком, и длинное зеркало, висевшее рядом с ней, задрожало. «Удивляюсь, как оно еще не разбилось, – подумал Айзек. – Надо его убрать». Но эта мысль, по обыкновению, улетучилась так же быстро, как и возникла.

Когда Айзек, прыгая через три ступеньки, поднимался по лестнице, Дэвид, заметив что-то у него в руках, засмеялся.

– Еще один шедевр Силкрестчека, Айзек? – крикнул он.

Айзек улыбнулся в ответ:

– Я коллекционирую только самое лучшее!

Айзек, который много лет назад нашел этот склад, первым выбрал себе место для работы, и это было заметно. Его кровать, печка и ночной горшок располагались в одном конце подвесной галереи, а в другом конце на той же стороне виднелась лаборатория. Полки были

заставлены стеклянными и глиняными контейнерами, наполненными таинственными опасными химикатами. По стенам были развешаны гелиотипы, изображавшие Айзека с его друзьями в различных позах в разных местах города и в Строевом лесе. Задняя часть склада примыкала к Умбровому променаду: окна выходили на Ржавчину и набережные Костяного города, открывая перед Айзеком великолепный вид на Ребра и на поезда Паутинного дерева.

Айзек промчался мимо огромных стрельчатых окон к таинственному аппарату. Это был запутанный клубок из полированных медных трубок, с вкраплениями стеклянных линз, с понатыканными повсюду манометрами и циферблатами датчиков. На каждой детали агрегата гордо красовалось клеймо с надписью: *«Собственность Университета НК, факультет физики. Не выносить!»*

Айзек проверил небольшой паровой котел внутри машины и с облегчением увидел, что тот еще не совсем пуст. Он подбросил горсть угля и запер дверцу котла на задвижку. Затем поместил маленькое изваяние Сила на смотровую подложку под стеклянный колпак и раздул мехи, расположенные под ним, чтобы выпустить воздух, заменив его газом, поступающим через тонкий кожаный шланг.

Он расслабился. Теперь произведение водяного протянет несколько дольше. Такие штуки вне рук водяного могут просуществовать, если их не трогать, от силы час, а потом медленно вернуться к своей изначальной форме. Если же их подвергать какому-либо воздействию, то они растворяются гораздо быстрее; а если их поместить в благородный газ, то медленнее. Возможно, на исследование у Айзека было часа два.

Интерес Айзека к поделкам водяных возник не сразу, а в ходе его исследований в области единой теории энергии. Он хотел узнать, была ли эта сила, позволявшая водяному придавать воде форму, связана с взаимодействием частиц, которое, как он видел, в одних условиях не давало материи распадаться, а в других – полностью ее разрушало. Далее же исследования Айзека приобрели свой обычный характер: побочная ветвь работы захватила его целиком, превратившись в глубокое, хотя почти наверняка преходящее наваждение.

Айзек склонил над объектом несколько микроскопов и зажег газовую горелку, дабы осветить произведение водяного искусства. Его до сих пор раздражало, что об этом виде чародейства известно так мало. Для него это было еще одним подтверждением того, насколько неповоротлива традиционная наука и насколько ее «анализ» предполагает всего лишь описание, зачастую неверное, скрывавшееся за туманными словесами. Излюбленным примером такого рода была для него бенчембергская «Гидрофизиконометрия», весьма уважаемый учебник. Читая его, Айзек хохотал до упаду, он даже аккуратно выписал и пришил на стенку отрывок:

«Водяные посредством того, что называют их водяным искусством, способны управлять пластичностью и поддерживать поверхностное натяжение воды таким образом, что некоторое ее количество будет в течение короткого времени сохранять любую форму, какую ей придаст манипулирующий субъект. Это достигается через применение водяными гидрокогезионно-акваморфического энергетического поля малой диахронической протяженности».

Иначе говоря, Бенчемберг знал о том, как водяному удастся лепить из воды, не больше, чем Айзек, или какой-нибудь уличный шалопай, или даже сам Силкрестчек.

Айзек потянул за несколько рычагов, сдвигая расположенные рядом подвижные зеркала и просвечивая разноцветными лучами фигурку, края которой, как он заметил, уже начали оплывать. Через линзу мощного микроскопа он видел беззаботно шныряющие крохотные микроорганизмы. Внутренняя структура воды несколько не изменилась: просто она решила принять иную форму, нежели обычно.

Айзек собрал то, что просочилось через трещину в испытательной установке. Он собирался изучить это позже, хотя по предыдущему опыту уже знал, что не обнаружит там ничего интересного.

Он что-то черкнул в лежащем перед ним блокноте. В последующие минуты Айзек подверг водяную фигурку различным экспериментам, прокалывая ее шприцем и вытягивая небольшое количество субстанции, делая с нее гелиотипические снимки в разнообразных ракурсах, вдвывая в нее крохотные пузырьки воздуха, которые поднимались и лопались на ее поверхности. В конце концов он довел ее до кипения и обратил в пар.

В какой-то момент Искренность, барсучиха Дэвида, вразвалочку поднялась по лестнице и обнюхала пальцы свесившейся руки Айзека. Он рассеянно погладил барсучиху, а когда та начала лизать ему руку, крикнул Дэвиду, что его питомца голодна. К своему удивлению, ответа он не услышал. Наверное, Дэвид и Лубламай поздно ушли обедать: ведь с момента его прихода прошло несколько часов.

Потягиваясь, он подошел к буфету и кинул Искренности шмат сушеного мяса, который она начала с удовольствием уплетать. Услышав за стеной рокот лодок, Айзек постепенно стал возвращаться к осознанию реальности.

Дверь внизу открылась и захлопнулась.

Айзек торопливо вышел на лестницу, ожидая увидеть возвратившихся коллег.

Вместо них посреди огромного пустого зала стоял незнакомец. Приспосабливаясь к его присутствию, озорные сквозняки обследовали пришельца, словно щупальцами обвивая его, закручиваясь вокруг него пыльными вихрями. Пол был усыпан пятнами света, пробивающегося через открытые окна и прорехи в кирпичных стенах, однако ни один луч не падал непосредственно на него. Айзек чуть-чуть наклонился, и деревянные половицы галереи скрипнули. Незнакомец резко запрокинул голову и, сорвав с себя капюшон, посмотрел наверх, невозмутимо сложив на груди руки.

Это был гаруда.

Нащупывая рукой перила и не силах оторвать взгляда от необычного посетителя, Айзек чуть не свалился с лестницы. Он сошел вниз.

Гаруда пристально смотрел на него. Изумление Айзека одержало верх над приличиями, и он тоже откровенно уставился на гостя.

Удивительное создание было выше шести футов ростом, из-под грязного плаща выглядывали ноги с хищными когтями. Излохмаченная одежда свисала почти до самой земли, свободными складками прикрывая каждый дюйм его тела, не давая разглядеть подробности его облика, за исключением головы. И это великолепное, непроницаемое птичье лицо, казалось, смотрело на Айзека почти властно. Круто изогнутый клюв казался чем-то средним между клювами пустельги и совы. Охристый цвет глянцевых перьев плавно переходил в серовато-коричневый и крапчато-карий. Глубокие черные глаза – темные зрачки, окруженные едва заметными кольцами крапчатой радужной оболочки, – смотрели пристально. Вокруг этих глаз залегли глубокие морщины, придававшие лицу гаруды вечно насмешливое и гордое выражение.

А над головой безошибочно угадывались сложенные и обернутые грубой мешковиной крылья – гигантские конечности из перьев, кожи и костей, которые простирались на добрые два фута от плеч, красиво изгибаясь навстречу друг другу. Айзек никогда не видел, чтобы гаруда расправлял крылья в закрытом помещении, однако читал о пыльном облаке, которое они могли поднять, и об огромной тени, которой гаруда накрывал свою жертву.

«Что ты делаешь здесь, вдали от дома? – с удивлением думал Айзек. – Посмотри на свой окрас: ты родом из пустыни! Наверное, пролетел многие мили от Цимека. Какого хрена ты здесь делаешь, красавчик?»

Он чуть было не преклонил благоговейно голову перед величием этого хищника, но затем прочистил горло и заговорил:

– Чем могу вам помочь?

Глава 4

Лин, к своему смертельному ужасу, опаздывала.

Мешало еще и то, что она не была страстной поклонницей Костяного города. Ее сбивала с толку перемешанная архитектура этих глухих кварталов: скрещение индустриализма и мещанского бахвальства, облупившегося бетона заброшенных доков и натянутой кожи палаточных барачков. В этой низинно-равнинной зоне, среди сорных зарослей и пустырей, где сквозь бетонно-асфальтовые плиты пробивались толстые стебли диких цветов, различные архитектурные формы сменяли друг друга, казалось, совершенно хаотично.

Лин знала название улицы, однако попадавшиеся ей таблички-указатели либо висели на столбиках криво, показывая совершенно невозможные направления, либо были полностью покрыты ржавчиной, либо противоречили друг другу. Оставив напряженные попытки прочесть таблички, Лин заглянула в нарисованный от руки план.

Она могла ориентироваться на Ребра. Взглянув наверх, Лин увидела прямо над головой их громадные силуэты. Отсюда была видна только одна сторона «грудной клетки», выбеленные ноздреватые дуги которой словно вспенивались костяной волной, готовые обрушиться на стоящие восточнее дома. Лин направилась в их сторону.

Улицы вокруг расступились, и перед ней оказался еще один заброшенный участок земли, однако во много раз превосходящий другие по размерам. Это выглядело уже не как площадь, а как огромная бездонная дыра в теле города. Стоящие по ее краям здания были обращены к ней не передом, а тыльной или боковой стороной, как будто позже к ним должны были пристроить соседей с красивыми фасадами, да так этого и не сделали. Улицы Костяного города боязливо пробирались к диким кустарникам, кирпичными обочинами пробуя территорию и быстро ретируясь.

На грязной траве здесь и там маячили самодельные прилавки, кое-где – складные столики с разложенными на них дешевыми пирожками, старыми снимками или каким-нибудь хламом, принесенным кем-то со своего чердака. Фокусники давали невыразительное представление, жонглируя чем попало. Кроме нескольких вялых покупателей, там были существа всех рас, которые сидели на разбросанных повсюду камнях и читали, ели, рылись в сухой грязи и созерцали кости над своими головами.

По краям этого блошиного рынка из земли торчали Ребра.

Чудовищные осколки пожелтевшей кости, превосходящие толщиной самые старые деревья, словно выростали из-под земли, разлетаясь в разные стороны и кривой дугой устремляясь вверх более чем на сто футов от земной поверхности, грозно нависая над крышами окрестных домов, а затем резко загибаясь навстречу друг другу. Затем они снова шли наверх, до тех пор, пока их концы, похожие на гигантские изогнутые пальцы, почти не коснутся друг друга, поймав людей в созданную самим Богом костяную ловушку.

Были планы заполнить площадь, построив в доисторической грудной полости конторы и жилые дома, но ничего не вышло.

Инструменты, которыми пользовались при строительстве, вскоре либо ломались, либо исчезали бесследно. Цемент не схватывался. В этих полуразрытых костях таилось нечто злобное, оберегавшее могильник от постоянного вторжения.

На глубине пятидесяти футов археологи обнаружили хребет, каждый позвонок которого был размером с дом; после многочисленных несчастных случаев на строительстве хребтину тихо закопали. Ни конечности, ни берцовые кости, ни гигантский череп не были подняты на поверхность. Никто не мог сказать, что за чудовище упало и умерло здесь миллионы лет назад. Неряшливые торговцы снимками Ребер были мастерами по части изображения жутковатых

«кробюзонских гигантов» – четвероногих или двуногих, человекообразных, зубастых, когтистых, крылатых, злых или порнографичных.

Карта привела Лин к безымянной аллее на южной стороне Ребер. Извилистый путь вывел на тихую улочку, и Лин увидела выкрашенные в черный цвет здания, о которых ей говорили. Во всех домах, кроме одного, дверные проемы были замурованы, окна заколочены и вымазаны смолой.

На улице не было ни прохожих, ни экипажей, ни вообще какого-либо движения. Лин была здесь совершенно одна.

Над единственной незамурованной дверью мелом было нарисовано нечто смахивающее на игровую доску – квадрат, разделенный на девять клеток. Однако в них не было ни крестиков, ни ноликов, никаких других знаков.

Лин покружила немного в окрестностях. Ее юбка и блузка суетливо мелькали; наконец, рассердившись на себя, Лин подошла к двери и быстро постучала.

«Мало того, что я опоздала, – подумала она, – а теперь он разозлится на меня еще больше».

Где-то наверху раздался скрип дверных петель и рычагов, и она разглядела над головой отблеск света: какая-то система линз и зеркал была приведена в действие, чтобы те, кто внутри, могли судить, стоит ли внимания тот, кто находится снаружи.

Дверь отворилась.

Перед Лин стояла огромная переделанная. Голова красивой смуглокожей девушки с длинными прямыми волосами была насажена на семифутовый скелет из железа, свинца и олова – жесткий телескопический треножник. Ее тело было приспособлено для тяжелой работы, поршни и шкивы создавали впечатление несомненной мощи. Ее правая рука находилась на уровне головы Лин, а из медной ладони торчал отвратительный гарпун.

Лин отпрянула в изумлении и ужасе.

Из-за спины несчастной девушки раздался надменный голос:

– Госпожа Лин? Художница? Вы опоздали. Господин Попурри ждет вас. Пожалуйста, следуйте за мной.

Опираясь на среднюю ногу и убрав за нее остальные две, переделанная подалась назад, чтобы дать Лин возможность пройти. Гарпун так и остался на месте.

«Как далеко вы способны зайти?» – мысленно спрашивала себя Лин, шагая во тьму.

В дальнем конце совершенно темного коридора стоял человек-кактус. Лин ощущала в воздухе его запах, хотя и очень слабый. Он был семифутового роста, массивный, с толстыми конечностями. Голова бугром выступала над линией плеч, а шишковатые узлы зимостойких побегов дополняли неровности его силуэта. Зеленая кожа была вся покрыта рубцами, трехдюймовыми иглами и мелкими весенними красными цветами.

Он поманил Лин шишковатым пальцем.

– Господин Попурри может позволить себе быть терпеливым, – сказал он, после чего повернулся и стал подниматься по лестнице, которая оказалась за его спиной, – однако я не припомню, чтобы ему когда-нибудь нравилось ждать.

Он неуклюже обернулся и многозначительно посмотрел на Лин, подняв бровь.

«Пошел к черту, лакей, – в нетерпении подумала она. – Веди меня к боссу».

Он затопал дальше на бесформенных, как древесные пеньки, ногах.

За спиной Лин раздавались хлопки резко выпускаемого пара – следом поднималась переделанная. Лин шла за кактом по извилистому туннелю, лишенному окон.

«Какой огромный дом», – думала Лин по мере того, как они пробирались вперед. Тут она поняла, что, скорее всего, это целый ряд домов, между которыми были сломаны перегородки и которые затем были перестроены на заказ, образовав одно огромное пространственное хит-

роплетение. Они прошли мимо двери, из-за которой вдруг донесся жуткий звук, приглушенный страдальческий стон машин. Сяжки Лин настороженно зашевелились. После того как они миновали дверь, оттуда вырвался целый сноп глухих ударов – словно рой арбалетных болтов просвистел в воздухе и впился в мягкое дерево.

«О господи, – недовольно подумала Лин. – Газид, какого хрена я позволила тебе втянуть меня в эту историю?»

Именно Счастливчик Газид, неудавшийся импресарио, заварил всю кашу, в результате чего Лин пришла в это леденящее кровь место.

Он напечатал несколько гелиотипов с ее наиболее свежих работ, гоняясь за ними по всему городу. Тогда это было в порядке вещей, поскольку он пытался создать себе репутацию среди художников и меценатов Нью-Кробюзона. Газид был трогательным существом, он вечно рассказывал любому, кто пожелает слушать, о единственном успешном показе, который он организовал для одной ныне покойной скульпторши тринадцать лет назад. Лин и большинство ее друзей смотрели на него с жалостью и презрением. Все, кого она знала, обычно позволяли ему делать снимки со своих работ и совали несколько шекелей или даже нобль «в счет будущих комиссионных». Затем он исчезал на несколько недель, после чего появлялся в заблеванных брюках и запачканных кровью башмаках, под кайфом от какого-нибудь нового наркотика, и все начиналось заново.

Но только не в этот раз.

Газид нашел для Лин покупателя.

Когда он украдкой подобрался к ней в «Часах и петухе», она возмутилась. Это не ее черед, быстро набросала она в своем блокноте, она всего лишь неделю назад «ссудила» ему целую гинею; но Газид перебил ее, потребовал, чтобы вышла с ним вместе из-за стола. А когда ее друзья, богема Салакуских полей, начали смеяться и подшучивать над ними, Газид протянул ей карточку из твердого белого картона, на которой было оттиснуто только перекрестье игровой доски «три на три». Кроме того, на карточке было напечатано несколько фраз.

«Госпожа Лин, – говорилось в ней. – Образцы Вашего искусства, представленные Вашим агентом, произвели огромное впечатление на моего патрона. Он желает знать, не заинтересует ли Вас предложение встретиться с ним, чтобы обсудить возможный заказ. Ждем Вашего ответа». Подпись была неразборчива.

Газид был конченным человеком, к тому же наркоманом, который торчал на всем что ни попадя и не останавливался ни перед чем, лишь бы достать деньги на наркотики; но это не было похоже на жульничество. Никакого барыша Газиду не обломится; разве что и вправду нашелся нью-кробюзонский богач, готовый заплатить за ее работу, от которой он забалдел.

Под свист, улюлюканье и недоуменные возгласы Лин вытащила Газиду из бара и потребовала объяснить, что происходит. Поначалу Газид повел себя осторожно, усиленно напрягая мозги, чтобы не сболтнуть лишнего. Но довольно скоро он понял, что лучше рассказать всю правду.

– Есть один парень, у которого я иногда кое-что покупаю... – уклончиво начал он. – В общем, снимки ваших скульптур лежали у меня... м-м-м... на полке, когда он зашел, и они ему очень понравились, и он даже захотел взять парочку с собой, ну и... в общем... я согласился. А через какое-то время он сказал, что показывал их тому парню, что снабжает его самого тем, что я у него иногда покупаю, и ему они тоже понравились, и он их забрал и показал уже своему боссу. А потом они пошли к самому главному, который здорово разбирается в искусстве – в прошлом году он купил что-то у Александрины, – и тому они тоже понравились, и он хочет теперь, чтобы ты сделала скульптуру для него.

Лин перевела с путаного языка на нормальный.

«Босс твоего наркодилера хочет, чтобы я на него работала???» – нацарапала она.

– Черт возьми, Лин, да нет же... то есть да, но... – Газид остановился. – В общем, да, – неловко закончил он.

Последовало молчание.

– Если тебе это интересно, он непременно встретится с тобой.

Лин задумалась.

Несомненно, перспектива заманчива. Судя по карточке, это не какой-нибудь мелкий жулик, а большой игрок. Лин была неглупа. Она знала, что это опасно. Но опасность возбуждала, и она ничего не могла с этим поделать. Это станет таким приключением в ее жизни художника. Она сможет намекать на это в разговорах с друзьями. У нее появится покровитель в криминальных кругах. Лин была достаточно умна, чтобы сознавать, насколько ребяческим было ее возбуждение, однако ей не хватало зрелости, чтобы об этом беспокоиться.

А пока она решала, стоит ли беспокоиться, Газид упоминал различные суммы, которые называл таинственный покупатель. Сяжки Лин шевелились от изумления.

«Я должна поговорить с Александриной», – написала она и вернулась в бар.

Алекс ничего об этом не знала. Она продала несколько картин какому-то криминальному боссу, выручила за них, сколько смогла, однако встречалась она лишь с его подручным, не самого высокого полета, который предложил баснословные деньги за только что написанные картины. Алекс согласилась, отдала ему картины и больше ничего о нем не слышала.

Вот именно. Она так и не узнала имени своего покупателя.

Лин решила, что ей удастся продвинуться дальше.

Она передала свой ответ через Газиду, который тайными тропами, ведущими черт знает куда, доставил его адресату: в письме было сказано, что предложение действительно ее заинтересовало, но что она непременно желает знать, какое имя ей следует записать в своем ежедневнике.

Преисподняя Нью-Кробюзона переварила ее послание, заставив прождать неделю, а затем изрыгнула ответ в форме еще одной печатной записки, подброшенной под дверь, пока Лин спала. В записке были адрес в Костяном городе, дата и имя, состоящее из одного-единственного слова: *Попурри*.

В коридор проникали безумный грохот и стук. Какт, проводник, толкнул одну из многочисленных темных дверей и пропустил Лин вперед.

Когда глаза приспособились к яркому свету, она увидела перед собой машинописное бюро. Это была просторная комната с высокими потолками, выкрашенная, как и все в этом троглодитском месте, в черный цвет и ярко освещенная газовыми лампами, в которой стояло, наверное, около сорока столов; на каждом из них была массивная печатная машинка, и за каждым сидел секретарь, перепечатывавший кипы бумаг. По преимуществу, это были люди, причем женского пола; еще Лин увидела нескольких кактусов, пару хепри и одного водяного, который стучал по клавишам, специально приспособленным для его громадных ручищ.

У стен стояли переделанные, в основном опять-таки люди; но были и другие, даже так редко попадавшие в переделку ксении. Некоторые были переделаны на органическом уровне, имели когти, рога и куски пересаженных мускулов, но большинство были механическими, и от их пышущих жаром котлов в комнате царил духота.

В дальней стене находилась закрытая дверь кабинета.

– Госпожа Лин, наконец-то, – прогремел голос из говорящей трубы над дверью, как только Лин переступила порог. Ни один из секретарей не поднял головы. – Пожалуйста, пройдите через комнату в мой кабинет.

Лин начала пробираться между столами. В плохо освещенной комнате с черными стенами ей было непросто разглядеть, чем занимались секретари. Все они работали со знанием дела: читали написанное от руки и перепечатывали, не глядя на клавиатуру.

«Вследствие нашей беседы 13-го числа сего месяца, – ухитрилась прочитать Лин на листе, заправленном в ближайшую машинку, – просим Вас передать Вашу франчайзинговую операцию под нашу юрисдикцию, сроки будут согласованы».

Лин прошла дальше.

«Ты умрешь завтра, козел, дерьмо собачье. Ты будешь завидовать переделанным, трусливый подонок, будешь орать, пока не раздерешь себе глотку до крови», – говорилось в следующем послании.

«Ой... – подумала Лин. – Ой... помогите».

Дверь кабинета открылась.

– Входите, госпожа Лин, входите! – скомандовал громкоговоритель.

Лин вошла, не раздумывая.

Картотечные шкафы и книжные полки занимали большую часть комнатки. На одной из стен висела небольшая картина маслом, изображавшая Железный залив. Позади широкого стола из темного дерева стояла складная ширма, расписанная рыбками, – увеличенная версия тех ширм, за которыми передевались модели живописцев. Центральная рыбка была сделана из зеркального стекла, в котором Лин видела свое отражение.

Лин потопталась в нерешительности.

– Садитесь, садитесь, – сказал спокойный голос из-за ширмы.

Лин придвинула кресло к столу.

– Я вижу вас, госпожа Лин. Зеркальный карп на ширме – это окошко, через которое я могу смотреть. Думаю, с моей стороны учтиво предупреждать об этом.

Похоже, говорящий ждал ответа, поэтому Лин кивнула.

– Знаете, госпожа Лин, вы опоздали.

«Черт побери! Надо же было из всех деловых встреч опоздать именно на эту!» – лихорадочно думала Лин. Она начала поспешно писать в блокноте извинения, но голос прервал ее:

– Я понимаю язык жестов, госпожа Лин.

Лин отложила блокнот и пространно извинилась с помощью рук.

– Ничего-ничего, – лицемерно сказал хозяин дома. – Бывает. Костяной город безжалостен к гостям. В следующий раз вы будете знать, что надо выходить из дома заранее, правда?

Лин подтвердила, что именно так она и сделает в следующий раз.

– Мне необычайно нравятся ваши работы, госпожа Лин. У меня есть все гелиотипы, которые удалось получить через Счастливого Газида. Это жалкий, нищий кретин. Наркомания в большинстве своих форм представляет собой печальное зрелище. Однако у него, как ни странно, есть какой-то нюх на искусство. Та женщина, Александрина Невгетс, тоже была одной из его клиенток, верно? В отличие от ваших работ, ее искусство более приземленно, но не лишено прелести. Я всегда готов баловать Счастливого Газида. Мне будет жаль, когда он умрет. Без сомнения, он кончит плохо, пырнут его где-нибудь ножом за горсть жалких монет; или он подохнет в поту и гадких испражнениях от венерической болезни, которую подцепит от несовершеннолетней шлюшки; а может, ему переломают кости из-за какой-нибудь кражонки – в конце концов, милиции хорошо платят, а когда речь идет о деньгах, вряд ли наркоманы могут представлять источник дохода.

Голос, доносившийся из-за ширмы, был мелодичен и чарующ; что бы ни говорил Попурри, все превращалось в поэзию. Слова лились тихо и размеренно. И они были жестоки. Лин стало очень страшно. Она не знала, что ответить.

– Так вот, поскольку ваше искусство пришлось мне по душе, я хочу выяснить, согласны ли вы выполнить один заказ. Вы согласны?

«Да».

– Ваши работы не типичны для хепри. Расскажите о своих скульптурах, госпожа Лин, и не беспокойтесь: что бы вы ни сказали, это будет для меня очень ценно. У меня нет предрассудков против серьезного отношения к искусству, к тому же не забывайте, что этот разговор начал я. Ключевые слова, которые надо держать в голове, обдумывая ответ на мой вопрос: «тематика», «техника» и «эстетика».

Лин заколебалась, но страх придал ей сил. Не хотелось разочаровывать господина Попурри. И если ради этого надо рассказать о своей работе, значит, так она и сделает.

«Я работаю в одиночку, – жестами начала рассказывать она, – это часть моего... бунтарства. Я покинула Ручейную сторону, а потом и Кинкен, оставила свой улей. Все мои родственники очень несчастны, поэтому их коллективное искусство превратилось в глупый героизм. Как площадь Статуй. Мне хотелось выплевывать что-нибудь... возмутительно непристойное. Я попыталась сделать несколько больших фигур, которые мы создавали все вместе, чуть-чуть менее совершенными... Я расплевалась с сестрами. Поэтому стала работать над собственными произведениями. Непристойными произведениями. Непристойная Ручейная сторона».

– Именно этого я и ожидал. Это даже – простите – немного банально. Однако нисколько не умаляет силы самого искусства. Хеприйская слюна – удивительный материал. Ее блеск совершенно уникален, к тому же благодаря своей крепкости и легкости она удобна в обращении, хотя, насколько мне известно, это не то слово, которое применимо, когда речь идет об искусстве. Но я прагматик. Во всяком случае, использовать такой великолепный материал ради скучного исполнения желаний депрессивных хепри – чудовищное транжирство. Я испытал огромное облегчение, увидев наконец, что кто-то из этого материала создает интересные, незаурядные работы. Кстати, вам удастся достичь просто-таки невероятной угловатости.

«Спасибо. Я неплохо владею техникой работы желез. – Лин могла похвастать даже патентом. – Вначале я была членом Вненинешней школы, которая запрещает работать над скульптурой после того, как перестала выделяться слюна. И хотя потом я... отступилась от них... даже теперь возвращаюсь к этой технике – пока слюна еще не застыла, много над ней работаю. Больше свободы, могу лепить выступы и тому подобные вещи».

– Вы используете разнообразные цвета?

Лин кивнула.

– Я видел только гелиотипы в сепии. Приятно узнать. В этом и техника, и эстетика. Мне весьма интересно услышать, что вы думаете о тематике, госпожа Лин.

Вопрос застал ее врасплох. Внезапно она позабыла всю тематику своих работ.

– Позвольте несколько облегчить ваше положение. Я бы хотел рассказать о том, какие темы интересуют меня. А потом мы вместе решим, сможете ли вы выполнить заказ, который я имею в виду.

Голос подождал, пока Лин не кивнула.

– Пожалуйста, запрокиньте голову, госпожа Лин.

Она в изумлении повиновалась. Это движение вызвало у нее беспокойство, поскольку таким образом открывалось мягкое подбрюшье жучиной головы, которое становилось уязвимым. Она держала голову неподвижно, пока ее рассматривали через зеркальную рыбу.

– У вас на шее такие же связки, как и у женщины-человека. И у вас такая же впадинка в основании горла, столь любимая поэтами. Правда, кожа с красным отливом, что выдает вашу необычность, но и она может сойти за человеческую. И вот я поднимаюсь взглядом по прекрасной человеческой шее – вы, конечно же, будете возражать против определения «человеческая», но все же позволю себе такую смелость, – а дальше... дальше – небольшая зона, где мягкая человеческая кожа переходит в бледную кремовидную сегментированную плоть основания вашей головы.

Впервые с тех пор, как Лин вошла в эту комнату, говорящий, казалось, искал подходящие слова.

– Вы когда-нибудь изображали какта?

Лин отрицательно покачала головой.

– И никогда не рассматривали его вблизи? Например, моего помощника, который привел вас сюда? Вы случайно не обратили внимания на его ноги, пальцы, шею? Есть такие места, где кожа – кожа разумного существа – становится бессознательным растением. Отрежьте мясистую часть от подошвы кактуса, он ничего не почувствует. Уколите его в бедро, где кожа мягче, и он закричит. Но в той зоне... нечто совершенно другое... нервы переплетаются и учатся быть лишь сочным растением, и тогда боль отступает, притупляется, рассеивается, мучительная агония превращается в легкую неприятность... Вспомните других. Туловища крилей или карликов, резкие переходы конечностей у переделанных, множество рас и видов, живущих в этом городе, и еще бесчисленное множество других, раскиданных по всему свету существополукровок. Возможно, вы скажете, что не признаете никаких переходных зон, что хепри полноценны и целостны сами по себе и что видеть в них «человеческие» черты – с моей стороны проявление антропоцентризма. Однако, оставив в стороне иронию этого обвинения – иронию, которой вы пока не можете оценить, – вы несомненно признаете в других расах переходность от вашей расы. Может быть, в человеке?.. А как насчет самого города? Он расположен в том месте, где две реки сливаются в море, где горы превращаются в равнину, где отдельные группы деревьев собираются к югу и, когда количество переходит в качество, вдруг становятся лесом. Архитектурная застройка Нью-Кробюзона переходит от промышленной к жилой, богатые районы переходят в трущобы; от подземелий – к подвесным дорогам, от современности – к древности, от разноцветья – к серости, от плодородных полей – к пустырям... Вы поняли, что я хочу сказать, я не стану приводить новые примеры... Так устроен мир, госпожа Лин. Я считаю, что в этом состоит его коренная динамика. Переход. Точка, в которой одно превращается в другое. Так устроены вы, город, весь мир и все его жители. И это та тема, которая меня интересует. Зона, в которой нечто отдельное становится частью целого. Гибридная зона... Как вы думаете, эта тема могла бы вас заинтересовать? И если вы ответите утвердительно... тогда я намерен просить, чтобы вы поработали на меня. Прежде чем ответите, прошу вас понять, что это значит... Я попрошу вас работать с природы, создать модель – полагаю, в натуральную величину – меня самого... Очень немногие, госпожа Лин, видят мое лицо. Человек моего положения должен быть осторожным. Я уверен, что вы меня понимаете. Если вы согласитесь выполнить этот заказ, я сделаю вас богатой, но при этом стану обладателем части вашего разума. Части, которая принадлежит мне. Она моя. Я не разрешу вам делиться ею ни с кем. Если вы это делаете, то умрете в невероятных мучениях. Итак...

Что-то скрипнуло. Лин догадалась, что собеседник снова опустился в кресло.

– Итак, госпожа Лин, вас заинтересовала гибридная зона? Вас заинтересовала эта работа?

«Я не могу... не могу отклонить предложение, – беспомощно подумала Лин. – Я вынуждена согласиться. Ради денег, ради искусства... Господи, помоги мне. Я не могу отказаться. О... господи, господи, только бы мне не пожалеть об этом после».

Она помолчала, а затем знаками показала, что согласна с его условиями.

– О, я так рад! – с облегчением воскликнул он. Сердце Лин бешено заколотилось. – Я действительно рад. Ну что ж...

За ширмой послышалось какое-то шарканье. Лин сидела не шевелясь. Ее сяжки подрагивали.

– Шторы в кабинете задернуты? – спросил господин Попурри. – Потому что вам, как мне кажется, следует посмотреть на то, с чем вам предстоит работать. Ваш разум теперь мой, Лин. Теперь вы работаете на меня.

Господин Попурри встал и толкнул ширму, она упала на пол.

Лин приподнялась со своего стула, от изумления и ужаса сяжки ее встали дыбом. Она не могла оторвать от него глаз.

Складки кожи, мех и перья раскачивались при каждом движении; его тоненькие конечности были скрючены; глаза выкатывались из темных орбит; рога и другие костные наросты торчали во все стороны; усики подрагивали, а рты блестели. Раздвоенные копыта мягко стучали по деревянному полу. Волны плоти накатывали друг на друга яростными потоками. Мускулы, подвязанные к чуждым костям чуждыми сухожилиями, работали несогласованно, совершая медленные, напряженные движения. Сверкала чешуя. Шевелились плавники. Судорожно хлопали крылья. Челюсти насекомого сжимались и разжимались.

Лин в ужасе, спотыкаясь, ощупью пятилась назад, пока он медленно приближался к ней. Ее хитиновый головной панцирь нервно подрагивал. Господин Попурри подкрадывался к ней, как охотник.

– Итак, – сказал он одним из ослабившихся человеческих ртов, – по-вашему, какая из моих сторон самая лучшая?

Глава 5

Айзек ждал, глядя в лицо гостю. Гаруда стоял молча. Айзек видел, что тот собирается с мыслями.

Гаруда произнес хриплым голосом:

– Вы ученый. Вы... Гримнебулин.

Ему было трудно выговорить имя. Гласные и согласные звуки, словно у говорящего попугая, исходили прямо из глотки, губы же оставались неподвижны. Айзек всего дважды в жизни разговаривал с гарудами. Один из них был путешественник, который до этого долго учился произношению человеческих звуков; другой – студент, член небольшой гарудской общины, который родился и вырос в Нью-Кробюзоне и был воспитан на городском диалекте. Оба они говорили не так, как люди, но в то же время их речь не была настолько варварской, как речь этого огромного человека-птицы. Айзек не сразу понял, что тот сказал.

– Да, это я. – Он протянул руку и заговорил медленно. – Как вас зовут?

Гаруда надменно взглянул на человеческую руку, а затем стиснул ее в слабом до странности рукопожатии.

– Ягарек...

Он сделал пронзительное ударение на первом слоге. Большое существо помолчало, неловко переминаясь с ноги на ногу, а затем снова заговорило. Гаруда повторил свое имя, но на сей раз добавив к нему замысловатый суффикс.

Айзек кивнул:

– Это все ваше имя?

– Имя... и титул.

Айзек удивленно приподнял бровь:

– Значит, я нахожусь в присутствии благородной особы?

Гаруда непонимающе уставился на него. Наконец он произнес медленно, не отводя взгляда:

– Я Слишком Абстрактный Индивидуалист Ягарек, Которого Не Следует Уважать.

Айзек удивленно заморгал и потер подбородок:

– Хм... хорошо. Простите меня, Ягарек, я не знаком с... ну, с... почетными титулами гаруд.

Ягарек медленно покачал большой головой:

– Вы скоро поймете.

Айзек предложил Ягареку подняться наверх, и тот последовал за ним, медленно и осторожно, оставляя на деревянных ступенях царапины от огромных когтей. Однако Айзеку не удалось уговорить его присесть, что-нибудь съесть или выпить.

Гаруда стоял перед письменным столом, в то время как хозяин дома сидел и смотрел на гостя снизу вверх.

– Итак, – сказал Айзек, – зачем вы сюда пришли?

Ягарек снова несколько секунд собирался с силами, прежде чем заговорить:

– Я прибыл в Нью-Кробюзон, потому что здесь есть ученые.

– Откуда вы?

– Из Цимека.

Айзек тихо присвистнул. Так и есть, гаруда проделал огромный путь. По меньшей мере тысячу миль – через суровую, выжженную землю, через сухой вельд, через моря, болота и степи. Должно быть, Ягареком двигала какая-то одержимость.

– Что вам известно о нью-кробюзонских ученых? – спросил Айзек.

– Мы знаем об университете. О науках и промышленности, которые развиваются здесь, как нигде больше. О Барсучьей топи.

– И откуда же вы все это узнали?

– Из нашей библиотеки.

Айзек в изумлении открыл рот.

– Простите, – сказал он. – Я думал, что вы кочевники.

– Да. Библиотеку мы возим с собой.

И, к растущему удивлению Айзека, Ягарек рассказал о библиотеке Цимека. Об огромном клане библиотекарей, которые укладывали в свои дорожные сундуки тысячи томов, перевязывая их ремнями, и затем по двое поднимали сундуки в воздух, отправляясь на поиски пищи и воды в вечное и суровое цимекское лето. Там, где они приземлялись, раскидывался палаточный городок, и толпы гаруд из окрестностей собирались в этом огромном импровизированном учебном центре.

Библиотеке было несколько сотен лет, в ней хранились рукописи на бесчисленных языках, мертвых и живых: рагамоль – язык, от которого произошел нью-кробюзонский диалект; хотчи; феллид и южноводяной; верхнехеприйский и множество других. Там даже имелся кодекс, с нескрываемой гордостью заявил Ягарек, написанный на тайном диалекте рукохватов.

Айзек ничего об этом не знал. Ему было стыдно за собственное невежество. Его прежнее представление о гарудах было подорвано. К нему явилось отнюдь не просто горделивое дикое существо.

«Пора мне покопаться в собственной библиотеке и узнать побольше о гарудах. Жалкий неуч!» – упрекал он себя.

– Наш язык не имеет письменности, но с детства мы учимся писать и читать на многих других языках, – сказал Ягарек. – Мы покупаем книги у путешественников и торговцев, многие из которых бывали в Нью-Кробюзоне. Некоторые из них родом из этого города. Это место, которое нам хорошо известно. Я читал о нем правдивые и вымышленные истории.

– В таком случае ты победил, парень, потому что я ни черта не знаю о том месте, откуда ты родом, – уныло признался Айзек.

Наступило молчание. Айзек снова взглянул на Ягарека:

– Но ты до сих пор не рассказал мне, зачем ты здесь.

Ягарек отвел глаза, посмотрел в окно. Внизу бесцельно сновали баржи.

В скрипучем голосе Ягарека трудно было различить какие-либо эмоции, но Айзеку в нем послышались нотки отвращения.

– Две недели я, как преступник, переползал из одной норы в другую. Я собирал газеты, слухи, информацию, и все это привело меня в Барсучью топь. А в Барсучьей топи мне указали на тебя. Вопрос, который привел меня к тебе, был таков: «Кто может изменять силы материи?» – «Гримнебулин, Гримнебулин», – говорили мне все. «Если у тебя есть золото, – говорили они, – он будет с тобой возиться, или если у тебя нет золота, но он тобой заинтересуется, или ты ему не интересен, но он тебя пожалеет, или если ему просто что-то взбрдет в голову». Они сказали, что тебе известны тайны материи, Гримнебулин. – Ягарек в упор посмотрел на Айзека. – У меня есть золото. Я буду тебе интересен. Пожалей меня. Я прошу о помощи.

– Скажи, что тебе надо, – сказал Айзек.

Ягарек снова посмотрел мимо него:

– Быть может, ты когда-нибудь летал на воздушном шаре, Гримнебулин. Смотрел вниз, на крыши домов, на землю. Я с детства привык высматривать с неба добычу. Гаруды – охотники. Мы берем луки, копыя и длинные кнуты и высматриваем птиц в небе и зверей на земле. Такие уж мы, гаруды. Мои ноги приспособлены не для того, чтобы ходить по вашим полам, а для того, чтобы схватить маленькое тельце и разорвать его на части. Чтобы держаться на стволах сухих деревьев и высоких скалах между небом и землей.

Речь Ягарека была поэтична. Он говорил запинаясь, но говорил на языке тех сказаний и историй, которые он читал; это была неестественно витиеватая речь гаруды, который изучал человеческий язык по старинным книгам.

– Уметь летать – это не роскошь. Это то, что делает меня гарудой. У меня мурашки бегут по коже, когда я смотрю вверх, на крыши, чувствуя себя словно в ловушке. Я хочу взглянуть на этот город сверху, прежде чем я покину его, Гримнебулин. Я хочу взлететь, и не один раз, а когда пожелаю... Я хочу, чтобы ты вернул мне способность летать.

Ягарек расстегнул плащ и отбросил его на пол. Посмотрел на Айзека со стыдом и вызовом. Айзек опешил.

У Ягарека не было крыльев.

К его спине была приторочена хитроумная рама, состоящая из деревянных распорок и кожаных ремней, которые глупо болтались, когда он поворачивался. За плечами висели две огромные доски, торчавшие над головой и спускавшиеся на петлях до самых колен. Они изображали собой костяк крыльев. Между ними не было ни натянутой кожи, ни перьев, ни даже ткани; они не были приспособлены для планирования в воздухе. Это была всего лишь маскировка, уловка, бутафорская подпорка, на которой нелепо висел плащ Ягарека, чтобы казалось, будто у него есть крылья.

Айзек протянул к ним руку. Ягарек напрягся, но потом собрал все свое мужество и дал Айзеку их потрогать.

Айзек в изумлении покачал головой. На спине Ягарека он заметил жуткий рубец, но тут гаруда резко повернулся к нему лицом.

– За что? – выдохнул Айзек.

Лицо Ягарека медленно исказилось, а глаза превратились в плачущие щелки. У него вырвался пронзительный и совершенно человеческий стон, который вскоре перерос в грустный воинственный крик пернатого хищника – громкий, монотонный, печальный и одинокий. Айзек в тревоге смотрел на Ягарека, а стон тем временем превратился в простой и понятный крик.

– За мое преступление! – вскричал Ягарек. Он помолчал с минуту, а затем снова спокойно сказал: – За мое преступление.

Он отстегнул от спины громоздкую деревянную штукювину, и та с глухим стуком упала на пол.

Ягарек стоял голым по пояс. Тело его было стройным, красивым, крепким и поджарым. Без фальшивых крыльев, которые горой возвышались за спиной, он казался маленьким и слабым.

Он медленно повернулся, и у Айзека перехватило дыхание, когда он увидел шрамы.

Две длинные, глубокие раны на лопатках Ягарека не зарубцевались толком, из них торчало красное, словно ошпаренное, мясо. По обеим сторонам спины протянулись полоски искаленной ткани длиной в полтора фута и до четырех дюймов шириной. Лицо Айзека исказилось от жалости: рваные дыры были крест-накрест иссечены грубыми и кривыми порезами, и Айзек догадался, что крылья были отпилены. Их отрубили не одним коротким ударом, а долго растягивали эту пытку. Айзек содрогнулся.

Едва прикрытые суставы костей двигались и сгибались; нелепо выставленные напоказ мускулы напрягались.

– Кто это сделал? – переведя дыхание, спросил Айзек.

«Легенды правдивы, – подумал он. – Цимек – это дикое место».

Прежде чем ответить, Ягарек долго молчал.

– Я... я это сделал.

Сначала Айзек подумал, что ослышался.

– Что ты имеешь в виду? Как, черт возьми, ты мог?..

– Я сам наложил на себя наказание. – Ягарек перешел на крик. – Это справедливо. Я сам это сделал.

– Это что, блин, за наказание такое? Мать твою, черт, что могло... Что такого ты натворил?

– Ты что, Гримнебулин, смеешь судить о гарудском правосудии? При таких словах мне невольно приходит на ум мысль о переделанных...

– Не пытайся все перевернуть! Ты совершенно прав, мне не нравятся законы этого города... Я только пытаюсь понять, что с тобой произошло...

Ягарек вздохнул, совсем по-человечески опустив плечи. Наконец он заговорил тихо и с трудом, как будто исполняя неприятную обязанность:

– Я был слишком абстрактным. Я не заслуживал уважения. Это... было безумие... Я был сумасшедшим. Я совершил гнусный поступок...

Слова его перешли в птичьи рыдания.

– Что ты такого наделал? – Айзек приготовился услышать какую-нибудь леденящую кровь историю.

– Этот язык не способен выразить моего преступления. На моем языке... – Ягарек на мгновение запнулся. – Я попробую перевести. На моем языке говорили... и они были правы... что я был виновен в похищении выбора второй степени... похищение выбора второй степени... при крайнем неуважении.

Ягарек снова не отрываясь смотрел в окно. Он стоял, высоко подняв голову, но не хотел встречаться взглядом с Айзеком.

– Вот поэтому меня и называли Слишком Абстрактным. Поэтому я и не заслуживаю уважения. Вот кто я теперь такой. Я больше не Реальный Индивидуальный и Уважаемый Ягарек. Его больше нет. Я уже называл тебе свое имя и имя-титул. Я Слишком Абстрактный Ягарек, Которого Не Следует Уважать. Им я и останусь навсегда.

Айзек покачал головой, а Ягарек медленно опустился на краешек кровати. На лице его появилось отчаяние. Прежде чем заговорить, Айзек долго смотрел на него.

– Я хочу тебе сказать... – начал Айзек. – На самом деле я не... м-м-м... У меня много клиентов, которые... не совсем в ладах с законом, скажем так. Так вот, не стану утверждать, что понимаю, в чем состав твоего преступления, но в конечном счете это не мое дело.

Айзек говорил медленно и вдумчиво, однако мысли витали уже где-то далеко.

– Но твоя проблема... меня заинтересовала. – В его сознании уже завертелись формулы приложения сил и векторов энергий, фемтоморфических резонансов и энергетических полей. – Сделать так, чтобы ты взлетел, не очень сложная задача. Воздушные шары, управление силовыми полями и прочая дребедень. Не так сложно добиться, чтобы ты взлетел несколько раз. Но ты ведь хочешь лететь туда, куда тебе вздумается, без посторонней помощи, так ведь?

Ягарек кивнул. Айзек потер подбородок.

– Черт!.. Да... пожалуй, эта задачка будет... поинтересней.

Айзек уже начал погружаться в вычисления. Одна часть его разума – романтическая – напоминала, что у него не запланировано никаких дел на ближайшее время, так что он может полностью окунуться в исследовательскую работу. Свое дело сделала и другая – прагматическая – часть разума, принявшая во внимание важность и срочность этого неординарного исследования. Парочка плевых анализов соединений – с ними он может тянуть бесконечно; полуубежденный синтез одного-двух эликсиров – от этого можно легко отвязаться; остается только... его собственная исследовательская работа над искусством водяных. Но и это можно отложить.

«Нет, нет, нет!» – вдруг возразил он сам себе. – Мне не придется откладывать эту работу... Я же могу включить ее в новое исследование! Это все относится к частицам, которые ведут себя

неправильно, валяют дурака... Жидкость, сохраняющая форму сама по себе, твердая материя, заполняющая собой пустоту... Здесь должно быть что-то... какой-то общий знаменатель...»

Некоторым усилием он вернул себя назад, в лабораторию, и увидел, что Ягарек с нетерпением уставился на него.

– Меня заинтересовала твоя проблема, – просто сказал он.

Ягарек немедленно полез в карман. Вынул полную горсть неровных и грязных золотых самородков. У Айзека глаза полезли на лоб.

– Ну что ж... спасибо. Я, конечно, приму деньги на некоторые расходы... Почасовая оплата и тому подобное...

Ягарек протянул все золото Айзеку.

Тот едва удержался, чтобы не присвистнуть, когда взвесил плату на своей руке. Хоть это и было его недостойно, Айзек завороченно смотрел на золото. Такого сокровища он не видел за всю свою жизнь; этого бы хватило, чтобы покрыть многие научные издержки и потом еще жить спокойно несколько месяцев.

Ягарек – не делец, это очевидно. Он мог бы предложить треть, четверть этого, и все равно любой в Барсучьей топи нанялся бы к нему с радостью. Ему не следовало отдавать все; надо было сохранить большую часть у себя и помахивать ею перед носом ученого в случае, если интерес начнет остывать.

«А может, он и припрятал большую часть», – подумал Айзек, и глаза его расширились еще больше.

– Где мне тебя искать? – спросил Айзек, все еще глядя на золото. – Где ты живешь?

Ягарек помотал головой и ничего не ответил.

– Ладно, я сам как-нибудь разыщу...

– Я буду приходить к тебе, – сказал гаруда. – Каждый день, каждые два дня, каждую неделю... Я хочу быть уверен, что ты не забыл о моем деле.

– Уверю, об этом можешь не беспокоиться. Ты действительно не хочешь дать мне адрес, чтобы я мог связаться с тобой?

– Я не знаю, где я буду, Гримнебулин. Мне надо держаться подальше от этого города. Он преследует меня. Я должен постоянно перемещаться.

Айзек беспомощно пожал плечами. Ягарек встал, собираясь уходить.

– Ты понял, чего я не хочу, Гримнебулин? Я не хочу, чтобы мне приходилось каждый раз принимать какие-то снадобья. Я не хочу напяливать на себя всякие хитроумные штуковины. Я не желаю совершить один восхитительный полет в облака, а затем вечно прозябать на земле. Я хочу, чтобы ты помог мне отрываться от земли так же легко, как ты переходишь из одной комнаты в другую. Ты можешь сделать это, Гримнебулин?

– Я не знаю, – медленно ответил Айзек. – Но думаю, что да. Ручаюсь, лучшего, чем я, тебе не найти. Я не химик, не биолог и не лекарь... Я дилетант, любитель. Думаю, что я...

Айзек замолчал и усмехнулся. И заговорил с большим жаром:

– Думаю, что я – перекресток всех направлений мысли. Как вокзал на Затерянной улице. Тебе он знаком?

Ягарек кивнул.

– Его нельзя не заметить, верно? Такая махина. – Айзек похлопал себя по животу, продолжая аналогию: – Там пересекаются все линии – Южная, Правая, Обратная, Главная и Сточная; все поезда проходят через этот вокзал. Так и я. Это моя работа. Вот такой вот я ученый. И мне кажется, это то, что тебе нужно. Вот увидишь, это то, что тебе нужно.

Ягарек кивнул. Его хищное лицо было совершенно жестким, непроницаемым. По нему нельзя было угадать эмоции. Приходилось расшифровывать его слова. Не по лицу, не по глазам, не по его манере держаться (все столь же горделивой и надменной) Айзек прочел отчаяние. Он прочел отчаяние в его словах.

– Будь ты хоть дилетантом, хоть лжеученым, хоть мошенником... только верни меня в небо, Гримнебулин.

Ягарек нагнулся и поднял уродливые фальшивые крылья. Без видимого стыда, несмотря на недостойную внешность сего действия, пристегнул их к спине. Накинул на плечи огромный плащ и стал тихо спускаться по лестнице.

В задумчивости опершись на перила, Айзек глядел вниз на пыльный зал. Ягарек прошагал мимо неподвижной конструкции, мимо стопок бумаги, стульев, меловых досок. Лучи света, пробивавшиеся через прорехи в старых стенах, исчезли. Солнце уже висело низко, за домами, стоящими напротив бывшего склада; свет его не проникал сквозь нагромождения кирпичных зданий, а скользил во все стороны над древним городом, освещая невидимые склоны гор Плющущий башмачок, Хребтовый пик и утесы перевала Кающихся, прочерчивая неровную линию горизонта, которая растянулась на многие мили к западу от Нью-Кробюзона.

Ягарек открыл дверь и шагнул во тьму улицы.

Айзек работал по ночам.

Как только Ягарек ушел, Айзек открыл окно и выкинул длинную красную веревку, привязанную другим концом к вбитым в кирпичную стену гвоздям. Он переставил тяжелый вычислитель с середины письменного стола на пол. Слетев с полки, кипа перфокарт рассыпалась по полу. Айзек чертыхнулся. Он сгреб их в кучку и положил обратно. Затем перетащил на стол пишущую машинку и начал составлять список. Временами он вскакивал и размашистым шагом направлялся к самодельным книжным шкафам или рылся в куче книг на полу, пока не находил нужный том. Затем клал его на стол и листал с конца, разыскивая библиографию. Он тщательно перепечатывал все до мельчайших деталей, стуча двумя пальцами по клавишам машинки.

По мере того как он работал, критерии его плана расширялись. Он видел все больше и больше перспектив, и глаза его загорелись, поскольку он начал осознавать потенциал этого исследования.

В конце концов он перестал писать и в задумчивости откинулся на спинку стула. Схватив несколько чистых листов бумаги, Айзек набросал на них разные проекты действий.

Вновь и вновь он возвращался к одной и той же модели – треугольнику, в центре которого прочно обосновался крест. Он не мог сдержать улыбки.

– Мне это нравится... – прошептал он.

В окно постучали. Айзек встал и подошел к окну.

Снаружи на Айзека, широко ухмыляясь, смотрела багровая идиотская мордочка. Из выдающегося подбородка торчали два коротких рога, линию волос неубедительно имитировали костяные наросты и складки. Над радостно-уродливым оскалом моргали водянистые глаза.

Айзек распахнул окно навстречу быстро убывающему свету. Послышалась ворчливая переключка гудков промышленных барж, которые стремились обогнать друг друга на просторах Ржавчины. Существо взобралось на оконный карниз и, схватившись за края окна шишковатыми руками, впрыгнуло в открытый проем.

– Здравь, капитан! – затараторило оно. У него был сильный и странный акцент. – Увидеть ваш – как ее – красный штуковина... подумать: пора наведаться к мой хозяин. – Он подмигнул и глуповато гоготнул. – Што желаети, капитан? К вашим услугам.

– Добрый вечер, Чай-для-Двоих. Я звал тебя.

Существо захолопало красными крыльями летучей мыши.

Чай-для-Двоих был человеком-вирмом. Вирмы – существа с бочкообразной, как у находившейся птицы, грудной клеткой, толстыми, как у людей-карликов, руками, растущими из-под уродливых функциональных крыльев, – перепаживали небо над Нью-Кробюзонам. Руки,

которые, словно вороны лапы, торчали из нижней части их приземистых тел, заменяли им ноги. В помещении они могли сделать несколько неуклюжих шагов, балансируя передними лапками, но все же предпочитали килевать над городом, пронзительно крича, падая вниз и выкрикивая бранные слова в адрес прохожих.

Вирмы были умнее собак или обезьян, однако явно уступали в этом человеку. В их среде процветали скудоумные сортирные шуточки, балаганные развлечения и подражания; имена друг для друга они без всякого понимания брали из популярных песен, каталогов мебели и разрозненных учебников, которые едва могли прочесть. Насколько знал Айзек, сестру Чай-для-Двоих звали Бутылочным Горлышком, а одного из его сыновей – Чесоткой.

Вирмы обитали в сотнях и тысячах укромных застрех, на чердаках, в пристройках и за рекламными щитами. Большинство из них выбирали себе жилище на краю города. Гигантские свалки и мусорные кучи в окрестностях Каменного панциря и Травяной отмены, канализационные стоки у реки в Грисском меандре – все кишели вирмами, ругающимися и хохочущими, пьющими воду из заболоченных каналов, срущими и в небе, и на земле. Некоторые, как Чай-для-Двоих, помимо этого еще подрабатывали. Если на крыше развеялся шарф или рядом с чердачным окном на стене появлялись каракули мелом, значит, кому-то зачем-нибудь понадобился вирм.

Айзек порылся в кармане и извлек шекель.

– Хочешь это получить, Чай-для-Двоих?

– Спрашивашь, капитан! – воскликнул Чай-для-Двоих. – Берегись, там, внизу! – добавил он и громко испражнился. Помет рассыпался по улице. Чай-для-Двоих загоготал.

Айзек протянул ему список, свернутый в трубочку.

– Отнеси в университетскую библиотеку. Знаешь, где это? За рекой. Она открыта допоздна, ты должен успеть до закрытия. Отдай библиотекарю. Я поставил свою подпись, так что у тебя не должно возникнуть проблем. Там тебя нагрузят книгами. Сможешь принести их мне? Они довольно тяжелые.

– Нет проблем, капитан! – Чай-для-Двоих расправил грудь, как петух. – Большой, сильный парень!

– Отлично. Если провернешь все за одну ходку, я подкину еще немного бабок.

Чай-для-Двоих сгреб в охапку список и, издав какой-то дикий ребяческий крик, собрался было лететь, но Айзек ухватил его за край крыла. Вирм удивленно обернулся:

– Проблемы, хозяин?

– Нет, нет...

Айзек в задумчивости медленно раскрыл, а затем сложил руками массивное крыло Чай-для-Двоих. Под этой подвижной красной кожей – бугристой, рябой и жесткой, как шкура животного, – прощупывались специально предназначенные для полета мускулы. Их движения были удивительно экономны. Айзек обвел крылом полный круг, чувствуя, как натягиваются мускулы, совершая движения, разрезающие воздух и подминающие его под вирма. Чай-для-Двоих захихикал.

– Щекотно, капитан! Проказник! – вскрикнул он.

Едва удержавшись, чтобы не затащить Чай-для-Двоих к себе, Айзек потянулся за бумагой. Он уже представлял крыло вирма в математическом выражении, в виде простых плоскостных составляющих.

– Чай-для-Двоих... знаешь что... Когда вернешься, я дам тебе еще шекель, если позволишь сделать несколько гелиоснимков и провести над тобой пару экспериментов. Это всего на полчаса. Ну как, согласен?

– Кр-р-расота, капитан!

Чай-для-Двоих вскочил на подоконник и шагнул в вечерние сумерки. Айзек прищурил глаза, изучая плавное движение крыльев, глядя, как эти сильные мускулы, присущие только

пернатым существам, уносят в небо не меньше восьмидесяти фунтов извивающейся плоти и костей.

Когда Чай-для-Двоих скрылся из виду, Айзек сел и составил еще один список, на сей раз наскоро, от руки.

«Исследование» – написал он в заглавии страницы. Затем чуть ниже: «Физика; тяготение; силы/плоскости/векторы; ЕТП». А еще чуть пониже вывел: «Полет: 1) естественный, 2) волшебный, 3) химико-физический, 4) комбинированный, 5) иной».

Наконец заглавными буквами с подчеркиванием он написал: «РАЗНОВИДНОСТИ ПОЛЕТА».

Айзек откинулся назад, но не для того, чтобы расслабиться, а для того, чтобы с размаху вскочить на ноги. Он рассеянно что-то напевал. Его охватило безрассудное возбуждение.

Он стал рыться в поисках огромного старинного тома, который и выудил вскоре из-под кровати. С тяжким стуком водрузил его на письменный стол. Обложка была украшена витиеватым тиснением фальшивого золота.

«Бестиарий потенциальной мудрости: разумные расы Бас-Лага».

Айзек погладил обложку классического труда Шакрестиалчита, переведенного водяным Лаббоком и адаптированного сто лет назад Бенкерби Карнадином, торговцем, путешественником и знатоком Нью-Кробюзона. Творение, постоянно переиздаваемое, породившее множество подражаний и до сих пор непревзойденное. Айзек заложил пальцем букву «Г» в буквенном указателе и, пролистнув страницы, отыскал восхитительный акварельный рисунок с изображением пернатого народа Цимека, который предварял статью о гарудах.

Поскольку в комнате стало уже совсем темно, Айзек зажег газовую лампу и сел за стол. Где-то на востоке в прохладном небе, тяжело махая крыльями, Чай-для-Двоих нес болтавшийся мешок с книгами. Он видел яркий отблеск газового рожка Айзека, а прямо возле окна, снаружи – разливающий бледный свет уличный фонарь. В его лучах, словно электроны, постоянным потоком крутился рой ночных насекомых, случайно попадавших иногда в щель разбитого стекла и сгоравших в его пламени. Обугленные останки усеивали дно стеклянного колпака.

В этом пугающем городе фонарь был маяком, сигнальным огнем, который вел вирма над рекой в хищной ночи.

В этом городе те, кто похож на меня, совсем не такие, как Я. Однажды я уже совершил ошибку (я был усталым, напуганным и не надеялся на помощь), усомнившись в этом.

Я искал убежище и ночлег, надеясь найти еду, тепло и временное отдохновение от пристальных взглядов, которые преследовали меня на каждом шагу, по какой бы улице я ни направился. Я увидел едва оперившегося птенца, который беззаботно носился по узким проулкам между бесцветными домами. У меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди. Я окликнул его, моего юного сородича, на языке пустыни... Он уставился на меня, а затем распустил крылья, открыл клюв и расхохотался каким-то нестройным смехом.

Он обругал меня на своем каркающем зверином диалекте. Глотка его противилась звукам человеческой речи. Я окликнул его, но он, наверное, не понял. Обернувшись назад, он что-то прокричал, и изо всех городских щелей, словно зловредные для всего живого духи, к нему стали подтягиваться многочисленные беспризорные дети человеческой расы. Этот ясноглазый птенец показывал мне разные жесты и кричал вдогонку бранные слова, которые я из-за быстроты речи не смог разобрать. А потом его приятели, эти чумазые хулиганы, эти опасные, доведенные до звероподобного состояния, безнравственные маленькие твари со сплюснутыми лицами и драными штанами, заляпанными соплями, слизью и городской грязью, эти девочки в грязных рубахах и мальчишки, одетые в пальто не по размеру, набрали с земли

камней и забрасывали меня ими, пока я лежал в темноте, спрятавшись за прогнившей при-
толокой.

И птенец, которого я не могу назвать гарудой, оказавшийся всего лишь человечешкой
с ободранными крылышками и перьями, мой маленький потерянный собрат, тоже бросал
камни вместе со своими товарищами, смеялся, разбивая окна над моей головой и называя
меня плохими словами.

И когда на мою подушку из облупившейся краски посыпался град камней, я понял, что
такое одиночество.

С тех пор я знаю, что мне придется жить в полной изоляции, без всякой отдушины.
Что я не смогу поговорить на родном языке ни с одной живой душой.

Я приобрел привычку бродить одиноко после наступления ночи, когда город затихает и
погружается в себя. Я хожу как незваный гость, в его солипсистском сне. Я вышел из тьмы
и питаюсь тьмой. Ослепительная яркость дикой пустыни становится похожа на легенду,
которую я слышал когда-то давно. Я становлюсь ночным существом. Мои представления о
жизни меняются.

Я выхожу на улицы, которые извиляются, словно темные реки, текущие меж пецери-
стых кирпичных скал. Бледно мерцает луна в окружении своих маленьких сверкающих дочерей.
Холодные ветры черной патокой сползают со склонов холмов и гор, опутывая ночной город
мусорными вихрями. Я хожу по улицам вместе с бесцельно порхающими обрывками бумаги и
пыльными метелями; пылинки, словно заблудшие воры, проникают под карнизы и в дверные
щели.

Мне вспоминаются пустынные ветры: хамсин, который, подобно бездымному огню, опу-
стошает земли; фен, который, словно из засады, выскакивает из-за раскаленных горных
склонов; коварный самум, обманом проникающий сквозь противопесчаные кожаные ширмы и
двери библиотек.

В этом городе ветры более унылой породы. Они рыщут, как неприкаянные души, загля-
дывая в пыльные окна, освещенные газовыми лампами. Мы с ними собратья – городские ветры
и я. Мы вместе бродим по улицам.

Мы находили спящих бродяг, прижавшихся друг к другу и застывших, стараясь
согреться, словно низшие существа, которых бедность сбросила с эволюционной лестницы
вниз.

Мы видели городских ночных мортусов, вылавливающих мертвецов из рек. Привыкшие
к темноте милиционеры вытягивали кошками и баграми раздувшиеся тела с глазами, выва-
лившись из орбит, в которых застоялась запекшаяся кровь.

Мы наблюдали, как существа-мутанты выползают из канализационных стоков
навстречу холодному и тусклому свету звезд, робко переешептываясь меж собой, рисуя планы
и оставляя записи на фекальной грязи.

Я садился рядом с ветром и видел перед собой жестокость и зло.

Мои раны и обломки костей болят. Я уже начинаю забывать тяжесть и движение
крыльев. Если бы я не был гарудой, я бы помолился. Но я не стану преклоняться перед над-
менными духами.

Иногда я прихожу к тому складу, где Гримнебулин что-то читает, пишет и чертит;
я неслышно забираюсь на крышу и ложусь спиной на шифер. Когда я думаю обо всей энергии
его мысли, направленной на достижение полета, моего полета, моего освобождения, боль в
истерзанной спине чуть утихает. Когда я лежу здесь, ветер треплет меня сильнее: он чув-
ствует себя преданным. Он знает, что, если я снова обрету свою целостность, у него больше
не будет ночного спутника, который бродил с ним по вязким кирпичным топям и мусорным

свалкам Нью-Кробюзона. И поэтому, когда я лежу здесь, он наказывает меня, пытаюсь внезапным порывом сбросить с лежанки в широкую, вонючую реку. Тугой вздорный ветер хватает меня за перья, предупреждая, чтобы я не покидал его; но я цепляюсь за крышу когтями и позволяю целительным вибрациям мысли Гримнебулина проникать сквозь крошащийся шифер в мое несчастное тело.

Я сплю под старыми сводами грохочущих железных дорог.

Я ем все живое, что попадает на пути, если только оно не сильнее меня.

Я прячусь, как паразит, в шкуре этого древнего города, храпящего, пугающего, урчащего, чешущегося и вздувающегося, который с возрастом становится бородавчатым и сварливым.

Иногда я забираюсь на верхушки огромных-преогромных башен, которые торчат, словно иглы дикобраза, из спины города. Там, в более тонких слоях воздуха, ветры теряют то печальное любопытство, которое присуще им на уровне улиц. Они утрачивают порывистость, с которой бьют по крышам. Возбуждаемые башнями, торчащими над сонмами городских огней – ярко-белых карбидных ламп, чадно-красных жировых светильников, безумно трещащих газовых фонарей и разновеликих дежурных ламп, – ветры ликуют и играют.

Я могу, вонзив когти в закраину крыши, раскинуть руки и почувствовать, как их треплет и омывает неистовый ветер, и я могу закрыть глаза и вспомнить на мгновение, что значит летать.

Часть вторая Лики полета

Глава 6

Нью-Кробюзон был городом, в котором не всегда действовали законы тяготения.

Аэростаты переползали с одного облака на другое, словно слизни с кабачка на кабачок. Милицейские вагончики сновали через сердце города к его окраинам, и тросы, на которых они держались, звенели и вибрировали, как гитарные струны, натянутые на высоте нескольких сотен метров над землей. Вирмы лавировали над городом, оставляя позади себя след из фекалий и бранных слов. Голуби соседствовали в небе с галками, соколами, воробьями и сбежавшими от хозяев попугаями. Летучие муравьи и осы, пчелы и навозные мухи, бабочки и москиты вели воздушную войну против тысяч хищников – асписов и дхери, – бросавшихся на них на лету. Големы, которых пьяные студенты пачками отправляли в воздух, бестолково молотили неуклюжими крыльями, сделанными из кожи, бумаги или фруктовой кожуры, и разваливались прямо в полете. Даже поезда, перемещавшие бесчисленных женщин, мужчин и товары вокруг гигантской туши Нью-Кробюзона, отвоевывали себе место над домами, как будто чураясь гнилости ветхих зданий.

Город массивно устремлялся ввысь, словно вдохновляемый огромными горами, которые возвышались на западе. Линия горизонта была изрезана торчащими силуэтами квадратных жилых громад в десять, двадцать, тридцать этажей. Они протыкали небо, словно толстые пальцы, словно кулаки, словно обрубки конечностей, безумно раскачиваясь над горбами домов пониже. Тонны смолы и бетона, из которых был построен этот город, скрывали под собой прежний рельеф: все еще проглядывавшие бугры, холмы, балки и равнины. Трущобные постройки, как щебень, рассыпались по склонам холма Водуа, по Мушиной стороне, по Плитняковому холму и Чертову кургану.

Закопченные дочерна стены парламента возвышались над островом Страк, как акулий плавник или хвост морского ската, – словно некое чудовищное живое оружие прорвало собой небо. Все здание было опутано замысловатыми трубами с огромными заклепками. Оно содрогалось от гудения старинных котлов в его глубине. Отдельные неизвестно для чего предназначенные комнаты имели выступ над основным фасадом гигантского здания, совершенно не поддерживаемый какими-либо опорами или скрепами. Где-то внутри, в палате, недоступный с небес, трудился Рудгуттер и весь сонм его помощников-бюрократов. Парламент подобно утесу нависал над краем крутого обрыва, сложенного из домов.

Атмосфера, царившая над городом, была не безупречно чистой. Дымовые трубы протыкали тонкую прослойку между землей и небом, словно по злобе извергая в этот верхний мир тонны ядовитого смога. В еще более густом, вонючем тумане, нависшем над самыми крышами, клубились выбросы миллионов низких труб. Крематории обращали в летучий пепел тех, кого сожгли неумолимые палачи, и этот пепел смешивался с угольной пылью. Тысячи мрачных дымных призраков окутывали Нью-Кробюзон удушающим, как мучения совести, смрадом.

Облака вихрились в этом нездоровом микроклимате. Казалось, вся погода в Нью-Кробюзоне формировалась мощным ураганом, который медленно раскручивался вокруг сердцевины города, вокруг чудовищного небоскреба, обосновавшегося в самом центре торгового района, известного как Ворон, в узле тысяч железнодорожных путей, в вековых наслоениях архитектурных стилей и насилия: вокзал на Затерянной улице, индустриальный замок, ощерившийся разрозненными выступами парапетов.

Самой западной башней вокзала был милицейский Штырь, который возвышался над всеми остальными башенками, отчего те казались просто карликами; и от него в семи направлениях тянулись тугие провода воздушных рельсов. Но несмотря на свою громадность, Штырь был всего лишь придатком гигантского вокзала.

Через семь лет после окончания строительства вокзала на Затерянной улице архитектор был посажен в тюрьму и там сошел с ума. Поговаривали, что он еретик, стремившийся создать своего собственного бога.

Пять огромных разинутых кирпичных ртов заглатывали все городские железнодорожные линии. Рельсы гигантскими языками стелились по сводчатым перегонам. Магазины, пыточные камеры, мастерские, конторы и пустующие залы доверху заполняли толстое чрево здания, которое, если смотреть на него под определенным углом и при определенном освещении, казалось, собирается с духом, чтобы перенести всю свою тяжесть на Штырь и выпрыгнуть в распростертое небо, в которое оно столь небрежно вторглось.

Глаза Айзека не были затуманены романтикой. Куда бы он ни бросил взгляд (а глаза у него были опухшие: за ними напряженно гудел мозг, озабоченный новыми формулами и фактами, собранными ради того, чтобы вырваться из тисков земного притяжения), над городом всюду что-то летало, и он понимал, что иного выхода нет. Полет был делом извечным и заурядным: простое перемещение из одной части Нью-Кробюзона в другую.

Это его обрадовало. Он ведь ученый, а не мистик.

Айзек лежал на кровати и смотрел в окно. Одну за другой он провожал глазами летящие точки. Вокруг него на постели были разбросаны книги, статьи, машинописные страницы и длинные, исписанные его взволнованно-торопливым почерком листы, бумажными волнами ниспадавшие на пол. Классические монографии покоились в ворохе полубредовых идей. Биология и философия соперничали за место на его письменном столе.

Он, словно ищейка, прокладывал себе путь, вынюхивая след среди запутанных библиографий. Некоторые из названий сразу бросались в глаза: «О тяготении, или Теория полета». Другие имели более косвенное отношение к предмету, например, «Аэродинамика пчелиного роя». А иные были просто причудливыми измышлениями, которые у большинства его более уважаемых коллег, несомненно, вызвали бы лишь неодобрение. И все же он для примера полистал том под названием «Двеомеры, которые живут над облаками: что они могут нам рассказать».

Айзек почесал нос и потянул через соломинку пиво из стоящего у него на груди стакана.

Всего два дня работы над заказом Ягарека, и город для него совершенно преобразился. Айзек уже сомневался, вернется ли когда-нибудь его прежнее представление.

Он перевернулся на бок, выгреб из-под себя бумаги, на которых было неудобно лежать. Айзек наугад вытянул несколько рукописей туманного содержания и пачку гелиотипов, которые он снял с Чая-для-Двоих. Держа эти снимки перед собой, Айзек начал разглядывать лабиринты вирмовской мускулатуры, продемонстрировать которые он заставил Чая-для-Двоих.

«Надеюсь, это ненадолго», – подумал Айзек.

Весь день он читал и делал заметки, беззлобно ворча, когда Дэвид или Лубламай слишком громко приветствовали его или спрашивали, принести ли обед. Он сжевал хлеб с сыром и перцем, который бросил ему на стол Лубламай. По мере того как на улице становилось теплее, а работающее оборудование нагревало воздух в складском помещении, он снимал с себя одежду. Пол возле его стола был усыпан футболками и платками.

Айзек ждал, когда ему доставят необходимые принадлежности. Едва начав читать, он понял, что для осуществления заказа необходимо восполнить огромный пробел в научных знаниях. Из всех загадочных областей биология была для него наименее изведанной. Он чувство-

вал себя как рыба в воде, когда читал о левитации, контргеотропной магии и о своей любимой единой теории поля, однако, увидев снимки Чая-для-Двоих, он осознал, сколь скудны его представления о биомеханике простого полета.

«Что мне нужно, так это несколько мертвых вирмов... нет, несколько живых, на которых можно ставить эксперименты... – рассеянно думал Айзек, разглядывая гелиотипы, сделанные прошлой ночью. – Нет... один мертвый для вскрытия и один живой, чтобы наблюдать его в полете...»

Внезапно легкомысленная идея приняла более серьезные формы. Он сел за стол и, поразмыслив некоторое время, встал и ушел в темноту Барсучьей топи.

Самый известный бар между Варом и Ржавчиной прятался в тени огромной Палголакской церкви. По ту сторону моста Данечи, соединявшего Барсучью топь с Костяным городом, было всего лишь несколько сырых улочек.

Большинство обитателей Барсучьей топи были, разумеется, пекарями, дворниками или проститутками или посвятили себя какой-нибудь другой из множества профессий, и вряд ли им когда-либо в жизни доводилось ворожить над пробиркой или хотя бы заглянуть в нее. Равным образом жители Костяного города в основной своей массе были заинтересованы в грубом или систематическом нарушении законов не больше, чем рядовые жители других районов Нью-Кробюзона. И все же Барсучья топь всегда будет Ученым кварталом, а Костяной город – Воровским районом. А местом, где эти эзотерические, подспудные, романтические и порой опасные влияния встречались, был бар «Дочери Луны».

На вывеске была изображена пара смазливых, но довольно вульгарных барышень – они символизировали спутники Луны. А фасад, выкрашенный в темно-красный цвет, был захудалым и тем не менее привлекательным. Собирались там самые безрассудные представители городской богемы: художники, воры, непризнанные ученые, наркоманы и милицейские осведомители, которые толпами проходили перед глазами владелицы бара Рыжей Кейт.

Прозвище Кейт напоминало о ее ярко-рыжих волосах и, как думал каждый раз Айзек, служило обвинительным приговором творческой несостоятельности ее посетителей. Она обладала физической силой и наметанным глазом, который всегда позволял ей определять, кого надо подмазать, а кого гнать в шею, кому врезать кулаком, а кому поставить бесплатное пиво. Вот по этим причинам (а также, подозревал Айзек, и благодаря владению парой магических трюков) сомнительные дела «Дочерей Луны» шли успешно и при этом независимо от соревнующихся между собой местных рэкетирских «крыш». Милиция лишь изредка и без особого рвения совершала набеги на заведение Кейт. Пиво у нее было отменное. И она не задавала вопросов относительно того, что обсуждалось вполголоса небольшими компаниями, собиравшимися за столиками в укромных углах.

В тот вечер Кейт коротко поприветствовала Айзека, махнув ему рукой, и он ответил тем же. Он пристально оглядел прокуренный зал, но человека, которого он искал, здесь не было. Айзек пошел к стойке бара.

– Кейт, – прокричал он сквозь шум. – Ты не видела Лемюэля?

Она отрицательно покачала головой и сама протянула ему кружку пива «Болт». Айзек расплатился и повернулся к залу.

Он был весьма обескуражен. Бар «Дочери Луны» был чуть ли не рабочим кабинетом Лемюэля Пиджина. Каждый вечер можно было с уверенностью застать его здесь за обделыванием темных делишек или распределением барышей. Айзек принялся бесцельно бродить между столиков, надеясь встретить знакомых.

В углу, облаченный в желтые одежды своего религиозного ордена, сидел, блаженно кому-то улыбаясь, Гедрексечет, хранитель библиотеки Палголакской церкви. Айзек обрадовался и направился к нему.

Айзеку показалось забавным, что руки сердитой девицы, спорившей с Гедом, были от локтя до кисти украшены татуировками в виде сцепленных колес, что выдавало в ней «Шестерню божественного механизма», несомненно, пытающуюся обратить в свою веру безбожника. Подойдя поближе, Айзек услышал, о чем они спорят.

– ...Если ты будешь подходить к миру и к Богу хоть с малой толикой той точности и того анализа, о которых ты все время твердишь, то увидишь, что твой бездумный сайентоморфизм совершенно несостоятелен!

Гед улыбнулся прыщавой девице и уже открыл рот, чтобы ответить, но его перебил Айзек:

– Прости, Гед, что встречаю. А ты, юная «подшипница», или как ты там себя называешь... «Шестеренка» хотела было возразить, но Айзек оборвал ее:

– Нет уж, заткнись. Говорю тебе человеческим языком: закрой пасть. И оставь свою точность при себе. Я хочу поговорить с Гедом.

Гед хихикал от души. Его противница глотала слюну, пытаясь сдержать гнев, однако крепкое телосложение и драчливая веселость Айзека ее несколько смутили. С гордым видом она приготовилась уйти.

Встав из-за стола, она открыла рот, намереваясь сказать на прощание заранее приготовленное язвительное словечко, но Айзек снова опередил ее.

– Еще слово, все зубы выбью, – любезно предупредил он.

«Шестеренка» закрыла рот и испарилась.

Айзек и Гед расхохотались.

– Какого черта ты с ними цацкаешься, Гед? – простонал Айзек.

Гед, присевший, как лягушка, за низким столом, раскачивался взад и вперед на передних и задних лапах, а его большой язык болтался в огромной распяленной пасти.

– Мне их просто жалко, – хихикал он. – Они такие... напористые.

Гед считался самым аномально веселым водяным, какого когда-либо видел Нью-Кробюзон. Ему была совершенно не присуща сердитая раздражительность, типичная для этой сварливой расы.

– Во всяком случае, – продолжал он, несколько успокаиваясь, – я практически ничего не имею против «шестерней». Конечно, у них нет и половины той строгости, которая, как они думают, у них есть, но по крайней мере они принимают все всерьез. И по крайней мере, они не... не «вечерние богослужители» и не «божий выводок» или что-нибудь такое...

Палголак был богом знания. Его представляли то как толстого, приземистого человека, читающего в ванной, то как стройного водяного за тем же занятием, то, загадочным образом, в обоих обличьях сразу. Приход его примерно поровну составляли люди и водяные. Палголак был добродушным, славным божеством, мудрецом, чье существование было целиком посвящено собиранию, классификации и распространению информации.

Айзек не поклонялся никаким богам. Он не верил во всеведение или всемогущество, приписывавшиеся некоторым, и даже в существование многих из них. Разумеется, были и такие создания, которые обитали в различных аспектах бытия; иные, без сомнения, обладали в человеческом понимании большой властью. Однако преклонение перед ними казалось Айзеку признаком малодушия. Но к Палголаку он питал некоторую слабость. Пожалуй, он даже надеялся, что старый шельмец действительно существует в той или иной форме. Айзеку нравилась идея интераспектуального существа, настолько влюбленного в знание, что свободно кочует, сидя в ванне, из одной сферы в другую, проявляя журчащий интерес ко всему, что ему попадает на пути.

Библиотека Палголака по количеству книг не уступала библиотеке Нью-Кробюзонского университета. Книги не выдавали на дом, зато читатели могли прийти туда в любое время дня

и ночи, и только к очень-очень небольшому количеству томов доступ был запрещен. Священники были прозелитами, утверждавшими, будто все, что известно верующему, тут же становится известно Палголаку, вследствие чего чтение запоем вменялось им в религиозную обязанность. Однако прославление Палголака было лишь второстепенной целью их миссии, первой же задачей было прославление знания, вследствие чего все они давали клятву пропускать любого желающего в их библиотеку.

Именно это вызывало со стороны Геда тихие сетования. Нью-Кробюзонская библиотека Палголака располагала лучшим собранием религиозных рукописей в мире Бас-Лага, которое привлекало паломников, принадлежавших к несметному числу религиозных традиций и сект. С северных окраин Барсучьей топи и Каминного вертела толпами шли представители всех верующих рас: в сутанах и масках, с охотничьими хлыстами, поводками, увеличительными стеклами – с полной гаммой религиозной атрибутики.

Некоторые из этих пилигримов были отнюдь не милыми созданиями. Например, злобные, антиксенийски настроенные «божьи выродки», которых становилось в городе все больше, и Гед это видел, поскольку в его религиозную обязанность входило помогать этим расистам, плевавшим в его сторону и называвшим его «жабой» и «речным хряком», пока он делал им копии с текстов.

В сравнении с ними эгалитаристски настроенные «Шестерни божественного механизма» были безобидной сектой, несмотря даже на то, что они весьма агрессивно отстаивали постулат о механической сущности Единого Истинного Бога.

На протяжении многих лет Айзек и Гед вели друг с другом многочисленные споры в основном по вопросам теологии, но также говорили и о литературе, и об искусстве, и о политике. Айзек уважал дружелюбного водяного. Он знал, что Гед ревностно относится к своей религиозной читательской обязанности, а стало быть, баснословно начитан по любому вопросу, который только мог прийти в голову Айзеку. Он всегда поначалу настороженно выслушивал мнения по поводу той информации, которой он делился («Только у Палголака достаточно знаний, чтобы анализировать», – благочестиво сообщал Гед перед началом спора), – но где-то после третьего стаканчика религиозный нондогматизм улетучивался, и он начинал разглагольствовать во весь голос.

– Гед, – спросил Айзек, – что ты можешь рассказать о гарудах?

Гед пожал плечами, и лицо его расплылось в довольной улыбке. Он был рад поделиться своими знаниями.

– Немногое. Пернатый народ. Местами обитания считаются Цимек, север Шотека и западная часть Мордиги. Быть может, и другие континенты. У них полые кости.

Взгляд Геда остановился, внутренний взор сфокусировался на заученных страницах из какого-то ксентропологического труда.

– Цимекские гаруды – эгалитаристы... абсолютные эгалитаристы и индивидуалисты. Охота и собирательство, нет полового разделения труда. Нет денег, нет рангов, хотя есть нечто вроде неофициальных рангов. Они просто означают, что ты достоин той или иной степени уважения, или что-то в этом роде. Не поклоняются никаким богам, хотя у них существует представление о некоем дьяволе, который может быть как реальным, так и вымышленным. Его называют Дахнеш. Охотятся и воюют с помощью кнутов, луков, копий и легких клинков. Щитами не пользуются: слишком тяжелы для полета. Так что иногда они применяют одновременно два вида оружия. Порой у них случаются стычки с другими племенами и видами, очевидно из-за охотничьих угодий. Ты знаешь, что у них есть библиотека?

Айзек кивнул. В глазах Геда блеснула почти непристойная жадность.

– Господи, как бы мне хотелось до нее добраться. Но не судьба. – Он помрачнел. – Пустыня – не самое подходящее место для водяного. Суховато...

– Ладно, вижу, что ты не слишком-то много о них знаешь, так что, пожалуй, я остановлю твой рассказ, – сказал Айзек.

К удивлению Айзека, лицо Гедда вытянулось.

– Шучу, Гед! Это ирония! Сарказм! Ты непревзойденный знаток гаруд. Во всяком случае, в сравнении со мной. Я порылся в Шакрестиалчите, но ты сейчас за минуту рассказал больше, чем я раскопал. Тебе что-нибудь известно о... гм... об их уголовном кодексе?

Гед уставился на него, прищутив огромные глаза:

– Что ты задумал, Айзек? Они такие эгалитаристы... Ну, в общем... в основе их общественного устройства – предоставление индивиду максимального выбора, поэтому-то они и коммунисты. Каждому дается возможность беспрепятственно выбирать. И, насколько я помню, единственным преступлением у них считается лишение другого гаруды возможности выбора. Оно может усугубляться или смягчаться в зависимости от того, совершено ли это преступление при наличии или же отсутствии уважения, с которым они носятся как с писаной торбой...

– Как можно украсть у кого-то возможность выбора?

– Понятия не имею. Полагаю, если ты стибришь у кого-нибудь копьё, то у пострадавшего не будет шанса им воспользоваться... А как насчет того, чтобы умолчать о том, где растут вкусные корешки? Ты ведь лишаешь других выбора: пойти за ними или не ходить...

– Возможно, некоторые похищения выбора аналогичны тому, что считаем преступлением мы, а другие не имеют с этим ничего общего, – предположил Айзек.

– Думаю, да.

– А что значит «абстрактный индивид» и «конкретный индивид»?

Гед с удивлением воззрился на Айзека:

– Разрази меня гром, Айзек... ты что, подружился с гарудой?

Айзек ухмыльнулся и кивнул.

– Черт! – закричал Гед. Народ за соседними столиками начал оборачиваться, бросая на него удивленные взгляды. – К тому же с гарудой из Цимека!.. Айзек, ты непременно должен привести его... его? Ее? Чтобы он рассказал мне о Цимеке!

– Не знаю, Гед. Он вообще-то... неразговорчив.

– Пожалуйста, ну пожа-а-алуйста!

– Ну ладно, ладно, я попробую. Но не слишком-то надейся. А теперь скажи все-таки, в чем эта гребаная разница между абстрактным и конкретным индивидами?

– О, это восхитительно. Полагаю, он не разрешил рассказывать о заказе?.. Нет, конечно же, нет. Ну что ж, говоря простыми словами, и насколько я это понимаю, они являются эгалитаристами, поскольку в высшей степени уважают индивида. Но нельзя уважать чужую индивидуальность, если сосредоточиваешься только на своей собственной, так сказать, абстрактно, изолированно. Суть в том, что ты являешься индивидом лишь постольку, поскольку существуешь в социальной матрице других, которые уважают твою индивидуальность и твое право на выбор. Это конкретная индивидуальность: индивидуум, который признает, что обязан своим существованием в некотором смысле совокупному уважению всех остальных индивидуумов, а следовательно, в его интересах относиться к ним с таким же уважением... Так что абстрактный индивид – это гаруда, который на какое-то время забыл, что он или она является частью чего-то большего и что он обязан уважать всех остальных выбирающих индивидов.

Наступила долгая пауза.

– Тебе стало понятнее, Айзек? – осторожно спросил Гед и залился тихим смехом.

Айзек не мог точно сказать, стало ли ему понятнее или нет.

– Гед, если я скажу тебе «похищение выбора второй степени с неуважением», ты сможешь объяснить, что натворил этот гаруда?

– Нет... – Гед задумался. – Нет, не смогу. Но звучит хреново... Думаю, в библиотеке есть несколько книг, в которых можно найти объяснение, хотя...

В этот момент Айзек заметил приближающегося Лемюэля Пиджина.

– Послушай, Гед, – поспешно оборвал Айзек, – прости и все такое, но мне очень надо перемолвиться словечком с Лемюэлем. Мы можем поговорить с тобой позже?

Гед с беззлой улыбкой отмахнулся от Айзека.

– Лемюэль... надо пошептаться. Выгодное дельце.

– Айзек! Всегда приятно иметь дело с человеком науки. Как там жизнь в мире разума?

Лемюэль откинулся в своем кресле. Одет он был фатовато. Пиджак на нем был малиновый, а жилет – желтый. На голове – небольшой цилиндр. Из-под него выбивалась копна желтоватых кудряшек, связанных в конский хвост, который им явно претил.

– Жизнь в мире разума, Лемюэль, в некотором смысле зашла в тупик. И тут-то, друг мой, как раз и понадобилась твоя помощь.

– Моя? – криво улыбнулся Пиджин.

– Да, Лемюэль, – с важным видом сказал Айзек. – Ты тоже можешь двигать науку.

Айзеку нравилось подтрунивать над Лемюэлем, хотя ему было несколько неудобно перед человеком моложе его. Лемюэль был фатоватым парнем, доносчиком, скупщиком краденого. Приобретая славу самого способного посредника, он таким образом создал себе небольшую, но прибыльную нишу. Послания, информация, предложения, поручения, беженцы, товары – все, чем два человека желали бы обменяться, не встречаясь друг с другом, Лемюэль мог передать. Для таких, как Айзек, которые хотели зачерпнуть со дна Нью-Кробюзона, не замочив ног и не испачкав рук, Лемюэль был лучшим помощником. Равно как и обитатели этого дна могли использовать Лемюэля, чтобы проникать в более-менее легальные области, не тычась вслепую и не обивая порогов милиции. Нельзя сказать, что работа Лемюэля целиком охватывала оба этих мира: некоторые дела были совершенно легальны, другие – абсолютно вне закона. Он специализировался лишь на пересечении этой границы.

Жизнь Лемюэля была полна опасностей. Он мог быть беспринципным и грубым, – если надо, жестоким. Когда дело вдруг становилось рискованным, он мог перешагнуть через любого, кто оказался рядом с ним. Все это знали. Лемюэль этого и не скрывал. У него была своеобразная честность. Он никогда не утверждал, что ему можно доверять.

– Лемюэль, ты прямо-таки энтузиаст науки, – сказал Айзек. – Я провожу небольшое исследование. И мне необходимо получить несколько образцов. Образцов того, что летает. Понимаешь, человек моего положения не может охотиться по всему Нью-Кробюзону за паршивыми пичугами, человеку моего положения полагается высказать свое пожелание и получить крылатых на золотом блюде.

– Айзек, старина, подай объявление в газету. Я-то на что тебе сдался?

– Мне нужно много образцов, и я не желаю знать, откуда ты их возьмешь. Под словом «много» я подразумеваю «очень много». Я хочу получить как можно больше разных летающих тварей, а некоторых из них очень нелегко достать. Например, асписа... Я мог бы втридорога заплатить капитану пиратского судна за какой-нибудь полудохлый запаршивевший экземпляр... или же заплатить тебе, чтобы ты договорился с одним из своих уважаемых компаньонов, и тот бы выпустил нескольких замученных маленьких асписов из какой-нибудь гребаной позолоченной клетки в Восточном Гидде или в Ободе. Усекаешь?

– Айзек, старина... я начинаю понимать тебя.

– Конечно, ты меня понимаешь, Лемюэль. Ты же деловой человек. Я ищу редких крылатых. Мне нужны такие птички, каких я раньше никогда не видел. Мне нужны пернатые, которые могут пробудить воображение. Я не стану платить бешеные бабки за корзинку с дроздами – хотя, пожалуйста, не пойми это так, что мне совсем не нужны дрозды. Пусть будут дрозды,

но вместе с ними пусть будут галки, воробьи и все, что у тебя найдется. Голуби, Лемюэль, твои тезки тоже. Но еще лучше, если это будут, скажем, змеи-стрекозы.

– Это редкость, – заметил Лемюэль, пристально глядя в свою кружку.

– Большая редкость, – согласился Айзек. – Вот поэтому-то за доставку хорошего экземпляра кое-кто может отхватить нешуточный куш. Дошло до тебя, Лемюэль? Мне нужны птицы, насекомые, летучие мыши... а также яйца, коконы, личинки и вообще все, что может превращаться в крылатых существ. На самом деле это может оказаться даже полезнее. Все, что размером не превосходит собаку. Крупнее не надо, и главное – никаких опасных тварей. Наверное, пойманный драд или летающий носорог выглядят впечатляюще, но я бы не хотел иметь с ними дело.

– А кому бы хотелось, Айзек? – согласился Лемюэль.

Айзек сунул в верхний карман Лемюэля банкноту в пять гиней. Затем они оба подняли стаканы и выпили.

Все это происходило вчера вечером. Откинувшись на спинку стула, Айзек представлял, как его заказ проходит свой извилистый путь преступными коридорами Нью-Кробюзона.

Айзек и раньше пользовался услугами Лемюэля, когда ему требовалось какое-нибудь редкое или запрещенное химическое соединение, или рукопись, копий которой во всем Нью-Кробюзоне осталось всего несколько, или информация о синтезе каких-либо запрещенных веществ. С присущим ему чувством юмора Айзек тешил себя мыслью о том, что самые отвязанные негодяи из городских низов честно ищут птичек и бабочек, оторвавшись от своих бандитских разборок и торговли наркотиками.

Завтра вошъкресенье, вдруг осознал Айзек. Прошло уже несколько дней, как он не виделся с Лин. Она ведь даже не знает о его заказе. Насколько он помнил, они назначили друг другу свидание. Собирались поужинать вместе. Он может на некоторое время отложить свои исследования и рассказать любимой обо всем, что с ним произошло. И он с удовольствием это сделает, очистит свой мозг от накопившегося хлама, вывалив его перед Лин.

Лубламай и Дэвид уже ушли, понял Айзек.

Айзек поворочался, словно тюлень, и со всех сторон кровати посыпались бумаги и снимки. Он выключил газовый рожок и выглянул из темного склада наружу. Через грязное окно он видел огромный холодный диск луны и двух ее дочерей, медленно вращающихся вокруг, – спутников древней голой каменной скалы, мерцающих, как жирные светляки.

Глядя на спиральное вращение лун, Айзек погрузился в сон. Он нежился в лунном свете, и ему снилась Лин: это были яркие, сексуальные и нежные грезы.

Глава 7

Бар «Часы и петух» выплеснулся наружу. Передний дворик, выходящий на канал, который отделял Салакусские поля от Пей-и-Поя, был заполнен столами и разноцветными фонариками. Звон бокалов и радостные возгласы доносились до суровых барочников, которые вели свои суда через шлюзы, скользя по шлюзовым водам и поднимаясь на более верхний уровень, а затем уплывая прочь в сторону реки, оставляя позади шум таверны.

Лин почувствовала головокружение.

Она сидела во главе большого стола под фиолетовой лампой, в окружении своих друзей. Рядом с ней сидела Дерхан Блудей, арт-критик из журнала «Маяк». По другую сторону от нее восседал Корнфед, который оживленно болтал с Растущим Стеблем, кактом-виолончелистом. Александрина, Белладжин Громкий, Таррик Септимус, Зануда Спинт – художники, поэты, музыканты, скульпторы и целая орава прихлебателей, которых она едва знала.

Это был круг Лин. Это был ее мир. И все же она никогда еще не чувствовала себя так изолированно от них, как теперь.

Сознание того, что ей наконец удалось отхватить огромный заказ, о котором все они могли только мечтать, ту самую работу, которая на долгие годы могла сделать ее счастливой, – это сознание отделяло ее от сотоварищей. Кроме того, ужасный заказчик весьма эффективно наложил на ее уста печать молчания, усугубив ее изоляцию. У Лин возникло ощущение, будто внезапно, без всякого предупреждения, она оказалась в совершенно другом мире, отличном от циничного, шутовского, яркого, манерного, самовлюбленного окружения богемы Салакусских полей.

С тех пор как она вернулась, потрясенная, со своего необычного собеседования в Костяном городе, она еще ни с кем не виделась. Лин ужасно соскучилась по Айзеку, но знала, что он, должно быть, использует ее занятость на работе в качестве предлога, чтобы самому окунуться в исследовательскую деятельность, и, кроме того, знала, что его жутко рассердит, если она вдруг зайвится к нему в Барсучью топь. В Салакусских полях их отношения ни для кого не были секретом. Однако в Барсучьей топи дело обстояло иначе.

Поэтому Лин целый день просидела, размышляя, на что же она согласилась.

Мало-помалу мысли ее вновь обратились к чудовищному облику господина Попурри.

«Черт бы его побрал! – думала она. – Как же он выглядел раньше?»

Она не могла ясно вспомнить своего хозяина, у нее лишь осталось впечатление дикого несоответствия членов его тела. Обрывки зрительных воспоминаний дразнили ее: одна рука Попурри заканчивалась пятью растопыренными крабовыми клешнями, между глаз торчал крученый рог, вдоль козлиной шкуры вился гребень рептилии. Было невозможно понять, к какой расе господин Попурри принадлежал изначально. Ей никогда еще не доводилось слышать о том, чтобы переделка носила столь обширный, чудовищный и хаотический характер. Такой богач, как он, несомненно мог бы нанять любых переделщиков, чтобы те придали ему более человеческий или любой другой нормальный вид. Единственное, что приходило ей на ум: он сам выбрал для себя такую форму.

Либо он стал жертвой Вихревого потока.

Шкаф Лин был забит грубыми набросками тела господина Попурри, которые она наспех спрятала, предполагая, что этой ночью Айзек останется у нее. Она записала все, что помнила о бредовой анатомии тела своего работодателя.

День ото дня страх ее ослабевал, уступая место нетерпеливому зуду и потоку идей.

Эта работа, решила она, станет делом ее жизни.

Первая встреча с господином Попурри была назначена на следующий день, пыледельник, после полудня. Затем они должны будут встречаться дважды в неделю в течение месяца, а может, и дольше, в зависимости от того, как пойдет процесс создания скульптуры.

Лин не терпелось приступить к работе.

– Лин, нудная ты сучка! – проорал Корнфед и запустил в нее морковкой. – Чего это ты сегодня такая тихоня?

Лин быстро набросала в своем блокноте:

«Корнфед, дорогой, отстань».

Все заржали. Корнфед вернулся к своему пламенному заигрыванию с Александринной. Дерхан наклонила седую голову к Лин и тихо заговорила:

– Серьезно, Лин... из тебя сегодня слова не вытянешь. Что-нибудь случилось?

Лин, тронутая, мягко покачала головуловищем.

«Работаю над большим проектом. Занимает все мысли», – знаками показала она. Как легко говорить, не записывая каждое слово, – Дерхан хорошо понимала язык знаков. «Я скучаю по Айзеку», – добавила Лин с шутливым отчаянием.

Дерхан сочувственно поморщилась в ответ. «А она хорошая женщина», – подумала Лин.

Дерхан была бледной, высокой и худощавой; впрочем, достигнув средних лет, она отрастила небольшой животик. Хотя ей нравились непристойные выходки салакусской компании, она все же была впечатлительной и кроткой женщиной и не любила находиться в центре внимания. Ее журнальные публикации были острыми и беспощадными: если бы Дерхан не любила свою работу, Лин вряд ли смогла бы с ней подружиться. Ее суждения, высказываемые на страницах «Маяка», были резкими даже до грубости.

Лин могла сказать Дерхан, что скучает по Айзеку. Дерхан знала об истинной природе их взаимоотношений. Чуть более года назад, когда Лин и Дерхан как-то прогуливались вместе по Салакусским полям, Дерхан купила выпивку на двоих. Достав кошелек, чтобы расплатиться, случайно уронила его. Дерхан быстро наклонилась, чтобы поднять, но Лин ее опередила. Она подобрала кошелек и ненадолго задержала в руке, увидев выпавший из него старый, потрепанный гелиоснимок красивой и энергичной молодой женщины в мужском костюме. Лин вернула снимок Дерхан, которая не спеша положила его обратно в кошелек, не глядя в глаза Лин.

– Давняя история, – загадочно проговорила Дерхан и залпом осушила бокал с пивом.

Лин чувствовала, что взамен должна поделиться с Дерхан своим секретом. Пару месяцев спустя она, переживая после глупой бурной ссоры с Айзеком, снова оказалась в баре вместе с Дерхан. Ссора стала для Лин поводом, чтобы почти с облегчением рассказать Дерхан правду, о которой та уже, должно быть, догадывалась. Дерхан лишь кивала, сочувствуя Лин.

С тех пор они стали очень близки.

Айзеку нравилась Дерхан за ее бунтарство.

Едва Лин подумала об Айзеке, как раздался его голос:

– Черт, привет всем, простите – опоздал...

Она обернулась и увидела, как он неуклюже пробирается между столиками. Ее сядки изогнулись в поклоне, который Айзек, она была уверена, распознает как улыбку.

Когда Айзек подошел, его встретил хор восторженных приветствий. Он посмотрел прямо на Лин и улыбнулся ей. Приветственно махнув всем рукой, Айзек погладил ее по спине, и Лин сквозь блузку почувствовала, как его рука неуклюже вывела: «Я тебя люблю».

Айзек резко поднял стул и втиснул его между стульями Лин и Корнфед.

– Я только что был в банке, положил туда несколько маленьких золотых самородков. Выгодный контракт, – разглагольствовал он, – делает ученого счастливым и беспечным. Выпивка – за мой счет.

Послышались громкие радостные возгласы, после чего все хором позвали официанта.

– Как проходит твоя выставка, Корнфед? – спросил Айзек.

– Великолепно, великолепно! – прокричал Корнфед, а затем почему-то громко добавил: – В пятницу Лин приходила ее посмотреть.

– Отлично, – сконфуженно произнес Айзек. – Тебе понравилось, Лин?

Она коротко показала жестами, что понравилось.

Корнфед был целиком поглощен созерцанием груди Александрины в глубоком вырезе ее незамысловатого платья. Айзек переключил внимание на Лин.

– Ты просто не поверишь, что со мной случилось... – начал он.

Лин сжала под столом его колено. Он в ответ сделал то же самое.

Айзек шепотом вкратце пересказал Лин и Дерхан историю о приходе Ягарека. Он умолял их молчать и постоянно оглядывался по сторонам, дабы убедиться, что их никто не подслушивает. Пока он рассказывал, принесли заказанного цыпленка, и он шумно набросился на еду, попутно описывая свою встречу в «Дочерях Луны» и многочисленные клетки с подопытными животными, которые должны были начать поступать ему в лабораторию со дня на день.

Покончив с рассказом, он откинулся на спинку стула, с улыбкой глядя на собеседниц, но вдруг на лице его мелькнула гримаса раскаяния, и он виновато спросил у Лин:

– А как у тебя продвигается работа?

Она извиняюще махнула рукой.

«Ничего такого, сердце мое, – подумала она, – о чем я могла бы тебе рассказать. Поговорим лучше о твоём новом проекте».

На его лице явно отразилось чувство вины за то, что он один завладел разговором, но Айзек ничего не мог с собой поделать. Он был всецело поглощен собственными творческими муками. Лин охватила знакомая грустная нежность к нему. Грусть – оттого, что в такие моменты одержимости он был совершенно погружен в себя; нежность – к его горячности и страсти.

– Смотри, ты только посмотри, – забормотал вдруг Айзек, вытягивая из кармана листок бумаги, разворачивая и кладя на стол.

Это была афиша ярмарки, которая проходила сейчас в Собек-Крусе. Обратная сторона листка хрустела от присохшего клея – Айзек оторвал афишу от стены.

Неповторимая и удивительная ярмарка господина Бомбадрезила гарантированно изумит и поразит самого пресыщенного знатока. Дворец любви, комната ужасов, водоворот и множество других аттракционов за умеренную плату. Кроме того, спешите видеть необычайный наноптикум, цирк уродцев. Чудовища и другие удивительные существа изо всех уголков Бас-Лага! Прорицатели из Растрескавшихся земель, настоящий коготь паука-ткача, живой череп, сладострастная женищина-змея, царь-медведь, карликовые люди-кактусы, гаруда – человек-птица, властитель дикой пустыни; каменные люди из Бежека, демоны в клетках; танцующая рыба; сокровища, украденные из Дженгриса, и бесконечное множество других волшебных чудес. Некоторые аттракционы не рекомендуются для чересчур впечатлительных и нервных особ. Вход – 5 стиверов. Сады Собек-Круса, с 14 чета по 14 меллуария, каждый вечер с 6 до 11.

– Ты это видела? – заорал Айзек, тыкая большим пальцем в афишу. – У них есть гаруда! Я-то рассылал запросы по всему городу, по крупницам пытаюсь собрать какие-то сомнительные экземпляры, и в конце концов, вероятно, получил бы кучу полудохлых больных галок, а этот паршивый гаруда оказывается прямо у меня под носом!

«Ты собираешься пойти туда?» – жестами спросила Лин.

– Черт возьми, конечно! – фыркнул Айзек. – Прямоком отсюда! Я думал, мы все могли бы туда отправиться. Остальным, – сказал он, понижая голос, – не обязательно знать, зачем я туда иду. То есть я хочу сказать, ярмарка – это все равно весело. Верно ведь?

Дерхан улыбнулась и согласно кивнула.

– Так ты что, собираешься выкрасть гаруду? – шепотом спросила она.

– Ну, я мог бы, наверное, договориться насчет нескольких гелиоснимков или даже упротить, чтобы он пришел на пару дней в лабораторию... Не знаю. Что-нибудь придумаем! Что скажешь? Повеселимся на ярмарке?

Лин вынула из гарнира Айзека крошечный помидорчик и аккуратно обтерла его от куриного соуса. Она захватила его челюстями и начала пережевывать.

«Повеселимся, – прожестиковала она. – Ты платишь?»

– Конечно, плачу я! – прогремел Айзек и уставился на нее.

Затем огляделся, проверяя, не смотрит ли кто, и неловко показал ей жестаи: «Скучал по тебе».

Декхан на мгновение тактично отвернулась.

Но Лин прекратила разговор, нарочно опередив в этом Айзека. Она громко хлопала в ладоши, пока все, кто сидел за столом, не обратили взоры на нее. Тогда она начала говорить знаками, попросив Дерхан переводить.

– М-м-м... Айзеку не терпится доказать, что слухи, будто все ученые умеют лишь работать и совсем не умеют развлекаться, ошибочны. Интеллектуалы, такие же распушенные эстеты, как и мы, знают, как можно неплохо провести время, поэтому Айзек предлагает нам вот это... – (Лин помахала листком и бросила его в центр стола, на всеобщее обозрение.) – Карусели, диковины, чудеса, метание кокосов – и все это за какие-то жалкие пять стиверов, которые Айзек великодушно готов заплатить...

– Не всем же, ах ты свинья! – вскричал Айзек в притворном негодовании, но его крик утонул в пьяном реве благодарности.

– ...Готов заплатить, – упрямо продолжала Дерхан. – В связи с этим я вношу предложение: сейчас мы допьем, доедим и ломанемся в Собек-Крус.

Послышались нестройные возгласы согласия. Те, что уже допили и доели, начали собирать сумки. Остальные с удвоенным аппетитом набросились на устриц, салаты и жареные подорожники.

Айзек с Дерхан о чем-то шептались через стол прямо перед Лин. Ее сязки дрогнули. Она могла уловить кое-что из их перешептываний. Айзек горячо рассуждал о политике. В разговорах с Дерхан он изливал свое смутное, неконкретное, но язвительное социальное недовольство.

«Старается показать, насколько глубоко он умеет мыслить, – думала Лин с легким раздражением, – старается произвести впечатление на журналистку».

Она заметила, как Айзек осторожно передает через стол монетку и получает взамен простой конверт. Это, без сомнения, был последний выпуск «Буйного бродяги» – подпольной радикальной газеты, для которой писала Дерхан.

Если не считать смутной неприязни, которую она питала к милиции и правительству, Лин была существом аполитичным. Она откинулась на спинку стула и посмотрела вверх, на звезды сквозь фиолетовую дымку подвесного фонарика. Она пыталась припомнить, когда в последний раз была на ярмарке: ей вспомнились безумные наслоения запахов, свиста и визга, мошеннические аукционы и низкие цены, экзотические животные и яркие костюмы, и все это спрессовано в сомнительное, но живое восхитительное целое.

Ярмарка – это то место, где нормальные правила на время забываются, где банкиры и воры в один голос восклицают удивленно «О-о-о!», шокированные и приятно возбужденные. Даже менее скандальные сестры Лин и то пошли бы на ярмарку.

Одним из воспоминаний ее раннего детства было то, как она крадется, прячась за рядами кричаще-ярких палаток, чтобы поглядеть на некую страшную, опасную разноцветную карусель, этакое гигантское колесо на Галлмарчской ярмарке двадцать лет тому назад. Кто-то – она так и не узнала, кто это был, какой-то приезжий хепри, сердобольный палаточный торговец – дал ей засахаренное яблоко, которое она с благодарностью съела.

Лин ждала, когда ее друзья покончат с приготовлениями. Она потягивала сладкий чай из губки и думала о том засахаренном яблоке. И терпеливо ждала, когда же они пойдут на ярмарку.

Глава 8

- Подходи, налетай, свою удачу испытай!
- Девушки-красотки, пусть ваши парни выиграют вам букет цветов!
- Покружитесь в «Гигантском вихре»! Это настоящее головокружение!
- Всего четыре минуты, и ваша копия готова! Самый быстрый портрет в мире!
- Испытайте на себе месмерический гипноз Силлиона Необычайного!
- Три раунда – три гинеи! Тот, кто выстоит три раунда против Железного Магуса, получит три гинеи! Кактусы не допускаются!

Вечерний воздух загустел от шума. Со всех сторон вокруг хохочущей компании, как лопающиеся воздушные шары, слышались вызовы на состязания, приглашения, соблазнительные и рискованные предложения. Газовые рожки, в которые добавлялись определенные химикаты, светились красным, зеленым, синим и канареечно-желтым светом. Трава и дорожки Собек-Круса были липкими от просыпанного сахара и разлитого соуса. Паразиты выскакивали из-под палаточных занавесей и миглом скрывались в темных парковых зарослях, унося лакомые кусочки. Воришки хищно сновали в толпе, как рыбы среди водорослей. Вслед им неслись негодующие вопли и яростные ругательства.

Толпа представляла собой кольшущуюся массу из людей, водяных, кактов, хепри и других более редких рас: хотчи, страйдеров, долгощупов и даже тех, чьего названия Айзек не знал.

В нескольких ярдах от ярмарки трава и деревья казались во тьме совершенно черными. На кустах и ветвях бахромой развевались рваные и спутанные бумажные ленты, которые трепал ветер. Парк крест-накрест пересекали дорожки, ведущие к озерам, цветочным клумбам, нестриженным массивам буйной растительности и старым монастырским руинам, раскинувшимся среди гигантских общинных просторов.

Лин, Корнфед, Айзек, Дерхан и все остальные не спеша прогуливались вдоль утыканных крепезными болтами и безвкусно размалеванных стальных плит ограды, вдоль шипящих фонарей. Из вагончиков, которые раскачивались у них над головами на хлипких с виду цепях, неслись радостные визги. Сотни разнообразных привязчиво-веселых мелодий доносились из сотен органчиков, создавая вокруг бесконечную какофонию, которая прилиwała и отлиwała волнами.

Алекс жевала медовые орешки, Белладжин – вяленое мясо, Растущий Стебель – водянистую мульчу, которая так нравится кактам. Они кидались друг в друга едой, пытаясь поймать ее ртом.

В парке было полно играющих, которые набрасывали кольца на столбики, стреляли из детских луков по мишеням или пытались угадать, под каким из наперстков спрятана монетка. Дети вскрикивали от радости и плакали от огорчения. Проститутки всех рас, полов и обличий с наигранным томлением скользили между палатками или стояли у лотков с напитками, подмигивая прохожим.

По мере того как они приближались к центру ярмарки, их компания постепенно рассеивалась. Они остановились на минуту – Корнфед продемонстрировал свое искусство стрельбы из лука. Он с гордостью раздарил выигранных кукол: одну – Алекс, а другую – молодой красивой шлюшке, которая аплодировала его победе. Затем они втроем, держась за руки, скрылись в толпе. Таррик оказался знатоком игры в рыбалку, вытащив трех живых крабов из огромной бурлящей лохани. Белладжин и Спинт решили погадать на будущее по картам, и оба вскрикнули от ужаса, когда усталая гадалка выложила подряд «Змею» и «Старика». Тогда они пожелали узнать мнение пучеглазой гадательницы по жукам-скарабеем. Она театрально уставилась на узоры, причудливо переливающиеся на панцирях ее подопечных, которые, неуклюже переваливаясь, ползали среди древесных опилок.

Айзек вместе с остальными оставили Белладжина и Спинта позади.

Сократившаяся компания свернула за угол у Колеса Фортуны, и взорам открылась отгороженная грубым забором часть парка. Внутри нее растянулся ряд небольших палаток, который, изгибаясь, скрывался где-то вдаль. Над воротами красовалась неровно намалеванная надпись – «ЦИРК УРОДЦЕВ».

– Вот что, – подчеркнуто сказал Айзек, – я должен на это взглянуть...

– Зак, ты хочешь измерить глубину человеческого убожества? – спросила молодая натурщица, имени которой Айзек не помнил.

Другие также были несколько удивлены выбором Айзека.

– Это исследование, – важно ответил Айзек. – Исследование. Кто хочет пойти со мной? Дерхан? Лин?

Остальные поняли намек и удалились, кто небрежно махнув рукой, а кто раздраженно хмыкнув. Прежде чем все они пропали из виду, Лин быстро сказала жестами Айзеку:

«Мне неинтересно. Терапология – скорее твой конек. Встретимся на выходе через два часа?»

Айзек коротко кивнул и пожал ей руку. Она жестами попрощалась с Дерхан и побежала догонять художника-звукописца, чье имя Айзек никак не мог запомнить.

Дерхан и Айзек посмотрели друг на друга.

– ...И их осталось двое, – пропела Дерхан из детской считалки о выводке котят, которые гротескным образом умерли один за другим.

На входе в «Цирк уродцев» взималась дополнительная плата, и Айзек раскошелился. Хотя паноптикум явно не пустовал, здесь все же было гораздо свободнее, чем в главной части ярмарки.

Шоу уродцев вызывало у простого народа извращенное любопытство, а у господ – лицемерие.

Зазывалы надсадно кричали, прося собравшихся прижаться поближе друг к другу и приготовиться увидеть такое, чего не должны видеть глаза смертных.

Айзек и Дерхан слегка отстали, пропуская вперед группу, а затем последовали за ними. Айзек заметил, что Дерхан уже держит наготове блокнот и ручку.

Церемониймейстер в шляпе-котелке подошел к первой палатке.

– Дамы и господа, – громко и сипло зашептал он, – за этим пологом скрывается самое удивительное существо, которое когда-либо видел смертный человек. Впервые чудовище было описано пятнадцать веков назад в путевых заметках Либинтоса Мудрого, когда оно нагоняло страх на весь тогдашний старый Кробюзон. Во время своих путешествий на юг, к горящим пустыням, Либинтос повидал множество удивительных и ужасных тварей. Но нет ничего ужаснее, чем... мафадет!

Айзек скривил губы в сардонической улыбке. Но даже он не смог сдержать удивленного возгласа.

«Неужто они и впрямь раздобыли настоящего мафадета?» – подумал он, когда церемониймейстер отдернул занавесь небольшого шатра. Он подался вперед, чтобы лучше видеть.

Раздался еще один, более громкий общий вздох, и люди из передних рядов бросились назад, а другие, толкаясь, спешили занять их место.

За толстой черной решеткой, прикованный тяжелыми цепями, находился удивительный зверь. Он лежал на полу. Его огромное серовато-коричневое тело было похоже на тулово могучего льва. Меж его плеч в обрамлении густой шерсти торчала гигантская змеиная голова, шире человеческой ляжки. Ее чешуя переливалась тусклым красноватым цветом. Замысловатый узор извивами поднимался вдоль изогнутой шеи, которая ромбовидно расширялась на сгибе, переходя в змеиную голову.

Голова мафадета покоилась на земле. Его огромный раздвоенный язык быстро высовывался и убирался обратно. Глаза мерцали, как черный янтарь.

Айзек схватился за Дерхан.

– Черт, это же настоящий мафадет! – в изумлении просипел он.

Дерхан кивнула, вытаращив глаза.

Толпа подалась назад от клетки. Церемониймейстер схватил усаженную шипами палку и, просунув ее между прутьями, стал тыкать ею в исполинского обитателя пустынь. Животное издало глухое рокочущее шипение и начало отбиваться от своего мучителя массивной передней лапой. Шея беспомощно извивалась, голова моталась в разные стороны.

Из рядов зрителей послышались негромкие возгласы. Толпа стала напирать на невысокий барьер перед клеткой.

– Назад, дамы-господа, назад, прошу вас! – театрально-напыщенно завывал хозяин цирка. – Вы подвергаетесь смертельной опасности! Не раздражайте зверя!

Мафадет снова зашипел, по-прежнему страдая от ударов палки. Он пытался уклониться, прижимаясь к полу; он пятился от ужасного острия.

Страх Айзека быстро улетучился.

Измученное животное корчилось в трусливой агонии, прижатое к задней стене клетки. Его облезлый хвост стегал по вонючему остову козла, очевидно, послужившего ему пищей. Шкура мафадета была в пятнах от нечистот, перемешанных с кровью, которая обильно сочилась из многочисленных ран и порезов. Его распростертое туловище слегка вздрагивало, когда змеиную голову приподнимали мощные мускулы шеи.

Мафадет зашипел, а толпа зашипела в ответ; он разжал страшные челюсти, пытаясь обнажить зубы.

Лицо Айзека исказилось.

Там, где должны были сверкнуть свирепые футовые клыки, из десен животного торчали жалкие обломки. Наверное, зубы выбили, догадался Айзек, из страха перед его смертельной ядовитой хваткой.

Он неотрывно смотрел на истерзанного монстра, шлепавшего по воздуху черным языком. Мафадет снова опустил голову на пол.

– Чертова задница! – с сожалением и отвращением прошептал Айзек. – Никогда не думал, что посочувствую подобному существу.

– Можно себе представить, в каком состоянии мы увидим гаруду, – ответила Дерхан.

Зазывала спешно задернул занавес над несчастным животным. После этого он рассказал толпе историю о том, как Либинтоса пытали ядом, когда он попался в лапы Мафадетского короля.

«Бабушкины сказки, лицемерие и показуха», – с презрением подумал Айзек.

Ему стало понятно, отчего толпе дали увидеть лишь кусочек, позволили смотреть лишь минуту или даже меньше.

«Вряд ли кто-то успел сообразить, что зверь умирает», – размышлял он.

Айзек невольно вообразил себе, каким же должен быть здоровый мафадет. Он представил неслышную поступь этого огромного коричневатого-желтого зверя, пробирающегося сквозь горячий сухой кустарник; молниеносный удар его ядовитых клыков.

И кружащего над ним гаруду со сверкающим клинком.

Толпа покорно направилась к следующей клетке. Айзек больше не слушал завывания проводника. Он смотрел, как Дерхан что-то быстро записывает в блокнот.

– Это для «Бэ-бэ»? – шепотом спросил у нее Айзек.

Дерхан быстро огляделась.

– Может быть. Смотря по тому, что мы увидим дальше.

– То, что мы увидим дальше, – в ярости зашипел Айзек, увлекая за собой Дерхан, уже заметив следующий экспонат, – это человеческая порочность в чистом виде! Черт возьми, я в полном отчаянии, Дерхан!

Он остановился на небольшом отдалении от зевак, которые глазели на ребенка, родившегося без глаз, – хрупкую, костлявую девочку, которая выкрикивала что-то бессвязное, поворачивая голову навстречу гомону толпы. «ОНА МОЖЕТ ВИДЕТЬ ВНУТРЕННИМ ЗРЕНИЕМ!» – гласила табличка над ее головой. Кто-то из стоящих перед клеткой смеялся и покрикивал на девочку.

– Черт возьми, Дерхан... – Айзек покачал головой. – Посмотри, как они издеваются над несчастным созданием...

Не успел он это сказать, как одна пара с отвращением на лицах отошла от демонстрируемого ребенка, плюнув в сторону женщины, которая громче всех смеялась.

– Они меняются, Айзек, – спокойно сказала Дерхан. – Быстро меняются.

Провожатый вышагивал между рядами невысоких палаток, выборочно останавливаясь то тут, то там, чтобы продемонстрировать страшных чудовищ. Толпа понемногу рассасывалась. Люди небольшими кучками беспорядочно расходились. У некоторых палаток их останавливали служители, ожидавшие, пока соберется достаточное количество народу, чтобы поднять завесы над сокрытыми за ними экспонатами. В некоторые же из палаток можно было зайти прямо внутрь, и тогда из-под грязной парусины доносились крики удовольствия, изумления и отвращения.

Дерхан и Айзек забрели внутрь длинной ограды. Над входом висела табличка, написанная шегольским, изящным почерком: «БЛЕСТЯЩАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЧУДЕС! ВЫ НЕ ПОБОИТЕСЬ ВОЙТИ В МУЗЕЙ НЕРАСКРЫТЫХ ТАЙН?»

– Ну что, не побоимся, а, Дерхан? – проворчал Айзек, когда они вошли в теплую и пыльную мглу.

Глаза постепенно стали привыкать к свету, который лился из угла этой импровизированной комнаты. Хлопчатая палатка была наполнена витринами из металла и стекла, которые тянулись вдоль стен. В нишах горели свечи и газовые рожки, свет которых, пропущенный через линзы, эффектно пятнами освещал странные экспонаты. Переходя зигзагами от одного к другому, зрители перешептывались и нервно посмеивались.

Айзек и Дерхан медленно прохаживались между сосудами, наполненными желтоватым спиртом, в котором плавали разрозненные части тел. Двухголовые зародыши и фрагменты лап морских чудовищ. Сверкающий багровый зуб, который с одинаковым успехом мог быть клешней какого-нибудь паука-ткача или же полированной болванкой, выточенной из дерева; глаза, которые судорожно моргали и жили в колбах с газированной жидкостью; замысловатые крохотные узоры на спинках божьих коровок, видимые лишь через увеличительное стекло; человеческий череп, бегающий на шести насекомоподобных медных ножках. Крысиный выводок со спутанными хвостами, которыми они по очереди корябали всякие непристойности на маленькой черной доске. Книга, сделанная из спрессованных перьев. Зуб драда и рог нарвала.

Дерхан делала какие-то пометки в блокноте. Айзек жадно разглядывал окружавшие его примеры шарлатанства и тайных наук.

Наконец они вышли из музея. Справа от них оказалась Англерины, Королева Морских Глубин; слева – Старейший Человек-Кактус в Бас-Лаге.

– Что-то мне уже скучновато, – сказала Дерхан.

Айзек согласился.

– Давай быстренько найдем человека-птицу, Владыку Дикой Пустыни, и свалим отсюда. Я куплю тебе карамельной ваты.

Они начали лавировать между рядами уродов, толстяков, волосатых и карликов. Вдруг Айзек указал на табличку, висящую прямо над их головами.

«КОРОЛЬ ГАРУДА! ВЛАСТИТЕЛЬ НЕБЕС!»

Дерхан раздвинула тяжелый занавес. Они с Айзеком обменялись взглядами и вошли внутрь.

– А! Жители этого странного города! Проходите, садитесь, послушайте истории суровой пустыни! Побудьте немного со странником из далекого далека! – донесся из темноты ворчливый голос.

Айзек, прищурившись, взгляделся сквозь решетку. В темной глубине палатки неясно виднелась болезненно скрючившаяся фигура.

– Я, вождь моего народа, прибыл посмотреть Нью-Кробюзон, о котором мы столь слышаны.

Голос был визгливым, резким, однако в нем не было решительно ничего похожего на те странные звуки, которые вырывались из гортани Ягарека. Говорящий выступил из темноты. Айзек распахнул глаза и открыл рот, чтобы издать победно-изумленный рев, но крик этот умер, едва зародившись, перейдя в придушенный ужасом вздох.

Существо, стоявшее перед Айзеком и Дерхан, вздрогнуло и почесало живот. Плоть тяжело свисала складками, словно у зажившего школяра. Кожа была бледной и рябой от болезней и холода. Айзек в смятении окинул глазами фигуру. Странные тканевые наросты виднелись на пальцах ног – когти были вырваны. Голова покрыта перьями разной длины и формы, беспорядочно торчавшими от макушки до затылка толстым, неровным, клочковатым слоем. Глаза, близоруко уставившиеся на Айзека и Дерхан, были человеческими, над ними с трудом приподнимались веки, покрытые коростой и гноем. Большой клюв был весь в пятнах, словно старая оловянная ложка.

За спиной у несчастного создания висела пара засаленных, омерзительно воняющих крыльев. Длина их от корня до кончиков никак не превышала шести футов. Айзек наблюдал, как они, полураскрывшись, судорожно вздрагивали. От этой дрожи с них по капле стекала гадкая органическая слизь.

Существо открыло клюв, и внутри его Айзек успел разглядеть губы, которые произносили слова; а над губами – ноздри. Айзек догадался, что клюв – это лишь грубо сработанная фальшивка, которую, словно противогаз, наклеили на нос и рот.

– Позвольте рассказать о временах, когда я парил в вышине, высматривая добычу... – начал было несчастный, но Айзек шагнул вперед и, подняв руку, прервал его.

– Ради бога, хватит! – выкрикнул он. – Избавь нас от этого... недоразумения...

Фальшивый гаруда отшатнулся, заморгал от страха.

Наступило долгое молчание.

– Что такое, папаша? – наконец приглушенно заговорило существо за решеткой. – Что я сделал не так?

– Я пришел сюда, чтобы посмотреть на гаруду, черт возьми, – проворчал Айзек. – За кого ты меня принимаешь? Ты же переделанный, приятель... это ясно каждому дураку.

Огромный мертвый клюв захлопнулся, когда человек облизнул пересохшие губы. Взгляд нервно метался во все стороны.

– Ради всего святого, господин, – умоляюще зашептал он. – Не ходите на меня жаловаться. Это все, что у меня есть. Вы же образованный джентльмен... Я больше всех похож на гаруду... Народу же только и надо, что послушать про охоту в пустыне да поглазеть на крылатого человека, а я этим живу.

– Плюнь на него, Айзек, – шепнула Дерхан. – Не кипятись.

Айзека постигло сокрушительное разочарование. В уме он уже приготовил целый список вопросов. Он точно знал, каким образом станет изучать крылья, с каким мускульно-костным взаимодействием постарается разобраться прежде всего. Он уже приготовился заплатить немалую сумму за свои исследования, он собирался пригласить гаруду, чтобы расспросить его о цимекской библиотеке. И теперь он был в отчаянии – перед ним оказалось всего лишь запуганное, больное человеческое существо, которое повторяло слова пьесы, не достойной даже самого убогого театра.

Он посмотрел на несчастную фигуру, стоявшую перед ним, и гнев смягчился жалостью. Облаченный в перья человек то и дело нервно сжимал правой рукой левое предплечье. Чтобы дышать, ему приходилось открывать нелепый клюв.

– Черт! – тихо выругался Айзек.

Дерхан подошла к решетке.

– Чем ты раньше занимался? – спросила она.

Прежде чем ответить, человек снова боязливо оглянулся.

– Воровал, – ответил он. – Поймали меня, когда пытался умыкнуть старую картину с гарудой в одной говенной дыре, там, в Шнуме. Она целое состояние стоила. Магистр сказал, раз меня так привлекают гаруды, значит, я мог бы стать... – на миг у него перехватило дыхание, – я мог бы стать одним из них.

Айзек видел, что перья были грубо воткнуты в кожу. Он представил себе, как их мучительно вживляли одно за другим – и теперь удалить их без жутких страданий невозможно. Когда переделанный повернулся к Дерхан, Айзек смог разглядеть уродливый нарост загрубелой ткани на его спине, в том месте, где крылья, оторванные от канюка или грифа, были припаяны к человеческим мускулам.

Нервные окончания были связаны между собой беспорядочно и бесцельно, поэтому крылья могли лишь спазматически вздрагивать, словно в затяжной смертельной агонии. Айзек сморщил нос от зловония. Крылья на спине переделанного медленно подгнивали.

– Больно? – спросила Дерхан.

– Теперь уже не очень, госпожа, – ответил переделанный. – Во всяком случае, мне повезло – у меня есть это. – Он указал на палатку и решетку. – Это меня кормит. Вот почему я буду более чем обязан, если вы не скажете моему хозяину, что раскусили меня.

«Неужели те, кто сюда приходят, верят в эту отвратительную ерунду? – думал Айзек. – Неужели люди настолько наивны, чтобы поверить в то, что такое нелепое существо способно летать?»

– Мы никому ничего не скажем, – заверила Дерхан.

Айзек быстро кивнул. Его переполняли жалость, гнев и отвращение. Хотелось поскорее уйти.

За спинами шелохнулся занавес, и в палатку вошла компания молодых женщин, которые смеялись и отпускали непристойные шуточки. Переделанный взглянул через плечо Айзека.

– А! – громко воскликнул он. – Жители этого странного города! Проходите, садитесь, послушайте истории суровой пустыни! Побудьте немного со странником из далекого далека!

Он отодвинулся от Айзека и Дерхан, бросая на них при этом умоляющие взгляды. Со стороны новых зрителей послышались удивленно-радостные возгласы.

– Полетай для нас! – выкрикнула одна.

– Увы, – услышали Айзек и Дерхан, покидая палатку, – климат в вашем городе слишком суров для моей расы. Я подхватил простуду и временно утратил способность летать. Но подождите, я расскажу вам, как выглядит земля с высоты безоблачных цимекских небес...

Занавес палатки опустился. И больше ничего не было слышно.

Айзек смотрел, как Дерхан быстро пишет в своем блокноте.

– Что ты собираешься из этого сделать? – спросил он.

– «Магистр пыток обрекает переделанного жить экспонатом в зоопарке». Я не буду называть имена, – ответила она, не отрываясь от работы.

Айзек кивнул.

– Давай, – прошептал он. – А я пока куплю карамельной ваты.

– Блин, как мне теперь хреново, – устало проговорил Айзек. Он откусил от приторно-сладкого пучка ваты, который держал в руке. Клочки сахарных волокон прилипли к щетине на его подбородке.

– Да, но отчего хреново: оттого, что с этим человеком такое сотворили, или оттого, что ты так и не увидел гаруду? – спросила Дерхан.

Они вышли за пределы цирка уродцев. Проходя мимо цветастых ярмарочных павильонов, оба напряженно жевали. Айзек задумался. Вопрос застал его врасплох.

– Ну, думаю... наверное, оттого, что я так и не увидел гаруду... Хотя, – осторожно добавил он, – мне бы не было настолько хреново, если бы тот парень оказался просто жуликом, переодетым в костюм гаруды. Больше всего меня достает, что это так унижительно...

Дерхан задумчиво кивнула.

– Знаешь, можно ведь просто посмотреть вокруг, – сказала она. – Здесь где-нибудь наверняка прогуливается один или двое городских гаруд.

Она посмотрела вверх, но ничего не увидела. Из-за разноцветных огней даже звезды и то едва виднелись.

– Не сейчас, – сказал Айзек. – Нет настроения.

Наступило долгое дружеское молчание, после чего он снова заговорил:

– Ты действительно хочешь написать об этом цирке в «Буйном бродяге»?

Дерхан пожала плечами и быстро огляделась, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

– С этими переделанными не так-то все просто, – сказала она. – Их презирают, к ним относятся предвзято. Не то чтобы люди не знали, в каких ужасающих условиях живут переделанные... Просто очень многие в глубине души считают, что те заслужили такую участь. Хотя и жалеют бедолаг или же думают, что такова воля Божья. Ах, черт возьми! – встряхнула она вдруг головой.

Что?

– На днях я была в суде и видела, как Магистр приговорил к переделке одну женщину. За такое отвратительное, подлое преступление... – Она поморщилась при воспоминании. – Эта женщина, которая жила на вершине одного из монолитных небоскребов Корабельной пустоши, убила своего ребенка... задушила, или затрясла насмерть, или черт его знает что с ним сотворила... потому что он никак не переставал плакать. И вот она сидит на скамье подсудимых, а в глазах... ну совершенная, полнейшая пустота... Она просто не может поверить в то, что произошло, и все стонет, зовет своего ребенка, а Магистр зачитывает приговор. Само собой, тюрьма, десять лет, кажется, но главное я запомнила – переделка... Ручки ее ребенка будут пересажены ей на лицо. Чтобы никогда не забывала о том, что сделала, сказал он. – Подражая Магистру, Дерхан заговорила ледяным голосом.

Некоторое время они шли молча, старательно жуя карамельную вату.

– Я же критик-искусствовед, Айзек, – наконец проговорила Дерхан. – А переделка – это искусство, сам знаешь. Страшное искусство. Но сколько оно требует воображения! Я видела переделанных, сгибающихся под тяжестью огромных железных спиралевидных раковин, внутрь которых они забираются на ночь. Женщины-улитки. Я видела, как они, с огромными кальмаровыми щупальцами вместо рук, стоят в речной грязи, погрузив свои присоски в воду, пытаясь выловить там рыбу. А как насчет тех, кого сделали специально для гладиаторских боев!.. Вряд ли им такая жизнь по душе... Переделка была творчеством, но это твор-

чество зашло в тупик. Оно прогнило. Протухло. Помнится, однажды ты спросил, трудно ли одновременно писать искусствоведческие статьи для благонадежной прессы и крамольные статьи для «Бэ-бэ». – Она повернулась и посмотрела на него, пока они шагали меж ярмарочных лотков. – Это одно и то же, Айзек. Искусство – это то, чем тебе хочется заниматься... это процесс собирания воедино всего, что есть вокруг тебя, и создания чего-то такого, что делает тебя более человеком или более хепри, неважно. Личностью. Даже в переделке еще осталась крупница искусства. Вот почему те же люди, которые относятся к переделанным с презрением, в то же время жутко боятся Джека-Полмолитвы, независимо от того, существует он или нет. Я не хочу жить в городе, где переделка возводится в ранг высшего искусства.

Айзек нащупал в кармане номер «Буйного бродяги». Опасно хранить у себя даже единственный экземпляр. Он погладил газету, мысленно показывая нос на северо-восток – парламенту, мэру Бентаму Рудгуттеру и всем партиям, которые ведут бесконечные склоки. Партия Жирного Солнца и Три Пера; Иная Тенденция, которую Лин называла «спекулянтской нечистью»; лжецы и соблазнитель из партии «Наконец мы прозрели» – целая стая высокопарных драчунов, похожих на шестилеток в песочнице, которых наделили всеми властными полномочиями.

В конце дорожки, усыпанной конфетными обертками, постерами, билетиками, раскрытыми обедками, поломанными куклами и лопнувшими воздушными шариками, стояла Лин, опираясь о входные ворота ярмарки. Увидев ее, Айзек невольно заулыбался. Лин выпрямилась и помахала им рукой. Затем не спеша двинулась в их сторону.

Айзек увидел, что в ее жвалах зажато засахаренное яблоко. Нижняя челюсть смачно перетирала пищу.

«Как тебе гаруда, золотце?» – жестами спросила она.

– Стопроцентный, чудовищный провал, – печально буркнул Айзек. – Сейчас все расскажу.

Когда они повернулись спиной к ярмарке, он даже осмелился ненадолго задержать ее руку в своей.

Три маленькие фигурки растворились в плохо освещенных улицах Собек-Круса, где свет газовых фонарей был тускл и неровен, если вообще был. За спиной они оставили безумный вихрь разноцветья, металла, стекла, сахара и пота, который продолжал загрязнять небо своим шумом и светом.

Глава 9

Над городом, в тенистых аллеях Эховой трясины и лачугах Худой стороны, в сплетениях захламленных каналов, в Дымной излуине и в поблекших особняках Барачного села, в башнях Варской поймы и среди грозных бетонных зарослей Собачьего болота пронесся шепотный слух: кто-то скупает крылатых существ.

Лемюэль, как бог, вдохнул жизнь в идею, заставив ее облететь весь свет. Мелкие воришки прослышали от торговцев наркотиками, уличные лоточники разболтали обнищавшим господам, доктора с сомнительной репутацией узнали от вышибал на полставки.

Просьба Айзека облетела трущобы и ночлежки. Она проникла во временные бараки, выстроенные на самом дне человеческого общества.

Там, где прогнившие хижины возвышались над грязными задворками, деревянные тротуары, казалось, росли сами по себе, связывая постройки друг с другом, пролегая по улицам, которыми изможденные вьючные животные везли клетки с третьесортным товаром. Над сточными канавами, словно расщепленные ветки, торчали мосты. Послание Айзека прошло тропами бездомных котов сквозь хаотичные сплетения городских силуэтов.

Городские любители приключений небольшими группками потянулись на поездах Сточной линии на юг, до станции Холм, чтобы затем углубиться в дикие чащобы Строевого леса. Они до изнеможения шагали по заброшенным железнодорожным колеям, переступая со шпалы на шпалу, проходя мимо пустынных безвестных полустанков, затерянных где-то в лесах. Платформы не смогли противостоять живому напору зелени. Колеи густо поросли одуванчиками, наперстянками, диким шиповником, которые дерзко пробивались сквозь гравий железнодорожной насыпи, то тут, то там вздымая и искривляя рельсы. Буреломы и непролазные заросли баньянов и елей незаметно подступали к испуганным непрошеным гостям, окружая, пока те не оказывались в ловушке из пышной растительности.

Они приходили с мешками, рогатками и огромными сетями. Они протискивали свои неуклюжие городские тела сквозь переплетения корней и густые древесные сумерки, вскрикивая, спотыкаясь и ломая ветки. Они пытались определить, откуда доносится пение птиц, что было совсем непросто, так как оно слышалось со всех сторон. Они тщились проводить бесполезные аналогии между городом и этим чужеродным царством. «Если ты способен не потеряться в Собачьем болоте, – глупо заблуждаясь, говорил, наверное, кто-нибудь из них, – то нигде не потеряешься». Возможно, они вертели головами, тщетно пытаясь отыскать глазами милицейскую башню на холме Водуа, которая была скрыта за деревьями.

Некоторые так и не вернулись.

Другие возвращались все в порезах, расчесанных до крови комариных укусах, голодные и с пустыми руками. С таким же успехом можно охотиться за призраками.

Иногда им улыбалась удача, и какой-нибудь обезумевший соловей или лесной зяблик, завернутый в грубый платок, задыхался под радостные крики надувшихся от гордости горлопанов. Шершни, которых люди пытались рассадить по банкам и горшкам, впивались жалами в своих мучителей. Если крылатым пленникам везло, тюремщики не забывали просверлить в крышке несколько отверстий для воздуха.

Многие птицы и еще больше насекомых умирали. Некоторые выживали, чтобы оказаться в мрачном городе, начинающемся сразу за деревьями.

В самом же городе дети залезали на стены, вытаскивая яйца из гнезд, устроенных среди прогнивших водосточных труб. Гусеницы, личинки и коконы, которых раньше собирали в спичечные коробки, чтобы обменять на кусок бечевки или шоколадку, вдруг приобрели цену в деньгах.

Бывали и несчастные случаи. Какая-то девочка, погнавшаяся за соседским голубем-почтарем, упала с крыши и раскроила себе череп. Старик, копавшийся в поисках личинок, был насмерть зажален пчелами.

Редких птиц и других летающих тварей выкрадывали. Некоторые из них убежали. Новые хищники и будущие жертвы ненадолго влились в небесную экосистему Нью-Кробюзона.

Лемюэль хорошо знал свое дело. Кто-нибудь другой прошелся бы лишь по низам; только не он. Он сделал все, чтобы о желании Айзека узнали все окраины: Гидд, пойма Ржавчины, Мафатон, Ближние стоки, Ладмид и Ворон.

Врачи и чиновники, адвокаты и советники, лендлорды и праздные мужчины и женщины, даже милиция – Лемюэль частенько имел дело (обычно не напрямую) с почтенными гражданами Нью-Кробюзона. Главное различие между ними и самыми отчаявшимися жителями города состояло, как он знал по опыту, в размерах интересовавших их денежных сумм и вероятности быть пойманными.

В кабинетах и гостиных звучали осторожные заинтересованные шепотки.

В самом сердце парламента шли споры по поводу размеров налоговых пошлин с предпринимателей. Мэр Рудгуттер чинно восседал на своем троне и кивал, в то время как его помощник Монтджон Рескью гнул линию партии Жирного Солнца, агрессивно тыкая пальцем в собравшихся под сводами огромного зала. Время от времени Рескью замолкал, чтобы поправить толстый шарф, несмотря на теплую погоду, накрученный на его шею.

Советники тихо дремали в облаках пыли.

Повсюду в огромном здании по запутанным коридорам, которые были, казалось, специально построены так, чтобы сбить человека с толку, сновали друг мимо друга одетые в костюмы секретари и курьеры. От главных артерий во все стороны ответвлялись небольшие туннели и полированные мраморные лестницы. Многие из них не были освещены, и никто по ним не ходил. По одному из таких проходов некий старик катил ветхую тачку.

Постепенно удаляясь от суматошного гомона главного вестибюля парламента, он волок тачку за собой, карабкаясь по крутым ступеням. Тачка едва вмещалась в узкий коридор: долгие пять минут он возился, прежде чем добраться до верхней площадки. Там он остановился, отер пот со лба и губ, а затем продолжил свой многотрудный путь вверх по наклонному коридору.

Впереди забрезжило: солнечные лучи тянулись из-за угла коридора. Старик свернул за угол, и теплый свет ударил ему прямо в лицо. Этот свет хлынул с застекленной крыши и из окон находящегося в конце коридора кабинета без дверей.

– Доброе утро, сударь, – слыло проговорил старик, подойдя ко входу.

– И тебе привет, – ответил сидящий за столом.

Это был небольшой квадратный кабинет с узкими окнами; за дымчатыми стеклами виднелись холмы Грисской пади и арочные мосты Южной железнодорожной линии. В одной из стен находилась маленькая раздвижная дверь. В углу лежала груда беспорядочно наваленных ящиков.

Эта маленькая комната была одним из тех помещений, что выступали за фасад главного здания, нависая высоко над городской округой. В пятидесяти футах под нею вздымались волны Большого Вара.

Рассыльный выгрузил из тачки пакеты и коробки на пол перед сидящим за столом бледным джентльменом среднего возраста.

– Сегодня не очень много, сударь, – негромко сказал он, растирая затекшие косточки. А затем он тихо удалился, таща за собой легко подпрыгивающую тачку.

Чиновник скрупулезно осмотрел свертки и что-то быстро отстукал на своей пишущей машинке. Он занес какие-то данные в огромный гроссбух с пометой «ВХОДЯЩИЕ», пролистывая страницы между разделителями и ставя перед каждым артикулом дату. Он вскрыл

посылки и сделал записи об их содержимом в машинописный ежедневный реестр и в толстую книгу.

«Репорты милиции: 17. Человеческие суставы: 3. Гелиотипы (обвинительные улики): 5».

Он проверил, для какого из департаментов предназначалась каждая из посылок, и разложил их на стопки. Когда одна из стопок стала достаточно большой, он переместил ее в ящик и подтащил его к дверце в стене. Дверца эта была квадратной, размером четыре на четыре фута; из ее щелей со свистом просачивался ветер. Чиновник потянул за какой-то рычаг, и дверца открылась, повинувшись действию некоего скрытого механизма. Рядом с дверцей располагалась небольшая щель для перфокарт.

За дверцей, под обсидиановой кожей парламента, раскачивалась проволочная клетка, одна сторона которой открывалась прямо в дверной проем. Она была подвешена со всех четырех сторон к цепям, слегка покачивавшимся и гремевшим, уходя в клубящуюся темноту, которая без единого лучика света простиралась во все стороны, насколько хватало глаз. Чиновник вытащил ящик в проем и задвинул его в глубину клетки, которая слегка просела под его тяжестью.

Клерк опустил дверцу клетки, и та захлопнулась с резким стуком, так что ящик со всем его содержимым оказался со всех сторон окружен проволочной решеткой. После этого человек задвинул створку двери и, порывшись в кармане, достал несколько толстых перфокарт, каждая из которых была отчетливо помечена: «Милиция», «Разведка», «Казначейство» и так далее. Клерк вставил нужную карту в щель возле двери.

Раздалось жужжание. Миниатюрные чувствительные поршни среагировали на давление. Приводимые в движение паром, нагнетаемым из расположенных внизу огромных котлов, крохотные шипы начали вращаться вдоль перфокарты. Подпружиненный зубчик то и дело на миг попадал в отверстие, проделанное в толстом картоне, и по всему механизму передавалась информация об этом событии. После того как колесики завершали свой короткий пробег, комбинация из переключений «да/нет» переводилась в двоичные команды, которые под действием энергии пара и воздушной тяги устремлялись по трубкам и проводам к скрытым аналитическим машинам.

Клетка рывком оторвалась от державших ее креплений и, раскачиваясь, начала стремительно передвигаться под кожей парламента. В течение двух с лишним минут она путешествовала по скрытым туннелям, то спускаясь, то поднимаясь, то двигаясь горизонтально, то наискось, меняя направления, рывками переходя с одних цепей на другие, пока наконец не прибыла на место назначения, ударившись при этом о колокол, дабы известить о себе. Перед ней открылась другая раздвижная дверца, и получатель вытащил из нее ящик. А где-то далеко за стеной кабинета чиновника уже раскачивалась новая клетка.

Клерк из отдела «Входящих» работал быстро. За пятнадцать минут он зарегистрировал и отправил все вещи, которые лежали перед ним. И тут он увидел, что один из немногочисленных оставшихся свертков странно вибрирует. Чиновник перестал писать и ткнул в него пальцем.

Украшавшие пакет штемпели говорили о том, что он прибыл с какого-то торгового судна; название было написано неразборчиво. Имя получателя было четко выведено печатными буквами на лицевой стороне посылки: «Д-р М. Барбайл, Департамент исследований и развития». Клерк услышал, как внутри что-то скребется. Мгновение поколебавшись, он осторожно развязал бечевку и заглянул внутрь свертка.

Там, обложенные нарезанной бумагой, лежали жирные личинки, каждая толще большого пальца.

Чиновник отпрянул, широко распахнув скрытые за очками глаза. Личинки обладали удивительной окраской: темно-красные с зеленым, переливающиеся, словно павлиньи перья. Они пытались выбраться наружу, извивались, стараясь удержаться на неуклюжих клейких лапках. Над миниатюрными челюстями из головы торчали толстые усики. Задняя часть туловища была

покрыта разноцветными шерстинками, которые сверкали, будто обмазанные тонким слоем клея.

Хоть и поздно, но клерк заметил истрепанную накладную, пришпиленную к задней стенке коробки, здорово помятой при пересылке. Каждую посылку, сопровождаемую накладной, он должен был зарегистрировать так, как она значилась в списке, и переслать дальше, не вскрывая.

«Черт!» – обеспокоенно подумал он, расправляя рваные половинки накладной. Оказалось, ее еще можно было прочесть.

«Гусеницы М., 5 шт.». И больше ничего.

Клерк откинулся на спинку кресла и некоторое время размышлял, глядя, как маленькие волосатые твари копошатся в бумаге, в которую они были завернуты.

«Гусеницы? – подумал он, и на лице промелькнула беспокойная улыбка. – Редкие гусеницы... Какой-нибудь иноземный вид...»

Он вспомнил перешептывания, подмигивания и кивки в баре. Он слышал, что какой-то парень в местной пивной предлагал деньги за подобных тварей... Чем более редкие, тем лучше, говорил он.

Лицо чиновника внезапно исказилось от алчности и страха. Он занес руку над коробкой, в нерешительности отдернул ее и снова протянул вперед. Затем встал и на цыпочках прокрался к входной двери своего кабинета. Прислушался. Из начищенного до блеска коридора не доносилось ни звука.

Клерк вернулся за стол, лихорадочно подсчитывая риски и выгоды. Он внимательно осмотрел накладную. Штемпель на ней представлял собой неразборчивый гребешок, однако фактические сведения были написаны от руки. Не давая себе времени на размышления, чиновник стал рыться в ящичке стола, то и дело поглядывая на пустой дверной проем, и наконец вынул нож для резки бумаги и перо. Острым лезвием он соскреб верхнюю перекладинку и нижний завиток пятерки, стоявшей в накладной. Затем смахнул бумажно-чернильную пыль и осторожно разгладил шершавую бумагу мягким концом пера. После этого он перевернул перо и погрузил его остро очиненный кончик в чернильницу. Клерк тщательно выправил скругленную нижнюю часть цифры, превратив ее в перекрестье прямых линий.

Наконец все было готово. Он выпрямился в кресле и критически оглядел свое творение – цифру 4.

«Отличный куш», – подумал он.

Чиновник пошарил вокруг себя в поисках какой-нибудь емкости, вывернул карманы, почесал голову и задумался. Наконец лицо его просветлело, и он вытащил футляр для очков. Открыв его, выстлал дно нарезанной бумагой. После чего лицо сморщилось в тревожном отращении, и он, засучив рукав, запустил руку в коробку. Пальцами нащупал мягкую шкурку большой гусеницы. Осторожно и быстро, как только мог, вытащил извивающееся насекомое из груды собратьев и опустил в свой очечник. Мгновенно захлопнул крышку футляра и застегнул его.

Затем сунул его поглубже в портфель между ментоловыми конфетками, карандашами и блокнотами.

Чиновник снова завязал бечевку на коробке, после чего сел на место и стал ждать. Он слышал, как громко стучит его сердце. Он даже немного вспотел. Сделав глубокий вдох, он зажмурился.

«А теперь расслабься, – успокаивающе говорил он себе. – Успокойся, все кончилось».

Прошло две-три минуты; никто не пришел. Чиновник по-прежнему сидел в одиночестве. Его странная кража прошла незамеченной. Он вздохнул свободнее.

Наконец он еще раз взглянул на подделанную накладную. Подделка была, насколько он понимал, безупречной. Он открыл грессбух и занес в него: *«27 чета, года 1779 от Основания Города: С торгового судна Х. Гусеницы М., 4»*.

Последняя цифра, показалось ему, загорелась огнем, словно была написана красными чернилами.

Те же сведения он занес в свой ежедневный машинописный отчет, а затем взял посылку и пошел с ней к стене. Открыв раздвижные двери, он перегнулся через невысокий металлический порожек и затолкал коробку с личинками в приготовленную клетку. Из темной пустоты между кожей и чревом парламента на него дохнуло затхлым воздухом.

Клерк захлопнул клетку и закрыл за ней двери. Покопавшись в своих перфокартах, все еще немного дрожащими пальцами он извлек из пачки ту, на которой было написано «ДИР». После этого вставил ее в паз считывающего устройства.

Послышался негромкий скрежет – команды передавались через поршни, молоточки и шестеренки; а затем клетка с головокружительной быстротой понеслась вверх, прочь от кабинета чиновника, за пределы парламентских холмов, к скалистым вершинам.

Коробка с гусеницами раскачивалась, удаляясь во тьму. Не ведая, что совершают такое путешествие, личинки, перистальгически извиваясь, продолжали кружить в своей маленькой тюрьме.

Бесшумные механизмы перекидывали клетку с крюка на крюк, то меняя направление ее движения, то бросая на ржавые ленты конвейера, переправляя на другой конец парламентского кишечника. Коробка незримо кружила, постепенно и неуклонно продвигаясь вверх, к сверхсекретному Восточному крылу, по автоматизированным артериям к его органическим башенкам и выступам.

Наконец проволочная клетка с приглушенным звоном упала на пружинную подушку. Вибрация колокольчика постепенно затихла. Через минуту дверца шахты со стуком распахнулась, и коробку с личинками рывком вытащили на яркий свет.

В этой длинной белой комнате не было окон, только ярко пылающие газовые рожки. В ее стерильной чистоте была видна каждая трещинка на стене комнаты. Сюда не проникала никакая грязь, никакая пыль. Чистота здесь была тяжелой и агрессивной.

По всей комнате были рассредоточены одетые в белое люди, деловито выполнявшие какие-то непонятные задания.

Среди них присутствовали и женщины, одна из которых развязала бечевку на коробке и прочла накладную. Осторожно приоткрыв коробку, заглянула внутрь.

Затем подняла картонку и понесла на вытянутых руках через комнату. В дальнем конце зала ее коллега – стройный какт, шипы которого были аккуратно спрятаны под плотным белым рабочим комбинезоном, – открыл большую, прошитую болтами дверь, к которой направлялась женщина. Она показала свою карту секретного допуска, и он шагнул в сторону, пропуская ее вперед.

Они осторожно прошли по коридору, столь же белому и просторному, как и комната, из которой вышли; а в дальнем его конце виднелась большая металлическая решетка. Там кактус вставил перфокарту в прорезь, и планчатая шторка ворот плавно уехала в стену.

Они вошли в просторный темный зал.

Стены и потолок зала были достаточно далеки и оттого скрывались во тьме. Со всех сторон доносились глухие таинственные стоны и мычание. Когда глаза вошедших привыкли к темноте, из мрака огромного зала выступили неровные очертания ящиков, сделанных из темного дерева, железа или армированного стекла. Некоторые из них были просторными, размером с комнату; другие не больше книжного томика. Все они стояли на постаментах, словно витрины

в музее; возле них были развешаны диаграммы и разложены информационные буклеты. Одетые в белое ученые, подобно привидениям на развалинах замка, бродили по лабиринту меж стеклянных кубов, что-то записывая, наблюдая, успокаивая или, наоборот, раздражая обитателей клеток.

Пленные существа сопели, ворчали, пели и рассеянно бродили внутри своих мрачных застенков.

Какт резко прибавил шагу и скрылся из виду. Женщина, несшая гусеницы, осторожно пробиралась по залу.

Звери бросались на нее, когда она проходила мимо, и она содрогалась, как содрогались стекла. Кто-то, маслянисто извиваясь, закопошился в огромном чане с грязной жижей; она увидела, как зубастые щупальца взметнулись ей навстречу, царапая стенки резервуара. Ее вдруг охватили лучи гипнотического света, исходящего от живого существа. Она прошла мимо маленькой клетки, накрытой черным покрывалом, облепленным предупреждающими знаками и инструкциями, объясняющими, как следует обращаться с содержимым. Ее коллеги бродили вокруг, то приближаясь, то удаляясь, держа в руках папки с бумагами, цветные детские кубики и шматы гниющего мяса.

Впереди возвышалась двадцатифутовая черная деревянная перегородка, ограждавшая участок пола в сорок квадратных футов. К ней сверху был даже приделан потолок из рифленого железа. У входа в эту запертую на всякий замок комнату-в-комнате стоял страж в белом халате, подпирая рукой тяжелый причудливый шлем. В руке у него было кремневое ружье, на перевязи висела кривая сабля. У ног лежало еще несколько таких же шлемов.

Женщина кивнула охраннику, выразив тем самым намерение войти. Он посмотрел на висящее у нее на шее удостоверение личности и негромко спросил:

– Вы знаете, что нужно делать, когда войдете?

Она кивнула и осторожно поставила на некоторое время коробку на пол, предварительно проверив, не развязалась ли бечевка. Затем взяла один из шлемов, что лежали у ног охранника, и надела этот громоздкий предмет себе на голову.

Шлем представлял собой клетку из медных трубок и болтов; перед каждым глазом на расстоянии примерно полтора фута было подвешено зеркальце. Она подтянула ремешок на подбородке, чтобы тяжелая штукovina не сваливалась, а затем, повернувшись спиной к охраннику, настроила зеркала. Поворачивала их на шарнирных соединениях до тех пор, пока отчетливо не увидела сторожа точно позади себя. Прищуривая то один, то другой глаз, она проверила обзор.

Наконец кивнула.

– Отлично, я готова, – сказала женщина и, взяв с пола коробку, развязала шпагат.

Пока охранник отпирал двери за ее спиной, она пристально наблюдала за ним в зеркала. Открыв дверь, он отвел глаза, чтобы не смотреть внутрь.

Пользуясь своими зеркалами, ученая быстро вошла спиной вперед в темную комнату.

Пот выступил на лбу, когда она увидела, как дверь закрывается прямо перед ее лицом. Она снова переключила внимание на зеркала и медленно повертела головой, чтобы поймать в фокус то, что находилось прямо за ней.

Почти все пространство комнаты занимала огромная клетка, сделанная из толстых черных прутьев. В неясном сероватом свете масляных светильников женщина различила беспорядочно раскиданные умирающие растения и низкорослые деревца, которые заполняли клетку. И тьма, и мягко гниющая растительность были настолько густыми, что скрывали от взора дальний конец комнаты.

Она бросила взгляд в зеркала. Никакого движения.

По-прежнему пяясь, она быстро подошла к клетке, туда, где в промежуток между прутьями был просунут ящичек, который мог выдвигаться обратно. Она наклонила голову так, чтобы видеть свою руку через зеркала. Это было трудно и неудобно, но ей удалось взяться за ручку и вытянуть ящик к себе.

В углу клетки раздались тяжелые хлопки, словно два толстых ковра часто шлепали друг о друга. Дыхание ее участилось, и она неловко затрясла свертком над ящиком. Четыре маленьких извивающихся обрубка высыпались вместе с обрезками бумаги на металлический лоток.

И тут же произошла перемена. Гусеницы почуяли запах обитателя клетки и заверещали, взывая о помощи.

Тварь, сидевшая в клетке, им отвечала.

Ее крики были не слышны. Они не вызывали колебаний воздуха, которые могли бы улавливаться человеческими органами слуха. Ученая почувствовала, как все волосы на ее теле встали дыбом, а в голове, словно отголоски слухов, промелькнули обрывки эмоций. В ноздрях, ушах и глазах, бешено сменяя друг друга, завертелись клочки нездешнего веселья и нечеловеческого ужаса одновременно.

Дрожащими пальцами она задвинула ящик внутрь клетки.

Когда отходила, что-то нежно и сладострастно прикоснулось к ее ноге. От ужаса испустив стон, она отпрянула и, совладав со страхом, не поддавшись инстинктивному желанию обернуться.

В зеркалах, закрепленных на каске, она заметила темно-бурые щупальца, разворачивающиеся в жесткой траве, желтеющие зубы и черные глазные впадины. В кустах и папоротниках раздалось шуршание, и тварь исчезла.

Глотая слюну и задерживая дыхание, ученая громко забарабанила в дверь. Наконец та открылась, и женщина почти упала в руки охранника. Рванув за пряжку под подбородком, она освободилась от шлема. Пока охранник закрывал за ней и запирали на засов дверь, она пристально смотрела в другую сторону.

– Вы заперли? – наконец прошептала она.

– Да.

Женщина медленно обернулась и с громадным облегчением протянула шлем охраннику.

– Спасибо, – тихо проговорила она.

– Все в порядке? – спросил он.

– Нет, – отрезала она и отвернулась.

Ей казалось, будто за спиной сквозь деревянные стены проникает грозное биение.

Она торопливо зашагала прочь через зал со странными животными, сообразив на полпути, что все еще держит в руках уже пустую коробку, в которой прибыли гусеницы. Она смяла ее и спрятала в карман.

Женщина закрыла за собой телескопически раздвигающуюся дверь, оставив позади комнату, полную призрачных неистовых теней. Она прошла обратно тем же стерильно-белым коридором и оказалась снова в вестибюле Департамента исследований и развития.

Она закрыла за собой и заперла на задвижку дверь, а затем с облегчением присоединилась к своим коллегам в белых халатах, которые смотрели в фемтоскопы, или штудировали научные трактаты, или спокойно беседовали у дверей, ведущих в другие специальные отделы, над каждой из которых висела табличка с красными и черными печатными буквами.

Когда доктор Маджеста Барбайл вернулась на свое место, чтобы написать отчет, она мельком глянула через плечо на предупреждающие надписи на двери, через которую только что вошла.

«Биологическая опасность. Соблюдать предельную осторожность».

Глава 10

– Вы балуетесь наркотиками, госпожа Лин?

Лин много раз говорила господину Попурри, что ей трудно разговаривать во время работы. Он любезно сообщил о том, что ему скучно просто сидеть и позировать для нее, как и для любого другого мастера. Сказал, что она может не отвечать. Если же что-то из услышанного ее интересует, она может запомнить это и обсудить с ним после сеанса. А молчать два, три, четыре часа подряд, ничего не говоря, – для него просто невозможно, это просто сведет его с ума. Поэтому она слушала и пыталась мотать на ус, чтобы поговорить позднее. Она по-прежнему вела себя осторожно, боялась его рассердить.

– Вы должны их попробовать. Хотя я уверен, что уже пробовали. Чтобы такой художник, как вы, да не пытался постичь глубины духа? – В его голосе Лин уловила веселье.

Лин уговорила господина Попурри позволить ей работать в мансарде его конторы в Костяном городе. Как она установила, это было единственное место во всем здании, которое имело естественное освещение. Свет необходим не только живописцам и гелиотипистам: текстура и фактура поверхностей, которые она так усердно стремилась передать своим слюнным искусством, были совершенно не видны при свечах и чрезмерно рельефны при свете газовых рожков. Поэтому она отчаянно спорила с господином Попурри, пока он наконец не согласился с ее профессиональным мнением. С тех пор у дверей Лин приветствовал какт-лакей, который вел ее затем на верхний этаж, где из люка в потолке спускалась деревянная лестница.

В мансарду она входила одна. Когда бы Лин ни пришла, она всегда находила господина Попурри ожидающим сеанса. Он стоял в огромном зале в нескольких футах от того места, откуда она появлялась. Если смотреть на кабинет в перспективе, казалось, не менее трети длины его террасы занимал треугольный эркер, в центре которого находилось хаотическое нагромождение сплавленной плоти, представлявшее собой господина Попурри.

Мебели здесь не было. Одна дверь вела наружу, в какой-то маленький коридорчик, но Лин ни разу не видела, чтобы ее открывали. Воздух в мансарде был сухой. Лин ступала по расшатанным половицам, на каждом шагу рискуя посадить занозу. Но пыль на огромных мансардных окнах казалась полупрозрачной, и свет, рассеиваясь, проникал сквозь нее. Лин вежливо жестами просила господина Попурри встать в прямых или полурассеянных облаках лучах солнечного света. Затем она обходила вокруг него, находя собственные ориентиры, прежде чем продолжить работу над скульптурой.

Однажды она спросила, куда он намерен поставить собственную статую.

– Вам не стоит об этом беспокоиться, – ответил он с чарующей улыбкой.

Она стояла перед ним и разглядывала его черты, подсвеченные тепловато-серым светом. Каждый раз, перед тем как начать сеанс, Лин несколько минут заново привыкала к его облику.

В первые несколько посещений она была уверена, что он метаморфирует по ночам, что фрагменты его облика меняются местами, пока никто не видит. Ей становилось страшно при мысли, что она взялась за этот заказ. В смятении она спрашивала себя, не было ли это одним из тех поручений, какие бывают в сказках для маленьких детей, – принеси то, не знаю что, – а может, это было наказанием за какой-нибудь неведомый грех: пытаться облачить в застывшую форму постоянно меняющееся тело, всегда бояться сказать что-нибудь лишнее и каждый день начинать все заново.

Однако вскоре она научилась справляться с этим хаосом раздумий и чувств. Было до абсурда прозаичным подсчитывать острые как бритва хитиновые чешуйки, торчавшие из грубой клочковатой кожи, только чтобы не дай бог не пропустить одну из них при лепке. Это казалось почти неприличным, словно его анархичные формы не поддавались никаким подсче-

там. И все же, как только Лин начала смотреть на него с такой точки зрения, ее скульптура начала обретать форму.

Лин стояла, пристально вглядываясь в его черты, быстро переключая фокус с одной глазной фасеты на другую, концентрируя внимание разными частями глаза и рассматривая господина Попурри с поминутно меняющихся ракурсов. В руке она держала плотные белые палочки органической пасты, которую необходимо переварить, чтобы затем ваять. Несколько таких палочек Лин уже съела перед своим приходом, а теперь, прикинув на глаз размеры натуры, быстро зажевала еще одну, не обращая ровно никакого внимания на пресный, неприятный вкус, а затем так же быстро отправляя массу через пищевод в полость, находящуюся в нижней части ее головогруды. Головобрюшко заметно раздулось от припасенной в нем кашицы.

Затем Лин повернулась и подняла с пола уже начатую работу – трехпалую лягушачью лапку, представлявшую одну из ступней господина Попурри, – и закрепила ее на невысоком кронштейне. Потом, снова повернувшись к господину Попурри, она опустилась на колени, рассматривая свой объект, открыла небольшую хитиновую створку, перегораживающую канал, что соединял железу и сфинктер внизу головоуловища.

Сначала Лин осторожно выдавила небольшое количество фермента, который слегка растворил уже застывшую хеприйскую слюну, превращая края незавершенной работы в клейкую слизь. Затем старательно сосредоточилась на лягушачьей конечности, вспоминая те черты, которые оказались вне ее поля зрения, – костные выступы, мускульные впадины; после этого начала медленно выделять из железы вязкую пасту, то расширяя, то сжимая сфинктер, вытягивая, скатывая и скругляя порцию слизи, дабы придать ей форму.

Для достижения наилучшего эффекта она использовала опалово-перламутровую хеприйскую слюну. Однако в некоторых местах расцветка причудливого тела господина Попурри была слишком пестрой. Бросив взгляд вниз, Лин хватала горсть красильных ягод, разложенных перед ней на палитре. Она подбирала тонкие комбинации цветов и, быстро пережевывая ягоды, тщательно готовила смесь, например, красного, светло-зеленого, желтого, пурпурного и черного.

Яркий сок струился по внутриголовному кишечнику, спускаясь по особым пищеварительным каналам в придаток главного грудного мешка, и через четыре-пять минут Лин могла выпустить цветную смесь в раствор хеприйской слюны. Затем она осторожно намазывала жидкую пену, придавая удивительным краскам осмысленную форму лоскутьев и струпьев, которые быстро застывали.

Только по прошествии нескольких часов работы, вспотевшая и измученная, с противным привкусом во рту от кислых ягод и тронутой плесенью мучнистой пасты, Лин могла повернуться и взглянуть на свое творение. Уметь работать вслепую – в этом состояло мастерство слюнного скульптора.

Ноги господина Попурри получались неплохо, не без гордости отметила она.

Едва различимые сквозь прозрачный потолок облака мощно клубились, то рассеиваясь, то снова клочками сгучиваясь в небе. В сравнении с ними воздух в мансарде был совершенно недвижим. Пылинки, словно застывшие, висели в нем. Господин Попурри позировал, стоя против света.

Он мог стоять совершенно неподвижно, пока один из его ртов продолжал свой бессвязный монолог. Сегодня Попурри решил поговорить с Лин о наркотиках.

– А вы чем травитесь, Лин? Шазбой? Ведь горлодер не оказывает на хепри никакого воздействия, так что это можно сразу отбросить... – Он задумался. – Мне кажется, у художников складываются двоякие отношения с наркотиками. Я имею в виду, что главное для них – выпустить демона, который сидит внутри, не так ли? Или ангела. Неважно. Открыть двери, которые, как нам кажется, где-то заело. Однако, если вам удастся открывать их с помощью наркотиков, не превращает ли это ваше искусство в обман? Искусство должно быть средством общения, не

так ли? Поэтому, если вы доверяетесь наркотикам, которые представляют собой... а мне плевать на то, что болтают все эти ничтожные педики-новички, которые накачиваются со своими приятелями всякой дрянью на танцполах, – представляют собой по сути индивидуализированный опыт, вы открываете двери, но способны ли вы передать то, что познаете, войдя в них?... С другой стороны, если вы упорно остаетесь в рамках правил, жестко придерживаетесь, как большинство, здравого смысла, вы можете общаться с другими, потому что вы все говорите на одном языке, казалось бы... но открываете ли вы при этом дверь? Быть может, лучшее, что вы можете сделать, это подглядеть в замочную скважину? Вероятно, в этом все дело...

Лин подняла глаза, чтобы посмотреть, каким из ртов он говорит на сей раз. Это был большой женский рот, расположенный где-то в области плеча. Лин удивилась, почему же голос остался неизменным. Ей бы хотелось иметь возможность ответить, или пусть он наконец замолчит. Было трудно сосредоточиться, однако она тотчас подумала, что и так уже выжала из него немало уступок.

– Сколько денег вложено в наркотики... Вы, разумеется, знаете об этом. А знаете ли вы, сколько ваш друг и агент Счастливчик Газид готов платить за свой запретный напиток в последнее время? Честное слово, вы не поверите. Спрос на эти вещества невероятный. Несколько поставщиков на рынке наркотиков могут получать весьма приличные барыши.

Лин чувствовала, что господин Попурри над ней насмехается. Каждый раз, когда он заводил с ней разговор о каких-нибудь тайных сторонах жизни подпольной ученой братии Нью-Кробюзона, она ощущала себя втянутой в криминальные дела, от которых хотелось держаться подальше. «Я только прихожу к вам иногда, – хотелось ей прожестиковать в порыве отчаяния. – Не надо выкладывать передо мной все подробности! Все, что мне нужно, это изредка вкатить себе шазбы для поднятия тонуса или пару кубиков хиннера для успокоения, ничего больше... А о торговле наркотиками я ничего не знаю и знать не желаю!»

– Ма Франсина владеет чем-то вроде монополии в Малой петле. Она намерена расширить территорию своих торговых представителей за пределы Кинкена. Вы ее знаете? Потрясающая бизнес-леди. Скоро нам с ней придется заключить одно соглашение, иначе все превратится в хаос. – Сразу несколько ртов господина Попурри расплылись в улыбке. – Но я вам кое-что скажу, – тихо добавил он. – В ближайшем будущем я получу нечто, способное коренным образом изменить всю торговлю. Возможно, у меня появится своя собственная монополия...

«Сегодня вечером мне надо встретиться с Айзеком, – нервно решила Лин. – Приглашу его поужинать в Салакусские поля, где мы сможем соприкоснуться пальцами ног».

Приближается ежегодный конкурс на приз Шинтакоста, который состоится в конце меллуария, Лин надо будет придумать для Айзека какую-нибудь отговорку, почему она там не участвует. Она никогда не побеждала – судьи, высокомерно думала она, не понимают слюнного искусства, – однако за последние семь лет вместе с друзьями художниками не пропустила еще ни одного конкурса. Это стало традицией. В день оглашения результатов они закатывали большой ужин, а потом кого-нибудь посылали купить только что вышедший номер «Салакусского вестника», который спонсировал этот конкурс, и узнать имя победителя. После этого в пьяном угаре честили организаторов, обзывая их пошлыми фиглярами.

Айзек будет удивлен, что она не участвует. Она решила намекнуть ему, что работает сейчас над монументальным трудом, придумать что-нибудь, чтобы он на время отстал с распросами.

«Конечно, – размышляла она, – если он все еще возится со своим гарудой, то вряд ли вообще заметит, что я не участвую в конкурсе».

Мысли потекли в печальном русле. Лин понимала, что поступает нечестно. Ведь она была склонна к навязчивым идеям; теперь ей уже было трудно представить себя без этого чудовищного образа господина Попурри, который она постоянно видит краем глаза. Просто так неудачно сложилось, что она и Айзек одновременно оказались во власти своих навязчивых

идей, горько подумала Лин. Работа поглощала ее целиком. Хотелось каждый вечер, вернувшись домой, находить там свежеприготовленный фруктовый салат, билеты в театр и секс.

Вместо этого она жадно кропала что-то в своей мастерской и вечер за вечером, приходя домой в Пряную долину, одиноко ложилась в постель. Лишь раз или два они встречались на неделе, чтобы в спешке поужинать и провалиться в глубокий неромантичный сон.

Лин посмотрела вверх и обнаружила, что с тех пор, как она вошла в мансарду, тени немного сдвинулись. В голове был туман. Быстрыми движениями тонких передних лапок она прочистила рот и сяжки. Затем зажевала последнюю, как она решила, на сегодняшний день горсть красильных ягод. Кислый вкус голубых смягчился сладкими розовыми ягодами. Лин тщательно подбирала смесь, добавляя то незрелую жемчужную ягоду, то почти подгнивающую желтую. Она точно знала, какой должен получиться вкус: болезненно-тошнотворная горечь, похожая на сероватый цвет шкуры живого лосося, цвет икроножной мышцы господина Попурри.

Она сглотнула и пропустила сок через пищевод. Наконец жидкость заструилась по глянцево мерцающим бокам скульптуры из подсыхающей хеприйской слюны. Сок был немного жидковат, разбрызгивался и капал на выходе. Но Лин с этим справилась, передавая мускульный тонус абстрактным разводам и брызгам.

Когда слюна подсохла, Лин расслабилась и отвернулась от наполовину законченной ноги. Поднатужившись, выпустила из железы остаток пасты. Ребристый подбрюшник головотуловища, до этого раздутый, сам сжался, приняв свои обычные размеры. Густая белая масса хеприйской слюны выдавливалась из головы и скапливалась на полу. Лин вытянула вперед кончик железы и вытерла его задними лапками, а затем осторожно прикрыла защитным чехольчиком, спрятанным под крыльями.

Она встала и потянулась. Господин Попурри резко прервал свои слащаво-холодные разглагольствования. Он не мог поверить, что Лин закончила.

– Так скоро, госпожа Лин? – вскричал он с театральной досадой.

«Мне не стоит переступить грань: опасно, – медленно прожестикуюлировала она. – Вы слишком устанете. Надо прекратить».

– Разумеется, – согласился господин Попурри. – Ну и как тут наш шедевр?

Они вместе повернулись к скульптуре.

Лин с удовольствием заметила, что ее импровизированная заплатка из слишком жидкого сока красильных ягод создала живой, яркий эффект. Вышло не совсем натуралистично; впрочем, она к этому никогда и не стремилась в своей работе. Мускулы господина Попурри казались словно с силой накрученными на кость его ноги. Аналогия, возможно, весьма близкая к истине.

Прозрачные краски неровными подтеками застыли на белом фоне, мерцающем, словно перламутровая внутренность раковины. Пласты тканей наслаивались друг на друга. Хитросплетения этой многофактурной плоти выглядели как живые. Господин Попурри одобрительно кивнул.

– Знаете, – тихо заметил он, – чтобы не испортить великий момент, мне бы хотелось сделать так, чтобы не видеть всего этого, пока работа не будет полностью завершена. Знаете, мне кажется, что пока она безупречна. Безупречна. Однако опасно столь рано сыпать похвалами. Это может привести к самоуспокоенности... или наоборот. Так что, пожалуйста, госпожа Лин, не падайте духом, если это будет последним сказанным мной словом одобрения или порицания относительно вашей работы до ее окончания. Согласны?

Лин кивнула, не в силах отвести глаз от собственного творения. Осторожно потерла лапкой гладкую поверхность застывающей хеприйской слюны. Ее пальцы исследовали то место под коленкой господина Попурри, где волосной покров переходил в чешую, а затем в кожу.

После этого она глянула вниз, на оригинал. Потом снова подняла голову и посмотрела Попурри в лицо. Его тигриные глаза заставили ее отвести взгляд.

«Кем... кем вы были?» – жестами спросила она.

Он вздохнул.

– Я ждал, что вы зададите мне этот вопрос, Лин. Я надеялся, что вы этого не сделаете, но знал: на вас это было бы не похоже... Поэтому я спрашиваю себя, а есть ли вообще между нами какое-то понимание? – прошипел он, и в голосе внезапно зазвучала злоба.

Лин отступила.

– Это так... предсказуемо. Вы до сих пор смотрите неправильно. Совсем неправильно. Удивительно, как вам удается творить такое искусство. Вы до сих пор смотрите на это... – он обвел обезьяньей лапой свое тело, – как на патологию. Вас все еще интересует, каким оно было и как оно стало таким. Но это не ошибка, не увечье и не мутация: это образ и сущность... – Его голос зазвенел под стропилами крыши.

Затем он несколько успокоился и опустил свои многочисленные руки.

– Это цельность.

Лин кивнула, показывая, что поняла. Она слишком устала, чтобы смутиться.

– Может, я слишком строг с вами, – задумчиво проговорил господин Попурри. – То есть я хочу сказать... этот предмет, который стоит перед нами, ясно свидетельствует о том, что вы способны ощутить момент разрыва, пусть даже ваш вопрос говорит об обратном... Возможно даже, – медленно продолжал он, – в вас самой содержится такой момент. Какая-то часть вашего существа понимает это без всяких слов, хотя разум задает вопросы таким образом, который делает ответ на них невозможным. – Он победно взглянул на нее: – Вы тоже являетесь собой гибридную зону, госпожа Лин! Ваше искусство находит себе место там, где размывается граница между сознанием и неведением.

«Хорошо, – прожестикуюлировала она, собирая свои принадлежности. – Неважно. Сожалею, что спросила».

– Я тоже сожалел, но теперь – нет, как мне кажется, – сказал он.

Лин забрала деревянный ящичек, в котором лежали заляпанная краской палитра, остатки красильных ягод (она заметила, что надо было взять побольше) и бруски пасты. А господин Попурри все продолжал свои философские разглагольствования, размышляя над собственной теорией расового смешения. Лин не слушала. Она настроила усики-антенны на другие частоты, внимая едва уловимым шумам и стукам в доме, давлению воздуха на оконные стекла.

«Я хочу, чтобы у меня над головой было небо, – думала она, – а не эти пыльные брусья-подпорки, не эта просмоленная хрупкая крыша. Пойду домой пешком. Медленно. Через Барсучью топь».

Чем больше она об этом думала, тем крепче становилась в ней решимость.

«Явлюсь в лабораторию вот так запросто, предложу Айзеку уйти со мной, украду его на одну ночку».

Господин Попурри все еще продолжал вещать.

«Заткнись, заткнись, ты, капризный ребенок, проклятый мегаломаньяк со своими идиотскими теориями», – думала Лин.

Повернувшись к нему, она прожестикуюлировала «до свидания», и это выглядело лишь жалкой пародией на вежливость.

Глава 11

На письменном столе Айзека на косом кресте из темного дерева висел распятый голубь. Его голова бешено моталась из стороны в сторону, но, несмотря на свой ужас, птица могла издавать лишь жалобное воркование.

Крылья голубя были пришпилены тонкими гвоздями, пропущенными сквозь тугие зазоры меж распластанных перьев, и резко заломлены книзу, а концы их были крепко связаны. Лапы голубя были примотаны к нижним концам крестовины. Под ним все было усыпано грязно-бело-серым пометом. Птица конвульсивно дергалась, тщетно пытаясь взмахнуть крыльями.

Айзек склонялся над голубем, вооружившись лупой и длинной ручкой.

– Перестань трепыхаться, паразит, – пробормотал он, тыкая в плечо птицы кончиком ручки.

Сквозь увеличительное стекло он разглядывал неуловимо подрагивающие косточки и мускулы. И, не глядя на бумагу, что-то быстро строчил.

– Эй!

Айзек обернулся на раздраженный оклик Лубламая и поднялся из-за стола. Размашистым шагом подошел к перилам балкона и посмотрел вниз.

– Что?

На нижнем ярусе плечом к плечу стояли, скрестив на груди руки, Лубламай и Дэвид. Они смахивали на дуэт, приготовившийся исполнить песню. Лица их были хмурыми. Несколько мгновений они молчали.

– Послушай, Айзек... – начал Лубламай неожиданно примирительным тоном. – Мы же давно договорились, что здесь мы все можем заниматься любыми исследованиями, какими хотим, без всяких вопросов, типа прикрывая друг друга... Да?

Айзек вздохнул и потер глаза большим и указательным пальцами левой руки.

– Ради всего святого, парни, давайте не будем разыгрывать тут старых солдат, – ворчливо проговорил он. – Можете не рассказывать о том, что мы вместе прошли огонь, воду и медные трубы, или что вы там хотите сказать. Я знаю: вас это уже достало, и я вас не виню...

– Вонюха, Айзек, – напрямик сказал Дэвид. – На нас уже на улице оглядываются, думают, мы какие-то бомжи.

Пока говорил Лубламай, старая конструкция неуверенно двигалась за его спиной. Затем чистильщик встал, голова его повернулась, линзы сфокусировались на двоих людях, стоявших руки в боки. Поколебавшись мгновение, он согнул неуклюжие металлические манипуляторы, неловко подражая позе людей.

Айзек показал на него:

– Смотрите, смотрите-ка на эту штуковину: совсем распоясалась! У нее вирус! Вы бы лучше выбросили ее на помойку, а то сама перепрограммируется; не пройдет и года, как ваш механический слуга начнет вступать с вами в экзистенциальные споры!

– Айзек, черт тебя побери, не увливай от темы, – в раздражении сказал Дэвид, оглянувшись назад и пнув машину ногой так, что та опрокинулась. – Когда речь о причиняемых неудобствах, мы все имеем некоторую долю свободы, но это уже чересчур.

– Ладно! – Айзек вскинул руки и медленно огляделся вокруг. – Полагаю, я некоторым образом недооценил способности Лемюэля обтяпывать делишки, – сказал он печально.

Весь склад по периметру, вдоль всей длины приподнятой платформы, был плотно заставлен клетками с кричащими тварями. Стоял ужасный шум от гуляющего ветра, внезапных взмахов и трепетания крыльев, шлепков помета, но все перекрывал непрерывный истощный клекот плененных птиц. Голуби, воробьи и скворцы выражали свое отчаяние воркованием и

призывными криками: поодиночке каждый из них был негромок, но они сливались в пронзительный, истошный вопль. Попугаи и канарейки перебивали птичий базар скрипучими взвизгами, от которых у Айзека мороз пробежал по коже. Гуси, куры и утки добавляли во всю эту какофонию оттенки деревенского скотного двора. Асписы с львиными мордочками летали вперед-назад в тесном пространстве клеток, с размаху ударяясь маленькими, как у ящерицы, телами о прутья курятников. Они зализывали раны крохотными язычками и ворчали, как рассерженные мышцы. Огромные стеклянные контейнеры, наполненные мухами, пчелами, осами, мушками-однодневками, бабочками и летающими жуками, издавали живое агрессивное гудение. Летучие мыши висели вверх ногами и сверлили Айзека горящими маленькими глазками. Змеи-стрекозы трещали длинными элегантными крыльями и громко шипели.

Полы клеток были нечищены, и в нос бил резкий запах птичьего помета. Айзек заметил Искренность: та, вихляя, носилась туда-сюда по комнате, тряся полосатой головой. Дэвид проследил за взглядом Айзека.

– Вот! – вскричал он. – Видишь? Даже она не выносит этой вони.

– Ребята, – сказал Айзек, – я ценю вашу терпеливость, без шуток. Но ведь мы квиты, не так ли? Лаб, помнишь, ты проводил эксперименты с сонаром, и у тебя тут сидел чувак, который два дня подряд бил в барабаны?

– Айзек, но это длится уже почти неделю! Сколько еще терпеть? На самый худой конец хотя бы убери дерьмо!

Айзек посмотрел вниз, на рассерженные лица. Ребят, похоже, все порядком достало, подумал он. И быстро начал подыскивать компромиссное решение.

– Ладно, так и быть, – сказал он наконец, – я уберу сегодня же... обещаю. В лепешку разобьюсь, но сделаю... Сперва плотно возьмусь за самых крикливых. Приложу все усилия, чтобы избавиться от них за... пару недель, устроит? – сбивчиво закончил он.

Дэвид и Лубламай начали было возражать, но Айзек прервал их язвительные замечания:

– В следующем месяце я заплачу немного побольше за аренду! Идет?

Грубые возгласы тотчас же затихли. Оба смотрели на Айзека, прикидывая выгоду. Это были сотоварищи по науке, плохие парни из Барсучьей топи, свои в доску; но поскольку их источники средств к существованию были весьма ненадежными, то как только речь заходила о деньгах, места для сантиментов уже не оставалось. Зная это, Айзек постарался предотвратить любые попытки найти аргументы для дальнейшего торга. В конце концов, он же не может платить всю аренду целиком.

– А о какой сумме идет речь? – спросил Дэвид.

Айзек задумался.

– Две гиней сверху?

Дэвид и Лубламай переглянулись. Это был широкий жест.

– Кроме того, – мимоходом заметил Айзек, – раз уж мы об этом заговорили, помощь мне бы не помешала. Я совершенно не умею обращаться с некоторыми из этих... э-э... научных объектов. Дэвид, ты, кажется, когда-то изучал орнитологию?

– Нет, – едко ответил Дэвид. – Я был всего лишь ассистентом человека, который ее изучал. Жуткая скучища. И перестань играть с нами в откровенность, Зак. Эти мерзкие твари вовсе не перестанут мне досаждать, если ты посвятишь меня в свои проекты... – Он засмеялся. – Ты что, записался на курс введения в теорию эмпатии или что-то вроде того?

Подшучивая, Дэвид уже поднимался по лестнице, а Лубламай шел за ним.

Дойдя до верха, Дэвид остановился и оглядел говорливых пленников.

– Черт тебя побери, Айзек! – улыбаясь, проговорил он. – Во сколько же тебе обошелся этот суповой набор?

– Мы с Лемюэлем еще не окончательно рассчитались, – сухо проговорил Айзек. – Но мой новый босс все уладит.

Лубламай стал рядом с Дэвидом на верхней ступеньке, махнул рукой в сторону нагромождения клеток, пестреющих в дальнем углу прохода.

– А там что?

– Там я храню экзотов, – сказал Айзек. – Асписов, леси-муху...

– Ты раздобыл леси-муху?! – воскликнул Лубламай.

Айзек кивнул и заулыбался.

– У меня совершенно нет желания ставить опыты на красивых тварях, – сказал он.

– Можно на нее взглянуть?

– Валяй, Луб. Она там, за клеткой с баткином.

Пока Лубламай пробирался между плотно стоящими ящиками, Дэвид живо оглядывался по сторонам.

– Так где тут у тебя проблемы с орнитологией? – спросил он, потирая руки.

– На столе. – Айзек указал на несчастного связанного голубя. – Что мне сделать, чтобы он перестал трепыхаться? Сначала мне нужно было посмотреть работу мускулов, но теперь я хочу сам подвигать его крыльями.

Дэвид в ступоре уставился на него, как на помешанного:

– Убей.

Айзек пожал плечами:

– Я пытался. Он никак не умирает.

– Едрена вошь... – криво улыбнулся Дэвид, подошел к столу и свернул голубю шею.

Айзек нарочито поморщился и показал массивные ладони.

– Просто они недостаточно ловкие для такой работы. У меня слишком неуклюжие руки, а чувства слишком нежные, – беспечно заявил он.

– Это точно, – скептически согласился Дэвид. – Ну, так над чем ты сейчас работаешь?

У Айзека тут же загорелись глаза.

– Над чем?.. – Он подошел к столу. – Мне страшно не повезло с гарудами в городе. Дошли слухи о паре гаруд, живущих на Кургане Святого Джаббера и в Сириаке, и я послал сообщение о том, что заплачу кучу денег за пару потраченных часов и несколько гелиоснимков. Но не получил никакого ответа. Я даже развесил в университете несколько объявлений с просьбой к студентам-гарудам, которые могут и желают ненадолго заглянуть сюда, но мои источники сообщили, что в этом году набора не было.

– Гаруды не умеют... мыслить абстрактно, – произнес Дэвид, подражая гнусавому голосу заводилы зловещей партии Три Пера, которая в прошлом году организовала разрушительные выступления в Барсучьей топи. Айзек вместе с Дэвидом и Дерхан пошли туда, чтобы помешать акции; они выкрикивали ругательства и швыряли гнилыми апельсинами в человека на трибуне, к удовольствию ксенийской уличной демонстрации.

Айзек задумчиво кашлянул.

– Это точно. Так что в любом случае, если только я не отправлюсь в Расплеты, у меня не будет возможности поработать с настоящей гарудой, поэтому я рассматриваю разнообразные механизмы полета, которые ты... м-м... видишь вокруг. Довольно забавные, надо признать.

Айзек перелопатил кипы чертежей, отобрав изображения крыльев зябликов и трупных мух. Он отвязал мертвого голубя и тщательно перенес движения его крыльев на бумагу с помощью циркуля. Он безмолвно указал на стену над столом. Она была покрыта аккуратно вычерченными крыльями. Укрупненные планы вращающегося плечевого сустава, упрощенные диаграммы сил, красиво заштрихованные наброски перьевого узора. Кроме того, тут были и гелиотипы дирижаблей, на которых темными чернилами нарисованы стрелки и пометки с вопросительными знаками. Присутствовали и эскизы безмозглых заградителей, и рисунки увеличенных до огромного размера осиных крыльев. Каждый был аккуратно подписан. Дэвид

медленно переводил взгляд, рассматривая результаты многочасовой работы, сравнительного исследования механизмов полета.

– Не думаю, что мой клиент станет привередничать по поводу внешнего вида своих крыльев – и вообще чего бы то ни было, – как только ему удастся подняться в небо.

Дэвид и Лубламай уже знали о Ягареке. Айзек попросил, чтобы они держали язык за зубами. Он им доверял. Он все рассказал об увечном гаруде на тот случай, если Ягарек заявится, когда они будут на складе, хотя до сих пор бескрылому человеку-птице удавалось наносить мимолетные визиты в их отсутствие.

– А ты не думал о том, чтобы просто присобачить ему какие-нибудь крылья? – спросил Дэвид. – Ну, переделать его.

– Совершенно точно, это и есть главное направление моих поисков, но тут две проблемы. Первая: какие именно крылья? Мне придется сконструировать их. Вторая: ты знаешь хоть одного передельщика, который смог бы сделать это тайно? Лучший биочародей, которого я знаю, – презренный Вермишенк. Я пойду к нему на поклон, но только если окажусь в совершенном тупике... Так что пока я только прикидываю, пытаюсь определить размеры, формы, источник энергии того, что в принципе способно поднять его от земли. Если я вообще пойду по этому пути.

– Что ты имеешь в виду? Физическую магию?

– Ну, знаешь, ЕТП – мой старый конек... – Айзек улыбнулся и пожал плечами. – Боюсь, его спина слишком сильно изуродована, чтобы подвергать ее переделке, даже если удастся получить нужные крылья. Я думаю, нельзя ли скомбинировать два различных энергетических поля... Святой Джаббер! Дэвид, я не знаю. У меня есть зачатки идеи... – Он указал на небрежно подписанный рисунок треугольника.

– Айзек? – Крик Лубламая пронесся, перекрывая неослабевающие вопли и визги.

Айзек и Дэвид, вскинувшись, посмотрели на него. Лубламай бродил перед клетками с леся-мухой и парой золотых попугаев. Он стоял, указывая на штабель поменьше, состоявший из коробок, ящиков и сосудов.

– А это еще что такое?

– А, это мой детский сад, – крикнул Айзек с улыбкой. Он стал пробираться к Лубламаю, таща за собой Дэвида. – Я подумал, было бы интересно посмотреть, как происходит превращение существа, не умеющего летать, в создание летающее; поэтому я постарался раздобыть несколько образцов зародышей и младенцев.

Он остановился рядом со своей коллекцией. Лубламай заглядывал внутрь небольшого садка, в котором лежала кладка яиц ярко-синего цвета.

– Не знаю, что из них получится, – сказал Айзек. – Надеюсь, что-нибудь красивое.

Садок находился на вершине груды подобных ему коробок, открытых спереди, в каждой из которой помещалось свитое неумелой рукой гнездышко; в нем лежало от одного до четырех яиц. Некоторые имели удивительную расцветку, другие были просто коричневато-оливковыми. Небольшая трубка извивами проходила позади садков и исчезала где-то за оградой в бойлере, стоящем внизу. Айзек слегка пнул бойлер ногой.

– Думаю, им нравится, когда потеплее... – пробормотал он. – Хотя не уверен...

Лубламай наклонился, чтобы заглянуть в стеклянное окошко на передней панели одного из резервуаров.

– Ух ты! – воскликнул он в удивлении. – Чувствую себя, как будто снова мальчишкой стал! Меняю на шесть стеклянных шариков.

Дно резервуара кишело маленькими извивающимися зелеными гусеницами. Они жадно и методично вгрызались в листья, беспорядочно раскиданные вокруг них. Черенки листьев переплетались с зелеными тельцами.

– Да, это довольно интересно. Не сегодня-завтра они превратятся в коконы, а потом я буду беспощадно вскрывать их ножом на различных стадиях, чтобы посмотреть, как они превращаются в бабочек.

– Жизнь – жестокий лаборант, – прошептал Лубламай, разглядывая содержимое резервуара. – Какими еще гадами ты разжился?

– Есть кучка личинок мясной мухи. Их легко кормить. Искренность, вероятно, раздражает именно их запах. – Айзек рассмеялся. – Есть еще несколько личинок, которые обещают стать бабочками и мотыльками; есть ужасно агрессивные твари, которые, как мне говорили, живут в воде и превращаются в дамасских мушек, они здесь... – Айзек указал на бак с грязной водой. – А вот, – хвастливо сказал он, подходя к небольшой решетчатой клетке, – нечто весьма необычное... – И щелкнул большим пальцем по контейнеру.

Дэвид и Лубламай столпились за его спиной. Они смотрели, раскрыв рты.

– О, вот это действительно великолепно... – разглядев, пробормотал Дэвид.

– Что это такое? – шепнул Лубламай.

Айзек взглянул через их головы на свою любимую гусеницу:

– Откровенно говоря, друзья мои, ни фига я о ней не знаю. Кроме того, что она большая, красивая и не слишком довольна своим положением.

Личинка слепо мотала толстой головой. По крайней мере четырех дюймов в длину и в дюйм толщиной, она вяло передвигалась по своей проволочной тюрьме; ее пухлое трубкоподобное тело беспорядочно испещрили яркие пятна. Из хвоста торчали острые щетинки. Кроме нее в клетке находились побуревшие листья латука, мелко нарезанное мясо, кусочки фруктов, полоски бумаги.

– Чем я только не пытался кормить эту тварь. Подсовывал ей все травки и растения, какие только существуют, но она ничего не ест. Тогда я дал рыбу, фрукты, печенье, хлеб, мясо, бумагу, клей, вату, шелк... а она только беспорядочно копошится, голодная, и укоризненно на меня глядит.

Айзек наклонился, просунув голову между головами Дэвида и Лубламая.

– Ясное дело: она хочет есть, – сказал он. – Ее цвет тускнеет, что само по себе тревожно, и с точки зрения эстетики, и с точки зрения физиологии... Я просто в растерянности. Боюсь, эта красотка так и будет лежать тут и умирать прямо у меня на глазах.

– Откуда ты ее взял? – спросил Дэвид.

– Да ты же знаешь, как такие дела делаются, – хмыкнул Айзек. – Мне она досталась от одного типа, который купил ее у женщины, которая в свою очередь... и так далее. Понятия не имею, откуда она родом.

– Ты не собираешься ее препарировать?

– Нет, черт возьми. Если она доживет до окукливания, в чем я – увы – сильно сомневаюсь, будет ужасно интересно посмотреть, что из нее получится. Я даже, может быть, передам ее Научному музею. Ты же знаешь, у меня развито гражданское чувство... Так что в любом случае от этой твари будет мало толку для моих исследований. Я даже не могу заставить ее поесть, она сама завершит метаморфоз, сама полетит. Так что все, что вы видите вокруг... – он раскинул руки, словно пытаясь обнять комнату, – это вода, льющаяся на мою антигравитационную мельницу. А эта маленькая чудачка... – указал он на вялую гусеницу, – мой вклад в науку.

Он широко улыбнулся.

Снизу раздался скрип. Кто-то открывал дверь. Все трое осторожно подобрались к краю лестницы прохода и глянули вниз, ожидая увидеть там гаруду Ягарека, прячущего под плащом фальшивые крылья.

Снизу на них смотрела Лин.

Дэвид и Лубламай, смутившись, отпрянули. Их удивило, что Айзек ответил на приветствие с неожиданным раздражением. Они предпочли отвернуться.

Айзек стремительно сбежал по ступенькам.

– Лин! – заорал он. – Рад тебя видеть. – Подойдя к ней вплотную, он заговорил тише: – Солнце мое, что ты здесь делаешь? Я думал, мы встретимся позже.

Тут он заметил, что сляжки ее печально затрепетали, и попытался унять свое нервное раздражение. Ясно, что Лубламай с Дэвидом уже поняли, что происходит, – они давно его знали. Айзек не сомневался, что из его уклончивых намеков на свою любовную жизнь они составили достаточно близкую к правде картину. Но здесь не Салакусские поля. Здесь они слишком близко от дома. Здесь он рискует своей репутацией.

Похоже, Лин действительно была несчастна.

«Послушай, – быстро зажестичулировала она, – хочу, чтобы ты пошел со мной, не говори нет. Соскучилась по тебе. Устала. Трудная работа. Прости, что пришла сюда. Надо было тебя увидеть».

Айзек почувствовал, как в нем борются гнев и сочувствие.

«Опасный прецедент, – подумал он. – Святой Джаббер!»

– Подожди, – шепнул он. – Дай мне минутку.

Он поскакал вверх по лестнице.

– Лаб, Дэвид, совсем забыл: сегодня вечером мне надо встретиться с друзьями, поэтому за мной пришли. Обещаю, завтра я уберу своих мелких мерзавцев. Честное слово. Я их всех покормил, на всякий случай...

Глаза его бегали.

– Ладно, – сказал Дэвид. – Желаем тебе удачно провести вечер.

Лубламай помахал на прощание.

– Спасибо, – с трудом выговорил Айзек, оглядываясь по сторонам. – Если Ягарек вернется... м-м-м...

Он понял, что сказать ему нечего. Сгреб со стола блокнот и, не оглядываясь, бросился вниз по лестнице. Лубламай и Дэвид старательно не смотрели ему вслед.

Он, словно ураган, увлек за собой Лин, которая, беспомощно шатаясь, выбежала за ним на темную улицу. Только когда они покинули склад, Айзек посмотрел на Лин более внимательно и почувствовал, как его раздражение сильно умерилось. Он увидел, насколько она измучена и подавлена.

Мгновение поколебавшись, Айзек взял ее за руку. Он незаметно положил свой блокнот в ее сумочку и защелкнул замок.

– Давай проведем этот вечер вместе, – шепнул он.

Она кивнула и, быстро прильнув головному улову к нему, крепко обняла.

Объятия длились недолго – Айзек и Лин боялись, что их заметят. Они медленным шагом, как ходят влюбленные, пошли к станции Контрабандной, из осторожности сохраняя между собой дистанцию в несколько футов.

Глава 12

Если в особняки Плитнякового холма или поймы Ржавчины проберется убийца, станет ли милиция тратить на него свое время и силы? Нет, конечно! Охота на Джека-Полмолитвы это подтверждает! Более того, когда в Дымной излучине объявляется этот маньяк, ничего не происходит! На прошлой неделе из Вара была выловлена еще одна жертва с выколотыми глазами, в результате чего число убитых достигло пяти, – а от громил в синей форме, что сидят в Штыре, мы не услышали ни единого слова. Мы говорим: для богатых – один закон, для бедных – другой!

По всему Нью-Кробюзону появились афиши, требующие «ваши голоса» – если, по счастью, у вас таковой имеется! Рудгуттеровское Жирное Солнце рвет и мечет, «Наконец мы прозрели» раздражается туманными речами, Иная Тенденция выливает потоки лжи на угнетенных ксениев, а отбросы человечества Три Пера брызжут ядом. Имея перед собой столь жалкий «выбор» в лице этого сброда, «Буйный бродяга» призывает всех, кто желает «победить» в голосовании, испортить свои избирательные бюллетени! Создадим партию низов и обличим циничный заговор Избирательной Лотереи. Мы говорим: выборы для всех, выберем перемены!

После жестокого урезания заработной платы портовой администрацией в Паутинном дереве портовые грузчики-водяные обсуждают возможную забастовочную акцию. Однако гильдия людей-докеров осудила их действия. «ББ» говорит: мы за создание всерасового союза против заправил бизнеса!

Увидев вошедшую в вагон пару, Дерхан оторвалась от чтения. Незаметно и как бы небрежно она сложила «Буйного бродягу» и спрятала газету в сумочку.

Она сидела в переднем конце вагона, лицом против движения, так что могла видеть своих немногочисленных попутчиков; при этом они не замечали, что за ними наблюдают. Двое только что вошедших молодых людей покачнулись, едва поезд отправился с узловой станции Седим, и поспешили сесть. Одеты они были просто, но со вкусом, что отличало их от большинства едущих в Собачье болото. Дерхан определила их как верулинских миссионеров, студентов университета, находящегося вверх по этой же ветке, в Ладмиде, – которые благочестиво и лицемерно спускались в Собачье болото, дабы наставить на путь истинный души бедняков. Она мысленно усмехнулась, вынимая зеркальце.

Еще раз оглядевшись по сторонам, удостовериться, что за ней никто не наблюдает, Дерхан критически посмотрела на свое лицо. Она тщательно поправила белую шевелюру и ощупала резиновый рубец, дабы убедиться, что он прочно приклеен. Одета в старье, никаких денег, чтобы не привлекать внимания в Болоте; однако платье ее было не настолько неряшливым, чтобы вызвать бурное неодобрение со стороны попутчиков в Вороне, откуда она начала свой путь.

На коленях ее лежал блокнот. Во время поездки она успела набросать вчерне материал о конкурсе на приз Шинтакоста, для «Маяка». Она собиралась написать забавную, но вместе с тем серьезную статью с упором на политику и список членов жюри.

Она внимательно перечла бесцветное начало статьи и вздохнула. «Сейчас, – решила она, – еще не время».

Дерхан повернулась налево и стала смотреть в окно на город. На этом участке Правой линии между Ладмидом и промышленной зоной на юго-востоке Нью-Кробюзона поезда проходили почти по самому фронту борьбы между городом и небом. Милицейские башни в Барсучьей топи, на Страке и дальше в Мушиной стороне и Шеке, как иглы, протыкали ковер из крыш. Поезда Южной линии шли на юг, на противоположный берег Большого Вара.

Отбеленные временем Ребра выросли из земли по обе стороны от рельс, нависая над вагонами. Дым и сажа клубились в воздухе, так что казалось, поезд плывет по волнам смога. Заводской шум становился все слышнее. Проезжая через Сантер, поезд летел сквозь скопления далеко отстоящих друг от друга громадных труб, похожих на сожженные молнией деревья. Эхова трясина представляла собой пустынную промзону к востоку от центра города.

«Где-то там внизу, чуть к югу, – думала Дерхан, – сейчас, наверное, собирается пикет водяных. Удачи вам, братья».

Поезд повернул, и сила тяжести потянула ее в сторону запада. Поезд внезапно сошел с линии Паутинное дерево и взял курс на восток, ускоряя ход, чтобы перескочить через реку.

Едва поезд повернул, в Паутинном дереве завиднелись мачты парусных кораблей. Они мягко покачивались на воде. Дерхан на мгновение увидела зарифленные паруса, массивные лопасти, жерла дымовых труб, а также возбужденных, крепко взнузданных морских вирмов на торговых судах из Миршока, Шанкелла и Гнурр-Кетта. Вода бурлила от погружных барж, выдолбленных из громадных морских раковин. Поезд описал дугу, и Дерхан снова отвернулась.

За крышами домов на юге стал виден простор Большого Вара, усыпанного кораблями. Согласно сохранившимся с незапамятных времен указам, большегрузные отечественные и любые иностранные суда останавливали в полумиле вниз по течению от места слияния Ржавчины и Вара. Корабли скапливались по ту сторону Страка, в доках. Вдоль северного берега Большого Вара на полторы мили, а может и больше, протянулись скопления портовых кранов, беспрестанно нагружающих и разгружающих баржи, крутящихся подобно гигантским птицам, кормящим своих птенцов. Толпы барж и буксиров перетаскивали транзитные грузы вверх по реке к Дымной излучине, Большой петле и трущобным фабрикам Ручейной стороны; они волочили ящики вдоль нью-кробюзонских каналов, доставляя их мелким франчайзерам и обанкротившимся мастерским, пробираясь через водные лабиринты, словно лабораторные крысы.

В глиняных берегах Паутинного дерева и Эховой трясины были выдолблены огромные квадратные дыры доков и резервуаров, гигантские водные карманы, вдававшиеся внутрь города, связанные с рекой глубокими каналами, в которых толпились корабли.

Однажды уже была попытка создать доки, подобные Паутинному дереву, в Худой стороне. Дерхан видела, что от них осталось. Три громадные зловонные котловины, наполненные малярной слизью, берега которых были завалены полусгнившими обломками стен и исковерканными балками.

Грохот рельсов под железными колесами внезапно изменился, когда паровая машина, тяжело переваливаясь, покатила по огромным развалинам Ячменного моста. Поезд слегка вилял из стороны в сторону, замедляя ход на вздыбленных рельсах, словно с брезгливостью приподнимаясь над Собачьим болотом.

Несколько серых зданий с крошащимися прогнившими бетонными стенами вздымались над улицами, как сорные травы над канавой. Многие из них остались недостроенными, железная арматура торчала в разные стороны над призрачными крышами, ржавая, сочась влажной испариной дождя, пятная стены домов. Вирмы кружили, словно вороны над падалью, над этими монолитами, незаконно поселяясь на верхних этажах и загаживая соседние крыши пометом. Под городом были вырыты тоннели, сетью протянувшиеся меж развалин, сточных труб и катакомб в недрах Нью-Кробюзона. Однажды прислоненные к стенам лестницы на следующий день оказывались уже приколоченными намертво, затем их укрепляли, а через неделю они уже превращались в лестничные клетки, ведущие на новый этаж, рискованно перекинутый между двумя полуобвалившимися крышами. Куда ни глянь, видны лежащие, бегущие или дерущиеся на крышах жители.

Зловоние Болота просачивалось в замедляющий ход вагон.

Как обычно, на выходе со станции никто не проверил у нее билет. Если бы не страх перед далеко идущими последствиями разоблачения, сколь ни мала такая возможность, Дерхан не заплатила бы за проезд. Она бросила билет на скамью и вышла из вагона.

Двери станции Собачье болото были всегда открыты. Они заржавели в этом положении, а оббивший их плющ плотно привязал створки к стенам. Дерхан вышла в кричащую зловонную толпу на улице Серебряная спина. Вдоль стен были разбросаны тачки, склизкие от плесени и вязкой гнили. Дерхан повернула и углубилась в трущобные кварталы. Ее окружал непрерывный визгливый гомон, напоминавший вакханалию. В большинстве случаев предлагались съестные товары – некоторые, как ни удивительно, весьма приличного качества.

– Лу-у-ук! Покупайте отличный лу-у-ук!

– Пампушки! Не проходите мимо, пампушки!

– Горячий бульон!

На каждом углу запросто предлагались и другие товары и услуги.

Жалкие осипшие шлюхи собирались кучками. Грязные нижние юбки, вульгарные оборочки из ворованного шелка, размалеванные белилами и румянами лица с замазанными синяками и кровоподтеками. Они хохотали, открывая беззубые рты, и втягивали носом тонкие дорожки шазбы, разбавленной сажой и крысиным ядом. Некоторые из них были еще совсем детьми, играющими в бумажные куколки и деревянные колечки, пока их никто не видит, а как только мимо проходил мужчина, похотливо надувавшими губки и высывающими язычок.

Публика на улицах Собачьего болота состояла из самого что ни на есть презренного отребья. В поисках навязчивого декадентского, фетишистского разврата и плотских извращений знатоки шли в другие места, в район красных фонарей между Вороном и Каминным вертелом. В Собачьем болоте предлагались самые быстрые, самые простые и самые дешевые способы расслабиться. Здешние клиенты были людьми такими же бедными, грязными и больными, как и сами проститутки.

У входов в клубы, которые уже изрыгали из себя напившихся до коматозного состояния алкашей, вышибалами служили заводские переделанные. Они грозно переминались на своих копытах, подошвах или толстых ногах, выставив перед собой когтистые металлические лапы. Грубые лица их были суровыми. Глаза прищуривались, когда уши слышали насмешку со стороны любого прохожего. Но переделанные покорно сносили плевки в лицо, боясь потерять работу. Их страх можно было понять: по левую сторону от Дерхан ниже железной дороги зияла огромная сводчатая пещера. Из мрака доносился зловонный дух дерьма и горелого масла, слышались механический лязг и человеческие вопли: это переделанные подыхали в изнуренной, пьяной, вонючей толчее.

По улицам кое-где шатались старые, едва ковляющие создания, неуклюже пытаясь вернуться от камней и комков грязи, которыми швыряли в них уличные мальчишки. Все стены были исписаны. Грубые стишки и непристойные рисунки перемежались лозунгами из «Буйного бродяги» и тревожными стихами:

«Полмолитвы уже здесь!»

«Долой Лотерею!»

«Вар и Ржавчину, как ноги раскинув, / Столица ждет своего любовника, / Потому что сейчас ее насилует вслепую / Тот хер, что зовется Правительством!»

Даже церковь не пощадили. Сердитые монахи-верулинцы стояли вокруг своей святыни, соскребая со стен порнографическую мазню.

В толпе иногда попадались и ксени. Некоторые из них были встревожены, в особенности немногочисленные хепри. Другие смеялись, шутили и перекидывались бранными словечками со своими соседями. На углу один кактус яростно спорил с водяным, а вокруг толпился народ, в основном люди, подначивая препиравшихся.

Дети свистели и кричали вслед Дерхан, клянчили монеты, когда она проходила мимо. Она не обращала на них внимания, не прижимала к себе сумку, чтобы не выглядеть как потенциальная жертва. Она напористо шла вперед, в самое сердце Собачьего болота.

Окружающие стены внезапно смыкались над ее головой, когда она входила под шаткие своды мостов и перекинутых над улицей самопальных этажей, словно слепленных из сгустков грязи. Под их сенью воздух был пронизан зловещим капаньем и скрипом. За ее спиной раздалось какое-то гиканье, и Дерхан почувствовала на шее холодок: это какой-то вирм акробатически нырнул в короткий тоннель и с безумным хохотом снова взмыл в небеса. Когда он задел ее, она споткнулась и прижалась к стене, присоединив свой вопль к бранному хору, несшемуся вслед вирму.

Дома, мимо которых она шла, были словно выстроены по абсолютно иным правилам, нежели остальные городские строения. В них не было никакой функциональности. Казалось, Собачье болото возникло в результате некой борьбы, в которой интересы здешних жителей совершенно не учитывались. Сделанные из кирпича, дерева и крошащегося бетона узлы и клетушки разрастались, как сорняки, заполняя все вокруг, словно злокачественная опухоль.

Дерхан свернула в глухой переулок из замшелого кирпича и огляделась. В дальнем конце улочки стояла переделанная лошадь, ее задние ноги представляли собой огромные поршневые насосы. Позади нее притулилась к стене крытая телега. Любой из околачивавшихся поблизости мертвоглазых типов мог оказаться милицейским доносчиком. Но ей придется пойти на риск.

Она обогнула телегу и подошла к ней сзади. Возле стены был сооружен небольшой загончик, куда из телеги выгрузили шесть свиней. Двое мужчин комично носились кругами по этому тесному пространству, пытаясь их поймать. Свиньи с визгом бегали от них, как дети. Выходом из загона служило полукруглое отверстие примерно в четыре фута высотой, сделанное в стене на уровне земли. Заглянув в этот проем, Дерхан увидела зловонную нору, уходившую на десять футов вглубь, едва освещенную мерцающим неверным светом газовых рожков. Из этой полутьмы доносился какой-то гул, виднелись красные отблески. Внизу сновали какие-то фигуры, сгибавшиеся пополам под тяжестью промокших грузов, словно души грешников в мрачном аду.

Дерхан повернула налево, в бездверный проем, за которым крутая лестница вела к подземной скотобойне.

Адская энергия здешних мест превращала весеннее тепло в невыносимый жар. Обливаясь потом, Дерхан пробиралась мимо раскачивающихся туш, мимо потеков свернувшейся крови. В глубине комнаты под потолком на подвесном рельсе безжалостным конвейером медленно проезжали тяжелые мясные крюки, исчезавшие затем в темных недрах мортуария.

Казалось, даже отблески света, игравшие на лезвиях ножей, были окрашены в мрачно-багровые тона. Дерхан держала у носа и рта горячий поссет, стараясь не слюнуть от тяжелого запаха протухшей крови и теплого мяса.

В дальнем конце комнаты она увидела трех мужчин, собравшихся под открытым сводом, который она видела с улицы. В этом темном зловонном месте дневной свет и воздух Собачьего болота сочились сверху белесой известью.

Вдруг, словно по сигналу, трое мясников отошли в сторону. Свиноарии в загоне наконец поймали одно из животных и теперь под нарастающие брань, хрюканье и испуганный визг пытались зашвырнуть огромную тушу в отверстие. Свинья визжала, не желая идти в темноту. Она окоченела от ужаса, несясь навстречу ожидавшему ее лезвию топора.

Когда полупарализованные ножки свиноматки ударились о каменные плиты, скользкие от крови и дерьма, послышался тошнотворный треск ломающихся костей. Свинья рухнула на окровавленные переломанные ноги с торчащими из них осколками, отчаянно дергаясь и сипло визжа, не в силах ни убежать, ни бороться. Трое людей привычно подошли к животному. Один

навалился сверху – на случай, если она станет изворачиваться, другой, взявшись за обвислые уши, оттянул назад ее голову. Третий молниеносным движением вскрыл ей горло.

Потоки густой крови быстро заглушили крики свиньи. Мужчины бросили огромное трепещущее тело на пустой стол, к которому была прислонена ржавая пила. Один из мужчин заметил Дерхан и толкнул локтем другого.

– Эгей, Бен, а ты темная лошадка, приятель! Это же твоя подружка! – добродушно воскликнул он достаточно громко, чтобы Дерхан услышала.

Человек, к которому он обращался, обернулся и помахал ей рукой.

– Пять минут, – крикнул он.

Дерхан кивнула. Она сглотнула наполнившие горло черную желчь и блевотину – посет уже не помогал.

А обезумевшие от ужаса толстые свиньи все падали и падали из стенного проема в бьющееся живое месиво, их ноги неестественно подгибались к животам, им вспарывали глотки, и кровь лилась на старые деревянные столы. Отовсюду свисали языки и лоскуты порванной кожи, с которых капала кровь. Проделанные в полу бойни канавки были полны, и грязная багровая жижа переливалась через край, обтекая ведра, наполненные потрохами.

Наконец была забита последняя свинья. Измученные палачи качались от усталости, все в испарине и крови. Они перекинулись несколькими словами, хрипло посмеялись, а затем тот, которого звали Бен, отвернулся от своих товарищей и подошел к Дерхан. Двое других за его спиной разрубили первую тушу и вывалили внутренности в огромную лохань.

– Ди, – спокойно сказал Флекс, – я тебе рад, но целовать не стану.

Он указал на свою промокшую одежду и окровавленное лицо.

– Благодарю, – ответила она. – Мы можем выйти отсюда?

Нагнув головы, они прошли под неровно двигающимися мясными крюками и направились к темному выходу. Затем поднялись по лестнице в цокольный этаж. По мере того как синевато-серые тона неба все больше просвечивали сквозь грязные потолочные окна узкого коридора, свет в помещении становился не таким мертвенным.

Бенджамин и Дерхан свернули в комнату без окон, заполненную бочками, насосами и разбросанными ведрами. За дверью висело несколько грубых халатов. Дерхан молча смотрела, как Бен снимает свою изгаженную одежду и бросает ее в ведро с водой и моющим порошком. Он почесался и с наслаждением потянулся, затем мощно накачал в бочку воды. Его обнаженное тело было все в потеках вязкой крови, как у новорожденного. Он насыпал немного порошка под брызжущую струю из насоса и помешал холодную воду, чтобы взбить пену.

– Твои приятели с большим пониманием относятся к тому, что ты вот так просто уходишь перепихнуться, да? – тихо заметила Дерхан. – Что ты им сказал? Что я похитила твое сердце, а ты мое, или что у нас с тобой чисто деловые отношения?

Бенджамин подавил смешок. Он заговорил с сильным «болотным» акцентом, разительно отличавшимся от аристократического выговора Дерхан.

– Ну я же сверхурочно работал. И предупреждал их о твоём приходе. Они знают только, что ты девчонка, которая влюблена в меня, а я влюблен в тебя. Да, пока не забыл: этот парик – просто чудо. – Он криво усмехнулся. – Очень тебе идет, Ди. Ты в нем неотразима.

Он забрался в бочку, враз покрывшись мурашками. На поверхности воды осталась густая кровавая пена. Запекшаяся кровь и вьёвшаяся грязь медленно сползли с его кожи. Он на минуту закрыл глаза.

– Я быстро, Ди, честное слово, – прошептал он.

– Не торопись, – ответила она.

Голова его исчезла в мыльных пузырьках, на поверхности же остались завитки жидких волос, которые вскоре тоже утонули. На мгновение он задержал дыхание, а затем начал яростно

тереть под водой свое тело, то привставая, чтобы набрать воздуха, то снова погружаясь целиком.

Дерхан наполнила водой ведро и встала позади бочки. Когда Бен окончательно вынырнул, она медленно окатила его голову, смывая последние следы мыла и крови.

– О-о-о, как хорошо! – пробормотал он. – Пожалуйста, еще.

Дерхан снова облила его водой.

Наконец он вышел из своей ванны, которая выглядела теперь как после кровавой резни. Слил отвратительные остатки в приколоченный к полу желоб. Было слышно, как грязная вода зажурчала где-то за стенкой.

Бенджамин облачился в грубый халат.

– Ну что, приступим к делу, любовь моя? – подмигнул он ей.

– Жду ваших указаний, сударь, – ответила она.

Они вышли из мойки. В конце коридора, освещаемая лучами, проникающими через потолочное окно, находилась комнатка, в которой Бенджамин спал. Войдя, он закрыл дверь на ключ. Комната была похожа на колодец: в высоту гораздо больше, чем в ширину. В квадрате потолка находилось грязное окошко. Дерхан и Бенджамин перешагнули через тонкий матрас и подошли к старому платяному шкафу – антикварной реликвии, чья обветшалая пышность разительно не сочеталась с трущобным окружением.

Бенджамин запустил руку в шкаф и вывалил несколько засаленных рубашек. Он просунул руку в отверстия, специально просверленные в деревянной спинке шкафа, и, слегка побряхтев, снял ее, осторожно наклонил, положил на пол.

Дерхан заглянула в небольшой кирпичный проем, открытый Бенджамином, в то время как он нашарил на полке шкафа спичечный коробок и свечку. Чиркнув спичкой, он зажег свечу, прикрывая ее от холодного ветра, который струился из потайной комнаты. Затем вошел в проем и осветил редакцию «Буйного бродяги».

Дерхан и Бенджамин зажгли газовые лампы. Комната казалась огромной, особенно по сравнению с примыкавшей к ней спальней. Воздух внутри был тяжелым, застоявшимся. Никакого естественного освещения. Высоко наверху виднелись очертания светового люка, но стекло было покрашено черным.

По комнате были расставлены полуразвалившиеся стулья и пара письменных столов, ломящихся под тяжестью бумаг, ножниц и печатных машинок. На одном из стульев сидела отключенная конструкция с потухшими глазами. Одна нога была сломана и оторвана, из нее высыпались медные проволочки и осколки стекла. Стены были заклеены афишами. По периметру комната была завалена пачками гниющих номеров «Буйного бродяги». У отсыревшей стены стоял печатный пресс – железная машина вся в копоти и краске.

Бенджамин сел за самый большой стол и подтащил к себе ближний стул. Он закурил тонкую длинную сигарку. Тлела она медленно, но чадила нещадно. Дерхан тоже закурила. Она ткнула пальцем в конструкцию.

– Как поживает наш старикашка? – спросила она.

– Чертовски шумит, его нельзя включать днем. Мне приходится ждать, пока все не уйдут. Но и пресс гремит дай боже, так что все равно. Раз в две недели он всю ночь без устали крутит, и крутит, и крутит это проклятое колесо. Я только подбрасываю ему уголька в топку, показываю, что надо делать, а сам иду давить подушку.

– А как дела с новым номером?

Бенджамин и указал на перевязанную стопку газет под своим стулом.

– Неплохо. Надо бы еще немного допечатать. Мы тиснули заметочку о твоём переделанном из цирка уродов.

Дерхан махнула рукой:

– Это все ерунда.

– Нет, но это... знаешь... это хлестко... Выборы не за горами. «Лотреку на мыло!», выражаясь менее резко. – Он усмехнулся. – Знаю, это почти то же самое, что и в предыдущем номере, но сейчас время такое.

– В этом году ты не стал счастливым победителем? – спросила Дерхан.

– Ага. Мне только один раз в жизни повезло, много лет назад. Я помчался на выборы, гордо сжимая в руке свой призовой бюллетень, и проголосовал за «Наконец мы прозрели». Юношеский порыв. – Бен хохотнул. – Ты ведь тоже не можешь стать избирателем автоматически, верно?

– Еще чего, Бенджамин, откуда у меня столько денег! Да если б и были, я лучше бы истратила на «Бэ-бэ». Нет, в этом году я тоже не выиграла.

Бенджамин разрезал бечевку на пачке газет и сунул Дерхан несколько экземпляров. Она взяла верхний и взглянула на первую полосу. Каждый номер представлял собой одинарный лист, сложенный вчетверо. Шрифт первой полосы мало чем отличался от того, которым пользовались «Маяк», «Раздор» или любое другое легальное печатное издание Нью-Кробюзона. Однако внутри «Буйный бродяга» был буквально испещрен заметками, лозунгами и призывами, набранными мелким шрифтом. Выглядело не очень красиво, зато действовало эффективно.

Дерхан достала три шекеля и сунула их Бенджамину. Тот взял, пробормотав «спасибо», и положил деньги в жестяную банку, стоявшую на столе.

– Как с остальными? – спросила Дерхан.

– Примерно через час я встречаюсь с двумя в пивной, другие подойдут сегодня вечером, попозже, и завтра.

В неустойчивой, жестокой, безыскусной и репрессивной политической обстановке Нью-Кробюзона элементарная осторожность требовала, чтобы пишущие для «Буйного бродяги» без самой крайней необходимости не встречались друг с другом. Таким образом сводилась к минимуму вероятность, что в организацию проникнет милицейский агент. Бенджамин был единственным в постоянно меняющейся редакции, которого знали все и который знал всех.

На полу возле своего стула Дерхан заметила стопку грубо отпечатанных листовок. Они были выпущены дружественным «Буйному бродяге» сообществом бунтарей – то ли товарищами, то ли соперниками.

– Что-нибудь стоящее? – указала она на стопку.

Бенджамин пожал плечами:

– На этой неделе они выпустили кое-что. Увесистую пультку отлили в «Кузнице» про рудгуттеровские делишки с судоходными компаниями. Я даже, пожалуй, пошлю кого-нибудь все разнюхать. Впрочем, на этом много не заработаешь.

– А мне ты что хочешь поручить?

– Ну... – Бенджамин полистал бумаги, заглянул в свои записи. – Можешь просто послушать, что говорят о забастовке докеров... Узнай общественное мнение, постарайся получить несколько положительных ответов, запиши какие-нибудь цитаты, сама знаешь, что надо делать. А как насчет пятисот слов по поводу истории с Избирательной лотереей?

Дерхан кивнула.

– Что еще у нас на очереди? – спросила она.

Бенджамин пожевал губами.

– Ходят слухи, что у Рудгуттера какая-то болезнь, средства лечения весьма подозрительные. Вот что я хотел бы выведать, но ты можешь возразить, что эти слухи прошли через черт знает сколько рук. И все-таки держи ухо востро. Есть и еще кое-что в этом плане... пока прилизительное, но интересное. Я сейчас веду переговоры с неким лицом, у которого будто бы

есть контакт с кем-то, кто хочет настучать про связи между парламентом и организованной преступностью.

Дерхан медленно и уважительно покивала:

– Звучит весьма заманчиво. А о чем речь? Наркотики? Проституция?

– Да блин, ясно как день, что Рудгуттер по уши замешан в каждой политической взятке, которую ты только можешь себе представить. Да и все они. Прокручивай себе товары, огребай выручку, держи на коротком поводке милицию, чтобы потом отмывать своих заказчиков и плодить новых переделанных или рабов-рудокопов для копей Стрелюлиста, набивай тюрьмы до отказа... Здорово, правда? Не знаю, что именно у этих юнцов на уме, они ужасно рассержены и, по всей видимости, готовы наделать глупостей. Но ты же меня знаешь, Ди. Все должно идти потихоньку, постепенно. – Он подмигнул ей. – Глупостей я не допущу.

– Внеси меня в свой список, пожалуйста, – попросила Дерхан.

Бенджамин согласно кивнул.

Дерхан уложила газеты в сумку, спрятав их под разными ненужными бумажками. Встала.

– Ладно, задание понятно. Кстати, те три шекеля выручены от продажи четырнадцати экземпляров «Бэ-бэ».

– Неплохие бабки. – Бенджамин среди прочих бумаг на своем столе отыскал специальную тетрадь, в которой вел бухгалтерию.

Он встал и вывел Дерхан через дверь и шкаф. В крохотной спальне она подождала, пока он выключит свет в типографии.

– А Грим-как-бишь-его по-прежнему покупает? – спросил он. – Тот ученый старикашка?

– Да. Он весьма мил.

– На днях слышал о нем смешную историю, – сказал Бенджамин, появляясь в проеме шкафа и вытирая замасленные руки тряпкой. – Что он скупает всяких пташек.

– Да, он проводит какой-то там эксперимент. Ты что, Бенджамин, слушал рассказы бандюг? – Дерхан усмехнулась. – Он собирает крылья. Думаю, для него дело принципа никогда ничего не покупать официально, если можно сделать это по тайным каналам.

Бенджамин понимающе кивнул:

– Этот парень горазд на такие штуки. – Он возился в шкафу, ставя деревянную загородку на место. Прочно закрепив ее, повернулся к Дерхан. – Ладно, – сказал он. – Нам пора входить в роль.

Дерхан коротко кивнула и немного растрепала свой белый парик. Развязала замысловатые шнурки на туфлях. Бенджамин выпростал из штанов рубашку. Затем задержал дыхание и помахал руками. Лицо его побагровело; он с шумом выдохнул и покосился на Дерхан.

– Давай, – умоляюще сказал он, – прикинься утомленной. А то как же моя репутация? Тебе надо выглядеть хоть чуточку усталой...

Она улыбнулась ему и, вздохнув, потерла лицо и глаза.

– О-о-о, господин Би, – издевательски пропищала она, – вы самый лучший из всех, кого я знала!

– Так-то лучше... – пробормотал он, подмигнув.

Они отперли дверь и вышли в коридор. Их приготовления оказались напрасны. В коридоре никого не было.

Откуда-то из глубины доносился шум больших мясорубок.

Глава 13

Проснувшись голова к голове с Айзеком, Лин еще долго неотрывно смотрела на него. Ее сажки трепетали от его дыхания. Как давно, думалось ей, она не имела удовольствия видеть его таким.

Она осторожно повернулась на бок и погладила Айзека. Тот что-то пробормотал и закрыл рот. Его губы опадали и вздымались. Лин провела руками по его телу.

Она была довольна собой, довольна и горда тем, что удалось сделать прошлым вечером. Ей было плохо и одиноко, но, рискуя рассердить Айзека, она все же пришла непрошеной в его район. И тем не менее ей удалось провести вечер не зря.

Лин вовсе не собиралась вызывать у Айзека сочувствие к себе, однако гнев его улетучился слишком быстро, чтобы на это как-то повлияло ее поведение. Со смутным чувством удовлетворения она осознала: у нее действительно был измученный и подавленный вид, и не надо было убеждать Айзека в том, что она нуждается в его нежном участии. Он понимал ее волнения по одному движению ее головотуловища.

В попытках Айзека скрыть любовную связь была одна положительная сторона. Когда они шли по улице вместе, не касаясь друг друга, тихим шагом, это напоминало робкие ухаживания молодых представителей человеческой расы.

У хепри подобного не существовало. Головной секс для продолжения рода представлял собой неприятную обязанность, демографический долг. Самцы хепри были безмозглыми жуками, похожими на головотуловища самок, и Лин с радостью предпочла бы годами не испытывать, как кто-то ползает вверх-вниз по ее голове и спаривается. Секс ради удовольствия между женщинами был делом обычным и широко известным, но давно превратившимся в ритуал. Знаки заигрывания, отказа и согласия между индивидами или группами были столь же формальны, как и танцы. В них не было ничего общего с нервным эротичным сплетением языков молодых представителей человечества.

Лин достаточно впитала в себя человеческую культуру, чтобы согласиться с тем, чтобы Айзек следовал немного позади нее, когда они гуляют вместе по городу. До своей противозаконной гибридной связи Лин с восторгом относилась к сексу с себе подобными и мысленно презирала многословные, бессмысленные прельстительные речи, которые она иногда слышала в Нью-Кробиозоне от людей. Однако, к своему удивлению, иногда в Айзеке она замечала застенчивость и робкую дружескую привязанность, и ей это нравилось.

Прошлой ночью это стало еще заметнее, когда они шли холодными улицами к станции, а потом ехали над городом в сторону Пряной долины. Самое лучшее в этом было, конечно, то, что сексуальная разрядка, когда она наконец наступала, происходила необычайно мощно.

Едва дверь за ними закрылась, Айзек сжал Лин в объятиях, а она, обвив его руками, прижалась к нему. Желание пришло моментально. Не отпуская Айзека, Лин открыла свой панцирь и попросила его погладить ей крылья, что он и сделал дрожащими пальцами. Ему пришлось подождать, пока она насладится мужской ревностной страстью, а затем она увлекла его на кровать. Они катались вдвоем, пока он не лег на спину. Лин сбросила с себя одежду и стянула все с него. Затем оседлала его, а он стал гладить ее твердое головотуловище, потом руки спустились ниже, пробежав по ее телу, грудям, и крепко схватили за бедра.

Потом он приготовил ужин. Они ели и разговаривали. Лин ничего не сказала ему про господина Попурри. Она смутилась, когда Айзек спросил, отчего вчера вечером она была так печальна. Лин начала рассказывать ему полуправду о некоей большой и трудной скульптуре, которую она не может никому показать, а следовательно, не будет участвовать в конкурсе на приз Шинтакоста; о том, что место, где она работает, находится у черта на рогах, она не в состоянии сама найти или объяснить ему, где это.

Айзек выглядел очень заботливым. Может, это было напускное. Он знал, что его рассеянность и невнимательность, когда он занят работой над каким-нибудь проектом, обижает Лин. Он стал упрашивать, чтобы Лин сказала, где она работает.

Разумеется, она ничего не сказала.

Смахнув крошки и семечки, они легли спать. Во сне Айзек сжимал Лин в своих объятиях.

Проснувшись, Лин несколько долгих минут с наслаждением смотрела на Айзека, после чего встала и поджарила хлеб к завтраку. Почуввав запах, Айзек тоже поднялся и шутливо поцеловал Лин в шею и голову. Она погладила его по щекам своими сяжками.

«Тебе надо на работу сегодня утром?» – жестами спросила она через стол, в то время как ее челюсти пережевывали грейпфрут.

Айзек несколько смущенно оторвался от своего хлеба:

– Вообще-то... да. Мне действительно надо, дорогая. У меня дома разложена вся эта ерунда, птицы и все такое, хотя это немного смешно звучит. Знаешь, я исследовал голубей, дроздов, кречетов и еще черт-те знает кого, но еще ни разу не видел вблизи гаруды. Так что я иду на охоту. Раньше все откладывал, но теперь, кажется, пришло время. Я собираюсь в Расплевы. – Айзек сморщился и сглотнул. Потом снова откусил большой кусок. Проглотив, он посмотрел на Лин из-под бровей: – Ты не хочешь пойти со мной?

«Айзек, – немедленно ответила она жестами, – не говори того, чего не думаешь, потому что я хочу пойти с тобой, и если ты не поостережешься, я скажу да. Даже в Расплевы».

– Послушай... я действительно... Я действительно так думаю. Серьезно. Сегодня утром ты не работаешь над своим шедевром, так пойдем развеемся. – По мере того как он говорил, голос становился все убежденнее. – Пойдем, ты можешь стать ассистенткой в моей передвижной лаборатории. Нет, придумал: ты можешь на денек стать моим гелиотипистом. Возьми с собой камеру. Тебе надо сменить обстановку.

Айзек осмелел. Они с Лин вместе вышли из дома, и при этом он не выказал никаких признаков смущения. Они немного прошагали в северо-западном направлении по Седрахской улице, подошли к станции Салакусские поля, но тут Айзек начал проявлять нетерпение и поймал экипаж. Увидев Лин, лохматый извозчик удивленно вскинул бровь, однако оставил возражения при себе. Он наклонил голову и что-то прошептал на ухо лошади, жестом приглашая Лин и Айзека садиться.

– Куда едем, папаша? – спросил он.

– В Расплевы, голубчик. – Айзек говорил весьма напыщенно, словно восполняя тоном неказистость пункта назначения.

Извозчик недоверчиво обернулся к нему:

– Вы, наверное, шутите, сударь. Я не поеду в Расплевы. Могу довести вас до Водуа, а дальше как знаете. Там, в Расплевах, у меня колеса на ходу снимут.

– Ладно, ладно, – раздраженно сказал Айзек. – Подвези нас так близко, насколько посмеешь.

Когда шаткая двуколка покатила по булыжной мостовой Салакусских полей, Лин привлекла внимание Айзека.

«Это действительно опасно?» – беспокойно прожестикуюлировала она.

Айзек огляделся, а потом тоже ответил ей жестами. Он жестикулировал гораздо медленнее и не так свободно, как она. Но если бы он просто говорил, извозчик мог бы и обидеться.

«Да нет, просто там дикая нищета. Они тащат все что ни попадя, но зверствовать – не зверствуют. Этот осел просто трус. Слишком много читает...» Айзек запнулся и нахмурился от напряжения.

– Забыл, как это показать жестом, – шепнул он. – «Сенсационный». Он читает слишком много сенсационных статей в газетах.

Айзек снова откинулся на спинку сиденья и стал смотреть в окно на очертания Шумных холмов, которые нетвердо покачивались слева от него.

Лин никогда раньше не была в Расплевах. Она слышала лишь об их дурной славе. Сорок лет назад Сточная линия была протянута дальше на юго-запад от Мертвяцкого брода, мимо Водуа, и далее железнодорожная ветка стремилась к Строевому лесу, заканчиваясь у южных окраин города. Архитекторы и денежные мешки возвели здесь высокие жилые многоэтажки: хотя и не монолиты, как в Корабельной пустоши, но тем не менее впечатляющие творения. Здесь открыли железнодорожную станцию Холм и начали строить еще одну в самом Строевом лесу, пока вокруг железной дороги не осталась лишь узкая полоска свободного места. Были планы построить еще одну станцию вслед за этой, и соответственно рельсы проложили прямо по лесу. Были даже гипотетические, абсурдные проекты класть рельсы на сотни миль к югу или к западу, чтобы связать Нью-Кробюзон с Миршоком или Толстым морем.

Но потом деньги кончились. Случился какой-то финансовый кризис, рухнула какая-то спекулятивная пирамида, какая-то торговая сеть не выдержала давления конкуренции и хлынувшего потока дешевой продукции, которую никто не покупал, – и проект умер в зародыше. Поезда по-прежнему доезжали до Холма, зачем-то простаивая здесь по несколько минут, прежде чем вернуться в город. Строевой лес быстро отвоевал территории в южной части безлюдной застройки, поглотив пустой безвестный вокзал и ржавеющие рельсы. Пару лет поезда приходили в Холм пустыми и безмолвными. Но потом начали появляться редкие пассажиры.

Пустые оболочки огромных зданий начали заполняться. В район стала помаленьку вселяться деревенская беднота из Зернистой спирали и Нищенских предгорий. Разнесся слух о том, что это район-призрак, который не входит в поле зрения парламента и в котором налоги и законы – такая же абстракция, как и система канализации. Этажи были пронизаны грубыми сваями из ворованной древесины. Над мертворожденными улицами тускло мерцали очертания бетонных домов-коробок с крышами из рифленого железа. Жилые кварталы разрастались, как плесень. Здесь не было ни газовых фонарей, предохранявших от удара ножом по ночам, ни докторов, ни работы, и все же не прошло и десяти лет, как весь этот край оказался густо заполнен самодельными домишками. К нему приклеилось название Расплены, что отражало беспорядочность его очертаний: все эти вонючие трущобы, казалось, были разбрызганы, как кашки, с неба.

Пригород был вне досягаемости нью-кробюзонских муниципальных властей. Здесь создалась зыбкая альтернативная инфраструктура: стихийно возникшая сеть почтовых служащих, инженеров-сантехников и даже какое-то подобие законов. Но все эти системы были неэффективными и неполными. Потому что чаще всего ни милиция, ни кто другой в Расплены не проникали. Связь с внешним миром осуществляли только регулярные поезда, подходившие на станцию Холм, где непонятно почему поддерживался образцовый порядок; да еще банды вооруженных людей в масках иногда появлялись по ночам, чтобы грабить и убивать. Дети расплевских улиц особенно рисковали подвергнуться варварской расправе.

Обитатели трущоб Собачьего болота и даже Худой стороны считали посещение Расплены ниже своего достоинства. Нью-Кробюзон даже не считал Расплены своей частью – так, странный маленький городишко, который без спроса прижился на теле мегаполиса. Он не имел денег, чтобы привлечь сюда какую-либо промышленность – легальную или нелегальную. Преступления в Расплевах были всего лишь мелкомасштабными выражениями отчаянного желания выжить.

Но было в Расплевах нечто, что привело Айзека на его негостеприимные улицы. Ибо в последние тридцать лет это было нью-кробюзонское гетто, в котором жили гаруды.

Лин смотрела на гигантские глыбы зданий Корабельной пустоши. Она видела маленькие фигурки, катающиеся в стоявших над домами потоках воздуха. Вирмы и от силы пара гаруд.

Экипаж проезжал под воздушным рельсом, который изящным изгибом ответвлялся от милицейской башни и терялся между многоэтажными домами.

Экипаж остановился у края дороги.

– Ну все, папаша, дальше я не поеду, – сказал извозчик.

Айзек с Лин вышли из коляски. По одну сторону от повозки тянулся ряд чистых белых домиков. Перед каждым из них был ухоженный садик. Улица по обеим сторонам была усажена раскидистыми смоковницами. Напротив домов, с другой стороны от повозки, протянулась полоска парковой растительности, ярдов триста в ширину, которая резко спускалась под откос и уходила прочь от улицы. Этот узкий травяной спуск служил нейтральной полосой между приличными домами холма Водуа, в которых жили клерки, врачи и юристы, и нагромождением полуразрушенных многоэтажек за деревьями у подножия холма – районом Расплевы.

– Черт возьми, неудивительно, что Расплевы не такое уж популярное местечко, правда? – шепотом произнес Айзек. – Гляди, они портят вид из окна всем этим достойным людям, что живут наверху...

Он злорадно усмехнулся.

Лин разглядела, что Сточная линия вдалеке разрезала холм надвое. Поезда проходили через глубокое ущелье в зеленой полосе на западном склоне возвышенности. Над болотистой низиной Расплевов виднелись очертания красного кирпичного здания вокзала Холм. В этой части города рельсы лишь незначительно поднимались над домами, однако это не придавало особой архитектурной пышности вокзалу, который доминировал над окружающими его самопальными жилищами. Из всех строений Расплевов выше него была только переоборудованная под жильё милицейская башня.

Лин почувствовала, что Айзек толкает ее в бок. Он указал на скопление многоэтажек возле железнодорожного полотна:

– Посмотри наверх.

Лин посмотрела туда, куда указывал его палец. Нижние половины огромных зданий выглядели незаселенными. Однако начиная с седьмого или восьмого этажа из всех трещин под причудливыми углами торчали деревянные ветки. А наверху, на плоских крышах, примерно на том же уровне, на котором находились Лин и Айзек, виднелись маленькие фигурки.

Лин посмотрела в небо и чуть не подпрыгнула от радости. В небе резвились крылатые существа.

– Это гаруды, – сказал Айзек.

Лин с Айзеком спустились с холма к железной дороге, слегка забирая вправо, чтобы подойти поближе к видневшимся вдалеке самодельным гнездам гаруд.

– В этих четырех строениях живут почти все гаруды города. Вероятно, во всем Нью-Кробиозоне их не более двух тысяч. Так что они составляют примерно... э-э-э... ноль целых, блин, три сотых процента населения... – Айзек усмехнулся. – Видишь, я провел свои исследования.

«Но не все же они живут здесь. А как насчет Крахлеки?»

– О, разумеется, я имею в виду, что есть гаруды, которые выбираются отсюда. Однажды у меня учился такой отличный парень. В Собачьем болоте можно, наверное, найти пару гаруд, три-четыре в Темной стороне, шесть в Большой петле. Я слышал, несколько гаруд живут на Кургане Святого Джаббера и в Сириаке. А в одном поколении встречается лишь пара таких, как Крахлеки, которые делают это поколение великим. Кстати, я никогда не читал его работ. Он хороший ученый?

Лин кивнула.

– Ладно, значит, есть такие, как он, и еще другие... как звали того придурка?.. Из Инакой Тенденции... Шашжар, вот. Партия прибрала его к рукам, чтобы доказать, что «И-тэ» – для всех ксениев. – Айзек произнес непечатное ругательство. – Особенно для богатых.

«Но большинство из них здесь. А стоит сюда попасть, и уже трудноато выбраться...»

– Полагаю, да. Хотя это еще мягко сказано...

Они перешли через ручей и замедлили шаг, приближаясь к окраинам Расплевов. Лин скрестила руки и встряхнула голову туловищем.

«Что я здесь делаю?» – саркастически прожестикулировала она.

– Ты расширяешь свое сознание, – весело откликнулся Айзек. – Должна же ты знать, какие еще расы живут в нашем прекрасном городе.

Он тянул ее за руку, пока Лин, притворно сопротивляясь, не позволила вытащить ее из-под сени деревьев.

Чтобы попасть в Расплевы, Айзеку и Лин надо было пройти через несколько шатких мостиков, представлявших собой доски, перекинутые через восьмифутовый ров, который отделял окраинный район от парка на холме Водуа. Они шли друг за другом, иногда балансируя руками, чтобы не упасть.

В пяти футах под ними ров был наполнен зловонной желеобразной кашей из помета, вредных промышленных отходов и кислотных осадков. На ее поверхности то и дело появлялись пузыри трупных газов и раздувшиеся тела животных. То тут, то там, словно опухли или недоношенные зародыши, мерно покачивались разлагающиеся комки плоти. Жидкость скорее колыхалась, нежели струилась, поскольку ее поверхность была покрыта плотной маслянистой пленкой; камешки, упавшие с моста, поглощались ею без малейшего всплеска.

Даже зажав рукой рот и нос, чтобы не чувствовать зловония, Айзек испытывал позывы к рвоте. Дойдя до середины доски, он рыгнул от отвращения и повернулся, чтобы сблевать. Однако совладал с собой. Стоять, шатаясь, на этом мосту, а потом потерять равновесие и упасть – мысль была невыносима.

От запаха тошнотворной жижи, носившегося в воздухе, Лин стало почти так же дурно, как и Айзеку. Когда наконец они сошли с деревянных мостков, от хорошего настроения не осталось и следа. Они молча начали пробираться лабиринтом улиц.

Лин с легкостью ориентировалась среди невысоких построек. Иногда она шла впереди Айзека, а иногда он забегал вперед. Они шагали над сточными канавами, которые текли между домов. Оба были непреклонны. Оба перебороли свое отвращение.

Обитатели Расплевов выходили на них поглазеть.

Это были угрюмые мужчины и женщины, сотни детей, все одетые в странные сочетания ворованных и сшитых своими руками из грубой мешковины одежд. Ручонки цеплялись за Лин, когда она проходила мимо. Шлепая по ним ладонью, она вышагивала впереди Айзека. Вокруг них поднялся слабый гомон, переросший затем в шумные требования дать денег. Но никто не пытался остановить их.

Айзек с Лин невозмутимо пробирались по извилистым улицам, не выпуская из виду дома-башни. Они прокладывали себе путь в толпе. По мере того как приближались к нужному месту, наверху стали четче вырисовываться силуэты скользящих по воздуху гаруд.

Вдруг дорогу им преградил толстяк, почти такого же крупного телосложения, как и Айзек.

– Эй вы, придурки! – заорал он.

Глаза его быстро бегали. Айзек, толкнув Лин локтем, попросил ее остановиться.

– Чего тебе надо? – в нетерпении произнес Айзек.

Человек затараторил:

– Ну, у нас в Расплевах гости в диковинку, так вот я и подумал: может, типа, вам нужен провожатый?

– Не валяй дурака, парень, – проворчал Айзек. – Никакой я тебе не гость. В прошлый раз, когда я здесь был, меня приглашал сам Дикий Питер, – похвастался он и сделал паузу,

слушая перешептывания в толпе, вызванные упоминанием этого имени. – Так вот, а теперь я приехал перетереть кой о чем вот с ними.

Вскинув палец, он указал на гаруд. Толстяк отпрянул:

– Ты что, собираешься вести базары с этими пташками? И о чем же, интересно?

– Не твоё собачье дело! Вопрос в том, хочешь ли ты проводить меня в их жилище?

Человек поднял обе руки в знак примирения:

– Меня не надо упрашивать, сударь, я не стану лезть в ваши дела. Рад буду проводить вас в птичьи клетки, за маленькое вознаграждение, разумеется.

– Об этом можешь не беспокоиться, сговоримся. Не надо, – крикнул Айзек всем остальным зевакам, – лелеять идиотские планы напасть на меня и ограбить. У меня денег хватит только на то, чтобы достойно заплатить провожатому, и ни стивера больше, к тому же мне хорошо известно, что Дикий будет рвать и метать, если что-нибудь случится с его старым приятелем на подконтрольной ему территории.

– Умоляю, папаша, ты оскорбляешь здешний народ. Ни слова больше, просто следуй за мной и не отходи ни на шаг, понял?

– Веди, приятель, – сказал Айзек.

Когда они плутали между грязными бетонными стенами и ржавыми железными крышами, Лин обернулась к Айзеку:

«Что, черт возьми, все это значит? Кто такой Дикий Питер?»

Айзек на ходу стал объяснять жестами:

«Бочка с яйцами. Я был здесь как-то вместе с Лемюэлем по одному... сомнительному делу. Встретил Дикого. Я даже не был сейчас уверен, что он еще жив! Он бы меня не вспомнил».

Лин рассердилась. Она не могла поверить, что расплевцы купились на нелепую выдумку Айзека. Тем не менее пришельцев определенно вели в сторону башни гаруд. Может, то, чему она стала свидетелем, было скорее ритуалом, нежели реальным столкновением? Может, Айзек всего лишь пошутил и совсем никого не напугал? Может, ему помогают из жалости?

Импровизированные лачуги мелкой рябью набегали на подножия многоэтажных зданий. Провожатый энергично замахал, показывая на стоящие каре четыре многоэтажки. На тенистом пространстве между ними был разбит садик с корявыми деревьями, безуспешно пытающимися пробиться к дневному свету. Крепкие мясистые сорняки торчали из чахлого дерна. Под покровом облаков кружили гаруды.

– Вот они, сударь! – с гордостью сказал человек.

Айзек остановился в нерешительности:

– А как мне... Я не хочу являться к ним вот так, не представленным... – Он осекся. – Э-э-э... как мне привлечь их внимание?

Провожатый протянул руку. Айзек с минуту смотрел на него непонимающим взглядом, а потом, порывшись в карманах, достал шекель. Человек расплылся в улыбке и положил монету в карман. Потом повернулся и, отступив немного от стены здания, сунул в рот пальцы и свистнул.

– Эй! – крикнул он. – Птичий босс! Тут один господин хочет поговорить с тобой!

Толпа, которая по-прежнему окружала Айзека и Лин, с радостью подхватила крик. Эти хриплые крики сообщили летавшим наверху гарудам, что к ним пришли посетители. Несколько пернатых закружили в воздухе над головами расплевцев. Затем, совершив неуловимое движение крыльями, трое из них эффектно спикировали.

Толпа ахнула и одобритительно засвистела.

Гаруды камнем падали на замершую в ожидании толпу. В двадцати футах от земли они развернули крылья и оборвали свое головокружительное падение. Крылья тяжело молотили воздух, обдавая лица стоявших внизу людей потоками ветра и пыли, которая попадала зевакам в глаза. Птицы то слегка поднимались, то опускались, едва не касаясь голов.

– Чего вы орете? – проскрипел гаруда слева.

– Потрясающе, – шепнул Айзек Лин. – Голос у него птичий, но речь совсем не такая неразборчивая, как у Ягарека... Рагамоль, должно быть, его родной язык. Наверное, он никогда не говорил на других языках.

Лин и Айзек во все глаза смотрели на величественных созданий. Гаруды были в коричневых облегающих штанах, выше пояса – обнажены. У одного – черная кожа и перья; двое других просто смуглые. Лин зачарованно рассматривала огромные крылья. Они мощно вздымались и опускались и в размахе были по меньшей мере футов двадцать.

– Вот этот господин... – начал было провожатый, но Айзек перебил.

– Рад познакомиться, – крикнул он вверх. – У меня к вам предложение. Мы не могли бы переговорить?

Трое гаруд переглянулись.

– Чего ты хочешь? – крикнул черноперый.

Айзек обвел рукой толпу:

– Я совсем не так представлял себе нашу беседу. Нет ли здесь более укромного места?

– Конечно есть! – сказал первый. – Увидимся наверху!

Три пары крыльев шумно захлопали, и гаруды исчезли в небе.

– Постойте! – кричал Айзек вслед.

Но было уже поздно. Айзек огляделся в поисках провожатого.

– Я так полагаю, – сказал он, – что лифт здесь вряд ли работает?

– И никогда не работал, сударь. – Провожатый злорадно ухмыльнулся. – Лучше подниматься по лестнице.

– Дорогая Лин, иди дальше без меня. Я сейчас просто лягу здесь и умру.

Айзек выдохся на площадке между седьмым и восьмым этажами. Он кряхтел, сопел и тяжело отдувался. Лин в отчаянии стояла над ним, упревая руки в бока.

«Вставай, толстый лентяй, – проговорила она жестами. – Да, трудно. Я тоже устала. Думай о золоте. Думай о науке».

Жалобно стелая, как под пыткой, Айзек пошатываясь встал на ноги. Лин потащила его к следующему пролету бетонной лестницы. Скрепившись, он взял себя в руки и нетвердым шагом пошел вверх.

Серая лестничная клетка была сумрачной, свет пробивался через скругленные углы и трещины. Только теперь, когда они добрались до восьмого этажа, лестница начала принимать обжитой вид. Под ногами стал появляться всякий сор. На каждом этаже было по две двери, и через разбитые доски этих дверей проникали гортанные голоса разговаривающих между собой гаруд.

Айзек смирился и теперь покорно тащился вперед. Лин шла следом, не обращая внимания на жалобы о том, что его вот-вот хватит удар. По прошествии нескольких долгих и мучительных минут они добрались до верхнего этажа.

Над ними виднелась дверь, ведущая на крышу. Прислонившись к стене, Айзек стер пот с лица. Он вымок до нитки.

– Дай мне передохнуть, милая, – пробормотал он и даже изобразил улыбку. – Господи! И все это ради науки? Приготовь камеру... Отлично. Пошли.

Он встал, перевел дух и потащился вверх по лестнице, преодолевая последний марш, ведущий к двери; открыв дверь, шагнул в тусклый проем и очутился на крыше. Лин последовала за ним, держа в руке камеру.

Глазам хепри не нужно привыкать к свету после темноты и наоборот. Лин ступила на шершавую бетонную крышу, усеянную мусором, и увидела, как Айзек беспомощно прикрывает глаза и щурится. Она спокойно осмотрелась.

Невдалеке на северо-востоке маячил холм Водуа – возвышенность клином выростала из земли, словно стремясь заслонить собой центр города. Штырь, вокзал на Затерянной улице, парламент, купол Оранжереи: все это отчетливо виднелось над контуром возвышенности. По другую сторону перед Лин на много миль открывалась панорама Строевого леса, терявшегося где-то за неровными изгибами рельефа. То тут, то там сквозь кроны деревьев пробивались скалистые валуны. На север тянулась длинная непрерывная линия горизонта, через зажиточные пригороды Серполет и Галлмарч, милицейскую башню Кургана Святого Джаббера, подвесные рельсы Обратной линии, разрезающие Речную сторону и Звонарь. Лин знала, что сразу за этими закопченными сводами, в двух милях, течет по извилистому руслу Вар, неся груженные баржи из южных степей внутрь города.

Как только зрачки Айзека, сузившись, привыкли к свету, он перестал тереть глаза.

Наверху выполняли головокружительные кульбиты сотни гаруд. Вдруг они начали пикировать прямо с небес и приземляться на когтистые лапы, рядами окружая Айзека и Лин.

Лин прикинула, что их не меньше двухсот. Занервничав, она прижалась к Айзеку. Средний рост гаруд был по крайней мере на пару дюймов выше шести футов – это если не считать выступающих над плечами величественных сложенных крыльев. По росту и мускулатуре самки не отличались от самцов. Женщины были одеты в длинные балахоны, мужчины носили набедренные повязки или обрезанные штаны. И все.

Лин была пяти футов ростом. Ее поле зрения перекрывал первый круг людей-птиц, которые стояли вокруг нее и Айзека на расстоянии вытянутой руки, но ей было видно, как все новые и новые гаруды падают с небес; она чувствовала, как вокруг нее растет толпа. Айзек успокаивающе похлопал ее по плечу.

Несколько силуэтов все еще гонялись друг за другом и играли в воздухе. Когда гаруды перестали опускаться на крышу, Айзек прервал молчание.

– Ладно! – крикнул он. – Большое спасибо, что пригласили нас. Я хочу вам кое-что предложить.

– Кому? – послышался голос из толпы.

– Ну, всем вам, – ответил он. – Я сейчас работаю над одним проектом... в общем, изучаю полет. А вы – единственные существа в Нью-Кробюзоне, которые умеют летать и имеют в своих котелках мозги. Вирмы не славятся умом, – весело заключил он.

На шутку никто не среагировал. Айзек прочистил горло:

– Э-э... я хочу спросить, не желает ли кто-нибудь из вас погостить у меня пару дней. Показать несколько полетов, попозировать перед камерой... – Он схватил руку Лин, в которой была камера, и потряс ею. – Разумеется, я заплачу... Я действительно буду очень благодарен за любую помощь...

– А чем ты занимаешься? – Голос принадлежал гаруде, стоявшему в первом ряду. Когда он говорил, остальные смотрели на него.

«Это, – подумала Лин, – их главный».

Айзек внимательно посмотрел на него.

– Чем я занимаюсь? Вы имеете в виду...

– Я хочу сказать, зачем тебе эти снимки? Что ты задумал?

– Это... э-э-э... исследование природы полета. Понимаете, я ученый и...

– Чушь собачья. Откуда нам знать, что ты не убьешь нас?

Айзек подскочил от удивления. Собравшиеся гаруды одобрительно закивали и закаркали.

– Да зачем мне вас убивать?..

– Просто так, господин. Никто здесь не собирается тебе помогать.

Послышалось встревоженное перешептывание. Очевидно, некоторые из собравшихся все же были не прочь принять участие в эксперименте. Однако никто не бросил вызов говорившему, высокому гаруде с длинным шрамом, перерезавшим его грудь.

Лин смотрела, как Айзек медленно открывает рот. Он пытался изменить ситуацию. Она видела, как его рука тянется к карману, а затем отдергивается. Если бы он начал разбрасываться направо-налево деньгами, его приняли бы за мошенника.

– Послушайте... – нерешительно сказал он. – Я не понимаю, в чем тут проблема...

– Господин, может, это правда, а может, и нет. Может, ты из милиции.

Айзек презрительно фыркнул, однако главный гаруда продолжал тем же насмешливым тоном:

– Может, убойные отряды наконец добрались и до нас, птичьего народа. «Просто проводим исследования...» Вот что: никто из нас в этом не заинтересован, спасибочки.

– Я понимаю, что вас интересуют мои намерения, – сказал Айзек. – То есть хочу сказать: вы меня раньше в глаза не видели и...

– Никто из нас с тобой не пойдет, господин. Точка.

– Я могу хорошо заплатить. Я готов платить шекель в день любому, кто согласится пойти со мной в лабораторию.

Большой гаруда выступил вперед и угрожающе толкнул Айзека в грудь:

– Ты хочешь затащить нас в свою лабораторию, чтобы препарировать, посмотреть, что у нас внутри?

Другой гаруда, стоявший среди обступившей Лин и Айзека толпы, отпрянул:

– Ты и твоя жучиха хотите разрезать меня на кусочки?

Айзек запротестовал, пытаясь опровергнуть обвинения. Он обернулся и оглядел окружавшую его толпу.

– Правильно ли я понимаю, что этот джентльмен говорит от имени всех вас, или все-таки есть здесь кто-нибудь, желающий получать шекель в день?

Послышалось бормотание. Гаруды тревожно переглядывались между собой. Большой гаруда, стоявший напротив Айзека, заговорил, размахивая вверх и вниз руками. Он был вне себя от гнева.

– Я говорю от имени всех! – Он обернулся и медленно обвел взглядом соплеменников. – Есть другие мнения?

Наступило молчание, затем из толпы выступил молодой самец.

– Чарли... – обратился он к самоуверенному вожаку, – шекель – это уйма денег... Совсем не повредит, если кто-то из нас слетает туда убедиться, что дело чистое. Не сердись...

Гаруда по имени Чарли быстро подошел к говорящему и с размаху ударил по лицу.

Остальные дружно вскрикнули. Огромное количество гаруд разом вспорхнуло с крыши, взметнулся вихрь из крыльев и перьев. Некоторые из них, чуть покругив, вернулись и стали осторожно наблюдать, но многие скрылись в верхних этажах соседних домов или исчезли где-то в безоблачном небе.

Чарли стоял над своей оглушенной жертвой, которая упала на одно колено.

– Кто здесь главный? – исторг Чарли пронзительный птичий визг. – Кто здесь главный?

Лин взяла Айзека за рубашку и потянула к двери на лестницу. Айзек сопротивлялся. Он был явно в смятении от того, какой оборот приняло дело, однако должен был досмотреть до конца и узнать, чем же закончится противостояние.

Упавший гаруда взглянул снизу вверх на Чарли.

– Ты здесь главный, – еле слышно произнес он.

– Я – главный. Я главный, потому что я забочусь о тебе, верно? Я забочусь, чтобы с тобой все было в порядке, так? Так? А что я тебе всегда говорил? Избегай тех, кто ползает по земле!

А особо избегай антропоидов. Они хуже всех, они разрежут тебя на кусочки, оторвут крылья, убьют тебя! Не верь никому из них! Это касается и вон того жирного толстосума.

В первый раз за всю свою тираду он взглянул на Айзека и Лин.

– Эй ты! – крикнул он. – Убирайтесь отсюда, пока я не показал, что значит летать...
Давайте, проваливайте живо!

Лин увидела, как Айзек открыл рот, пытаясь еще раз объясниться и помириться. Она раздраженно топнула ногой и уволокла его в дверной проем.

«Учись наконец понимать ситуацию, Айзек. Пора уходить», – в ярости жестикулировала Лин, когда они спускались.

Он топал вниз по ступеням лестницы, на сей раз без жалоб. Гнев и замешательство придавали ему сил.

– Я просто не понимаю, – продолжал он, – почему они так неприязненно настроены...

Лин в отчаянии обернулась. Она преградила ему путь, заставив остановиться.

«Потому что они ксении, бедные и напуганные, ты, кретин, – медленно показала она жестами. – Какой-то зажравшийся ублюдок, размахивающий деньгами, приезжает в Расплевы, черт бы его подрал, – в район, отнюдь не похожий на небеса обетованные, но это все, что у них есть, – и уговаривает их покинуть свое жилье по причинам, которые не желает объяснять. Мне кажется, Чарли абсолютно прав. В таких местах обязательно должен быть кто-то, кто следит за всем происходящим. Будь я гарудой, я бы его слушалась».

Айзек слегка успокоился и даже немного устыдился.

– Ладно, Лин. Я понял твою мысль. Надо было сначала все разведать, разыскать того, кто знает здешнюю жизнь...

«Да, а ты все испортил».

– Согласен, и спасибо, что указала мне на это... – Он нахмурился. – Черт бы меня побрал! Я все испортил, да?

Лин не ответила.

На обратном пути через Расплевы они почти не разговаривали. Пока они возвращались той же дорогой, по которой пришли, на них глазели из всех открытых дверей и из окон с бутылочными стеклами.

Когда они снова проходили над вонючей канавой, наполненной дерьмом и гнилью, Лин обернулась, чтобы взглянуть на полуразрушенные башни. Она увидела плоскую крышу, на которой недавно побывала.

За ней и Айзеком, кружась, летела стайка молодых гаруд. Айзек обернулся, и его лицо на мгновение прояснилось, однако гаруды держались слишком далеко, чтобы с ними заговорить. Они грубо жестикулировали сверху.

Лин и Айзек вернулись на холм Водуа и направились в город.

– Лин, – заговорил Айзек после долгого молчания, и в голосе звучала грусть, – там, в Расплевах, ты сказала, что если б ты была гарудой, то послушалась бы главного, так? Что ж, ты не гаруда, зато ты хепри... Когда решила покинуть Кинкен, наверняка многие уговаривали тебя остаться, говорили, что людям нельзя верить и все такое прочее... Фокус в том, Лин, что ты их все-таки не послушала, верно?

Лин долго раздумывала, но не ответила.

Глава 14

– Давай, старушка, моя пухленькая, давай, милая. Съешь что-нибудь, ради бога, ну же...

Гусеница неподвижно лежала на боку. Ее дряблая кожа время от времени колыхалась, голова поворачивалась в поисках пищи. Айзек кудахтал над ней, шептал, тыкал в нее палочкой. Гусеница тревожно извивалась, а потом затихла.

Айзек выпрямился и в сердцах отшвырнул палочку.

– Ну, тогда все, я в тебе разочарован, – заявил он в пустоту. – И не говори, что я плохо старался.

Он отошел от коробочки, в которой по-прежнему гнили кучи всякой еды.

Клетки, как и раньше, громоздились на подвесной галерее склада. Отовсюду по-прежнему разносилась какофония: визг, шипение и птичьи крики; однако количество плененных существ заметно поубавилось. Многие загончики и клетки пустовали, их дверцы были распахнуты. Оставалось менее половины того, что здесь хранилось изначально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.